

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

- Клобукова (Голубинская) Н.Ф.** Русские музыкальные инструменты в японских источниках первой половины XIX в. 5
- Коляда М.С.** Мироззрение средневековых японских воинов как предмет изучения в западных исследованиях (1990-2015 гг.).....11

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

- Жукова Л.Н.** Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из железа.....22
- Белая И.В.** Как вызвать демона на допрос: ритуал као чжао в даосской традиции Сердца Небес.....29

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

- Колчанова Ю.С.** Социальная генеалогия первого поколения советских инженеров 1930-х гг.: формирование повседневности.....37
- Ващук А.С.** Социальные проблемы приватизации в России 1990-х гг. в современной историографии.....46
- Казakov М.А., Беспалов Д.Н.** Персонификация политического лидерства – проблема и ресурс современной власти.....53
- Кошель А.С.** Система повышения квалификации работников ведущих вузов как способ повышения международной конкурентоспособности: зарубежный опыт.....60

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

- Троицкая Н.А.** Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке: размышления над документами.....65
- Позняк Т.З.** Русская революция и деятельность владивостокской городской думы в 1917-1918 гг. 75
- Беляева Н.А.** Таможенные учреждения Приамурья в 1917 г.: общественная жизнь и профессиональная деятельность.....87

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

- Иванов А.А.** Иркутская колония политических ссыльных и ее роль в общественной жизни города в конце XIX – начале XX вв. 94
- Исаев А.А.** Радио как проводник политико-информационной работы среди населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. (на примере Приморского края).....102

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Ажимов Ф.Е., Леонидова В.В.** Имплицитная история философии Ю. Кристевой: опыт историко-философской интерпретации постмодернистских концепций.....108
- Сердюкова Е.В.** Социально-философские и философско-правовые взгляды Н.О. Лосского: новые страницы.....115
- Памяти учителя: к 80-летию А.А. Биневского.....121

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г.В. АЛЕКСЕЕВА	доктор искусствоведения, профессор кафедры изобразительного искусства Школы искусства, культуры и спорта Дальневосточного федерального университета
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
М.Г. ЛЕБЕДЬКО	доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, заслуженный деятель науки РФ
А.В. ЛЫСОВА	доктор социологических наук, PhD, профессор Школы криминологии Университета Саймона Фрейзера (Simon Fraser University)
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы философии»
Н.Е.ХАРЛАМЕНКОВА	доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии посттравматического стресса Института психологии Российской академии наук
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор, директор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов
допускается только с разрешения редакции.

Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.
размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 15.12.2017.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 14,73. Уч.-изд. л. 14,42.
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.
Тел. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

№ 4 (42) 2017

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4

Certificate

ПИ № ФС 77 32359

09.06.2008

TABLE OF CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

- Klobukova (Golubinskaya) N.F.** Russian musical instruments in the Japanese sources of the first half of the XIXth century.....5
- Kolyada M.S.** The mentality of medieval Japanese warriors in the western studies, 1990-2015.....11

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

- Zhukova L.N.** Traditional forms of knives among the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from stone to iron items.....22
- Belaya I.V.** How to summon a demon for questioning: kao zhao rite in Tianxin Taoism.....29

ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS

- Kolchanova Yu.S.** The social genealogy of the first generation of Soviet engineers in 1930s: the making of everyday life.....37
- Vashchuk A.S.** Social aspects of Russian privatization of the 1990s in modern historiography.....46
- Kazakov M.A., Bespalov D.N.** Personification of political leadership as an issue and resource of power.....53
- Koshel A.S.** Faculty development system in leading universities as a way to enhance international competitiveness: international experience.....60

RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 IN THE LIFE OF THE RUSSIAN FAR EAST

- Troitskaya N.A.** The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: reflections on the archival documents.....65
- Poznyak T.Z.** The Russian Revolution and the activity of Vladivostok City Duma, 1917-1918.....75
- Belyaeva N.A.** The customs offices of Primurye in 1917: public and professional life.....87

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

- Ivanov A.A.** The colony of political exiles in Irkutsk and its role in the city's public life in the late XIXth – early XXth century.....94
- Isaev A.A.** Radio as an agent of political information for the population of the Soviet Far East in the 1930s (the case of Primorye).....102

PHILOSOPHIA PERENNIS

- Azhimov F.E., Leonidova V.V.** Julia Kristeva's implicit history of philosophy: an attempt of postmodernist concepts interpretation.....108
- Serdyukova E.V.** Nikolay Lossky's social philosophy and philosophy of law: the new pages.....115
- In memory of our Teacher: 80th anniversary of the birth of Alexander A. Binevskiy.....121

EDITOR-IN-CHIEF

F.E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

G.V. ALEKSEEVA	Doctor of Sc. (Arts), Far Eastern Federal University
N.N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
M.G. LEBEDKO	Doctor of Sc. (Philology), Far Eastern Federal University
A.V. LYSOVA	Doctor of Sc. (Sociology), Ph.D., Simon Fraser University
B.I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
N.E. KHARLAMENKOVA	Doctor. Of Sc. (Psychology), Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences
T.G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
S.E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

K.S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), associate professor,
School of Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950
Tel. (423) 245 77 48.
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 78.03

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/5-10

Н.Ф. Клобукова (Голубинская)*

РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ЯПОНСКИХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В статье анализируются описания и изображения некоторых русских музыкальных инструментов, встречающиеся в таких японских источниках первой половины XIX в., как трактат «*Канкай ибун*» («Удивительные сведения об окружающих [землю] морях») и сборник гравюр «*Ифу сясин кагами*» («Иллюстрации повседневных обыкновений») японского художника Кавахара Кэйга. Отраженная в данных источниках информация стала результатом первых неофициальных, а затем и официальных контактов русских и японцев.

Ключевые слова: музыкальные инструменты, Россия, Япония, культурный обмен

Russian musical instruments in the Japanese sources of the first half of the XIXth century. NATALYA F. KLOBUKOVA (GOLUBINSKAYA) (Moscow State Tchaikovsky Conservatory)

The article analyzes the descriptions and images of some Russian musical instruments that can be found in such Japanese sources of the first half of the XIXth century as the treatise «*Kankai ibun*» («Amazing information about the surrounding seas») and a collection of engravings «*Ifu syasin kagami*» («Illustrations of everyday habits») by the Japanese artist Kawahara Keiga. The information reflected in these sources was the result of the first contacts between Russians and Japanese.

Keywords: musical instruments, Russia, Japan, cultural exchange

В 1793 г. японское торговое судно «Вакамия-мару» с семнадцатью членами экипажа потерпело крушение у Алеутских островов. После 10-месячного проживания у местных аборигенов моряки были подобраны русским промышленным судном, перевезены в Охотск, затем в Якутск, после чего по реке Лене в Иркутск, где прожили 8 лет. В 1803 г. японские моряки были привезены в Петербург, где их принял император Александр I. К этому времени существовал проект установления торговых

отношений с Японией. Визит в Японию было решено совместить с первой русской кругосветной экспедицией под командованием И.Ф. Крузенштерна (1770-1846) на кораблях «Надежда» и «Нева»; в качестве официального посланника в Японию отправлялся дипломат Н.П. Резанов (1764-1807). Отплытие было назначено на 20 июля 1803 г.

Император Александр I во время аудиенции предложил морякам вернуться в Японию вместе с российским посольством. Четверо из них

---

* КЛОБУКОВА (ГОЛУБИНСКАЯ) Наталья Федоровна, специалист по учебно-методической работе Научно-творческого Центра «Музыкальные культуры мира» Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского.

E-mail: harunoumi@mail.ru

© Клобукова (Голубинская) Н.Ф., 2017

согласились, остальные предпочли остаться в России и вернуться в Иркутск.

«Надежда» прибыла в Японию в сентябре 1804 г., простояла на рейде порта Нагасаки около полугода, после чего японский император отдал Резанову в приеме и предписал покинуть страну. Таким образом, миссия Резанова успехом не увенчалась. Однако во время вынужденного пребывания у берегов японские художники-хроникеры, запечатлевавшие визиты иностранных посольств на рисунках и свитках *эмаки*, успели сделать несколько зарисовок облика русских матросов и офицеров, а также их необычных музыкальных инструментов. Так, на фрагменте свитка «Рэдзанофу райко эмаки» («Прибытие кораблей Резанова») можно видеть корабельного барабанщика, а на свитке «Оросиядзин» («Русские люди») изображены барабанщик и скрипач.

27 марта 1805 г. японских моряков передали японским властям, затем доставили из Нагасаки в Эдо, где они поступили в распоряжение их родового клана Мияги. Последовал 40-дневный допрос «дрейфовщиков»¹, во время которого они максимально подробно рассказывали обо всем, что видели и слышали в России. Допрос вели Оцуки Гэнтаку, главный врач клана, и ученый-рангакуся² Симура Хироюки. По ходу рассказа моряков возникала необходимость иллюстрирования; со слов моряков ученик Оцуки Гэнтаку зарисовывал описываемое, а моряки затем говорили, похоже или нет.

По результатам допросов и последующей исследовательской работы в начале лета 1807 г. была завершена рукопись, получившая название «Канкай ибун» («Удивительные сведения об окружающих [землю] морях»). В 1900 г. в японском издательстве «Хокубункан» было принято первое печатное издание рукописи под редакцией Исии Кэндэ. В дальнейшем трактат переиздавался еще несколько раз. В 2009 г. в издательстве «Гиперион» вышло русскоязычное издание в переводе В.Н. Горегляда³.

Трактат содержит подробное описание разнообразных реалий жизни России рубежа XVIII-XIX вв., с включением небольшого словаря русского языка. Помимо этого встречаются описания некоторых русских музыкальных инструментов, сопровождаемые иллюстрациями. Так, например, на листе 6 свитка 7 говорится об инструменте под названием *косикэ*, или

госикэ, то есть «гусельки», гусли. «Нити натягиваются металлические. Бывают латунные и медные. Сорок струн. Крышка закрывается как крылья у бабочки. С обратной стороны крышки наклеены ноты мелодий» [5, с. 181]. На рисунке изображены гусли трапециевидной формы, заключенные в прямоугольный футляр.

Известно, что на Руси начиная с XIV в. бытовали две формы гуслей – звончатые (крыловидные) и шлемовидные (гусли-псалтирь)⁴. Как симбиоз двух этих разновидностей, к началу XVII в. появились усовершенствованные трапециевидные гусли, заключенные в прямоугольный ящик, который служил резонатором. Ящик закрывался крышкой и ставился на стол, или же устанавливался на полу на четырех высоких ножках. Инструмент назывался столовые, или столовидные (также клавирообразные) гусли и имел от 55 до 66 струн. С большой долей вероятности можно заключить, что в трактате «Канкай ибун» описываются именно такие гусли, поскольку на рубеже XVIII-XIX вв. они были очень популярны в России, и японские моряки вполне могли их видеть и при императорском дворе, и в чьем-нибудь доме. «Гусли или лежащая арфа по устройству, виду и величине совершенно сходны с обыкновенным клавиром (клавикордами)... Гусли употребляются во многих знатных домах для застольной музыки; притом же многие русские мастера или гуслисты ныне до того усовершенствовали свою игру, что с большою беглостью и приятностью, в полных аккордах, исполняют новейшие итальянские произведения: театральные балеты, оперные арии и целые партиты» [8, с. 106]. Добавим, что инструмент использовался не только для светского музицирования, его применяли также регенты церковных хоров во время спевков.

Далее в тексте приводятся изображения сразу трех инструментов и дается их описание:

– *тотика* (дототика) – искаж. «дудочка». «Составная флейта. На стыки надеваются серебряные кольца. Есть такие флейты, в которые дуют, держа их во рту. Название не запомнили» [5, с. 181]. Изображенная на иллюстрации флейта имеет семь пальцевых отверстий (шесть с внешней стороны инструмента, одно с внутренней), слегка скошенный верхний конец. Скорее всего, это свирель – продольная деревянная флейта со свистком, вставленным в духовое отверстие. Возможно, некоторые флейты делались разъемными для предохранения от растрескивания из-за разницы температур и облегчения удаления влаги из внутреннего канала – отсюда упоминание в тексте о «составной» флейте.

⁴ Названы так по форме корпуса.

¹ Так они назывались в официальных японских отчетах.

² «Голландовед»; так назывались японские ученые, изучавшие науку и культуру Голландии.

³ Подробнее об истории создания трактата см.: [5, с. 9-28].

– *кэрэфуко* (урэбуко) – трехструнная скрипка или кырымпа (на языке саха, или якутском). «Звуки извлекают, зажав ее корпус под свою левую ключицу» [5, с. 181]. Скрипка, или гудок, была одним из самых распространенных музыкальных инструментов на всей территории России; однако корпус простонародного гудка, как правило, не имел «перехвата» на талии, тогда как инструмент, изображенный в трактате, его имеет; следовательно, моряки описывали именно скрипку. Сильно искаженная транслитерация названия, возможно, объясняется тем, что моряки долгое время прожили в Иркутске и вполне могли заимствовать некоторые слова из языков сибирских народов с избытком гласной «ы»; при транскрипции этот труднопроизносимый для японца звук заменялся на «э»; отсюда такое странное название, мало похожее на исходное.

– *барайка* (парайка) – балалайка; на языке ханты инструмент называется паллайка. У изображенной в трактате трехструнной балалайки треугольная верхняя дека, но непропорционально (относительно размеров корпуса) длинный гриф и очень большие настроечные колки, что делает ее похожей по очертаниям на традиционную японскую лютию *сямисэн*.

Среди музыкальных инструментов упоминается также барабан и некий «музыкальный инструмент длиной всего в два сяку. Спереди у него круглое отверстие, в которое дуют, поворачивая основную часть» [5, с. 181]. Японские редакторы пишут в примечании, что, возможно, имеется в виду труба (яп. *торомупэтто*, искаж. trumpet). По нашему мнению, это также могла быть флейта с широким раструбом *тярумэра* (искаж. исп. *charamela*, т.е. шалмей). С этими инструментами японцы к этому времени были немного знакомы, наблюдая повседневную жизнь обитателей голландской фактории на о-ве Дэдзима⁵.

⁵ Дэдзима – искусственный остров в порту Нагасаки, на котором в 1641-1853 гг. располагалось голландское торговое представительство и небольшое поселение для иностранных купцов. Известно, что в период *сакоку* (закрытия страны) 1637-1853 гг. Япония не имела контактов с внешним миром, частично сохраняя торговые контакты с Китаем, Кореей и Голландией. Приведенный фрагмент свитка *эмаки* «Сцены жизни голландского селтльмента в Нагасаки», сделанный неизвестным автором приблизительно в конце XVII в., основан на описаниях и эскизах официального инспектора городской управы Ватанабэ Сюээки (1639-1707). На иллюстрации показан голландец с медным духовым инструментом (сбоку надпись *тярумэра*). Изображены животные: нелетающая птица казуар из Новой Гвинеи (*хикуи-дори*), олень *яма-сиси* (на самом деле это скорее всего антилопа *камосика*), собака, обезьяна.

Далее в трактате говорится: «Кроме этих, должны быть разные музыкальные инструменты, но внимания на них не останавливали. Эти инструменты используют во время танцев. В столице их видели в театре. Играют там, главным образом, на всех вместе этих музыкальных инструментах. Музыканты становятся в ряд перед возвышением для танцев и после этого актеры, что поблизости, танцуют» [5, с. 181-182].

Упоминание о театре не случайно. Известно, что японские моряки по приглашению императора Александра I посетили балетный спектакль в одном из театров Царского Села. Более подробное описание спектакля приведено в свитке 11: «При виде того, что царствующие особы изволят входить, на сцене зазвучали флейты и барабаны. Государь и входил в такт их звукам. И вот перед сценой выстроился оркестр, зазвучали кото, скрипки и другие инструменты... В танцевальных *кэгэнах*⁶ танцевали пятнадцать мужчин и женщин, разделившись на две группы. Из них отдельно поднялись на высокую скалу три женщины. Эта скала медленно съезжилась и упала вниз, а женщины слетели и продолжали танцевать. Множество танцоров подпрыгивали в высоту пять-шесть сяку⁷ и танцевали, вертясь на одной ноге. В это время зрители хлопали в ладоши и хвалили их. Когда государь, расчувствовавшись, ударил в ладоши, все остальные зрители тоже вслед за ним ударили в ладоши» [5, с. 275-276].

По всей вероятности, речь идет о знаменитом Китайском театре, построенном в Александровском парке Царского Села архитекторами А. Ринальди и И.В. Нееловым в 1778-1779 гг. Внутреннее убранство Китайского театра отличалось большой пышностью. Центральная ложа, портал сцены, плафон – все было украшено фигурами китайцев, драконами, щитами со знаками зодиака и другими элементами восточного декора. Интерьер оживляли колокольчики, бусы, подвески, выточенные из дерева, пестро раскрашенные, посеребренные и вызолоченные. Украшения лож были сделаны из раскрашенного картона с подложкой из блестящей фольги. В центральной императорской и двух боковых великокняжеских ложах находились подлинные произведения китайского искусства: декоративные лаковые панно, фарфор, мебель. В 1779 г. художник-декоратор И. Крист расписал занавес оранжевого шелка сценками

⁶ Японское название театральных представлений.

⁷ Японская мера длины, приблизительно 30 см; для измерения тканей – около 40 см.

и пейзажами в «китайском вкусе». В этом же году состоялось открытие театра; была показана опера «Дмитрий Артаксеркс» итальянского композитора Джованни Паизиелло (1741-1816); на представлении присутствовала императрица Екатерина II. В дальнейшем спектакли устраивались, как правило, в летний сезон для императора, его семьи и гостей⁸.

Название спектакля, который смотрели японские моряки, установить не представляется возможным, но, судя по описанию, это был один из балетов в постановке французского танцовщика и хореографа Карла Дидло (1767-1837)⁹, который с 1802 г. руководил петербургской балетной группой. Дидло создал собственный хореографический стиль, введя различные усовершенствования в балетную технику (что стало исполнимым благодаря использованию облегченных костюмов – обтягивающих трико и легких туник), а также разработал новую систему театральной машинерии, что давало возможность танцорам «летать» над сценой, как поодиночке, так и группами. Именно эти особенности увиденного зрелища описывают японские моряки в своих воспоминаниях.

Упомянем еще об одном музыкальном инструменте, который явно впечатлил жителей Страны восходящего солнца. Речь идет о колоколах в православных храмах. В свитке 5 листе 4 говорится: «В главном павильоне три раза в день совершается служба – утром, в обед и вечером, – и буддийские священники должны читать сутры. Впереди в ряд устанавливают восковые свечи, а в это время на колокольне звонят в колокол. Посреди проемов колокольни – большой колокол, а вокруг него висит много малых колоколов. Малых колоколов висит пять или семь, или же девять. Самое большое число – девять.

И у больших, и у малых колоколов в тех краях внутри свисает язык, там это вроде колокольчика фурин¹⁰. О них не ударяют. Раскачивают и звонят. Называют этот язык эдзуки [искаж. рус. «язык» – прим. авт.].

⁸ К сожалению, в настоящее время здание и интерьеры утрачены.

⁹ Приведем названия некоторых постановок: «Фавн и Гамадриада», «Зефир и Флора», «Роланд и Моргана», «Амур и Психея», «Лаура и Генрих» и др.

¹⁰ Небольшой колокольчик с язычком, подвешиваемый в помещениях и на кровлях крыш храмов и жилых домов. К язычку, как правило, привязывается полоска бумаги с написанным на ней сезонным стихотворением. Звенит под напором ветра. Используется только в летнее время; считается, что звон колокольчика навевает прохладу.

Внутри этого колокола к языку привязан шнур. Много таких больших и малых шнуров держат пальцами правой и левой руки. Что же касается каната от большого колокола, то его зажимают пальцами ноги, прижимают ногой и отбивают такт. При соблюдении этого такта [колокол] звучит удивительно интересно.

Если человек не привык, то сначала отдельный человек управляет с большим колоколом. А во все малые колокола звонят, объединив их. Ударяют три раза, и по этому сигналу начинают читать сутру и звонят, покуда эту сутру прочтут до конца. Каждое утро люди по звуку этих колоколов начинают утреннюю службу в храмах и пробуждаются ото сна на заре» [5, с. 137-138].

Интересно, что на рисунке купол храма изображен конусовидным, а не в виде традиционной луковичы. Составители трактата объясняют это тем, что дрейфовщики не могли толком описать внешний облик русских храмов, и при иллюстрировании за основу брались изображения европейских соборов на старинных медных досках, хранящихся в семействе Оцуки [5, с. 139].

Строение церковных колоколов, порядок их применения и способы звуковоспроизведения заинтересовали японских моряков прежде всего в силу кардинальных отличий от японских колоколов, используемых в буддизме. Большой японский храмовый колокол *бонсё*, или *ооганэ*, всегда размещается в отдельно стоящей звоннице *сёро* (тогда как в русском православном храме звонница может быть совмещена с основным зданием), комплекты колоколов не применяются, а звук извлекается с помощью била *сюммоку*, подвешенного снаружи, а не внутри, как у русских колоколов.

Кроме трактата «Канкай ибун», содержащего интереснейшую информацию в том числе и для исследователей русской культуры конца XVIII – начала XIX вв., рисованные изображения русских музыкальных инструментов имеются в сборнике гравюр «Ифу сясин кагами» («Иллюстрации повседневных обыкновений», 1853) японского художника Кавахара Кэйга (1786-?). Известно, что следующий после визита Н.П. Резанова официальный контакт Японии и России состоялся в 1853 г., когда правительство России направило в Японию посольство во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным, которому было поручено провести с представителями сёгуната переговоры о заключении торгового договора, «стараясь достигнуть желаемого единственно путями переговоров и мирными средствами» [4, с. 7]. Кавахара Кэйга запечатлел отдельные моменты пребывания российской миссии на японской земле, в том числе и корабельный духовой оркестр, в серии рисун-

ков, на основе которых художник Ёкояма Мацусабуро (1838-1884), обучавшийся западной манере изобразительного искусства, а также литографии и фотографии, создал рукописный свиток *эмаки* (ныне хранится в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге).

Российское посольство смогло встретиться с губернатором Нагасаки Осава только 9 сентября. В этот день «...адмирал с музыкантами, флагом и караулом торжественно сошел на берег, церемониальным маршем проследовал к резиденции губернатора и вручил ему письмо» [4, с. 8-9]. Японские власти очень долго согласовывали мельчайшие детали предстоящего визита в дом губернатора, однако участие в шествии российского посольства военных музыкантов возражений не вызвало. Как вспоминает И. А. Гончаров в походном дневнике российской миссии «Фрегат «Паллада», «...о музыке они [японцы – прим. авт.] не сделали, против ожидания, никакого возражения; вероятно, всем, в том числе и губернатору, хотелось послушать ее» [2, с. 271]. Пока российская эскадра стояла на рейде Нагасаки, музыканты каждый день играли на палубах: днем – для тренировки, а вечером – для развлечения команды. Японские представители посещали российские суда практически каждый день и не отказывали себе в удовольствии «...послушать музыку и посмо-

треть ученье, военные тревоги, беганье по вантам и маневры с парусами» [2, с. 263]. Гончаров вспоминает также, что музыканты, ожидавшие конца переговоров с властями Нагасаки во дворе дома губернатора, были крайне разочарованы тем, что их угостили только простой водой. «Трезвые артисты кинули на меня несколько мрачных взглядов. Матросы долго не давали прохода музыкантам, напоминая им японское угощение» [2, с. 288].

Изображенный Кавахара Кэйга российский духовой оркестр (Рис. 1) состоит из шестнадцати музыкантов в парадной униформе (четырех барабанщиков, четырех горнистов, четырех корнетистов, двух валторнистов и двух тромбоновистов). Инструменты прорисованы настолько точно, что их атрибуция не составляет труда, однако нельзя с уверенностью утверждать, что такой состав был типичен для российского флота середины XIX в., поскольку в это время, как указывает В. И. Тутунов, корабельные оркестры в России только начали вводиться и не имели унифицированного состава [7, с. 118].

«Открытие» Японии, состоявшееся в 1850-х гг., положило начало активному восприятию страной западных материальных и культурных ценностей. Не было исключением и музыкальное искусство, «орудия воспроизводства» которого, то есть западные музыкальные инструменты,

Рис. 1. Русский корабельный оркестр. Кавахара Кейга, около 1854 г.

возбуждали живой интерес и стремление запечатлеть их на рисунках и гравюрах. Так, оттиски с глиняных матриц *каварабан*, бывшие популярными в Нагасаки и Йокогаме в 1850-х – 1860-х гг., изображали, помимо всего прочего, сцены музицирования как одного из любимых видов развлечения *гайкокудзин* («господ иностранных государств»). В качестве примера приведем гравюру художника Итимосай Ёситора «*Гайкокудзинбуцу суга. Росиа*» («Портреты иностранцев. Русские»), на которой изображена русская семейная пара, играющая на маленькой трубе и гармонии (причем мужчина держит последнюю весьма странным образом).

В дальнейшем японская иконография западных, в том числе русских, музыкальных инструментов полонялась все более реалистичными изображениями. По мере восприятия Японией западной музыкальной культуры, которая к началу XX в. стала неотъемлемой частью японской жизни, музыкальные инструменты из объекта исследовательского интереса превратились в образы художественного творчества и заняли важное место в сюжетной палитре японских живописцев и графиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вертков К.А. Русские народные музыкальные инструменты. Л.: Музыка, 1975.
2. Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». М.: Советская Россия, 1976.
3. Горегляд В.Н. Японские скитальцы в старой России // Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун. «Удивительные сведения об окружающих [Землю] морях» / Пер., вступ. ст. и коммент. В.Н. Горегляда. СПб.: Гиперион, 2009. С. 9-28.
4. Миссия в Японию. К 150-летию экспедиции адмирала Е.В. Путятин. Каталог выставки. СПб: 2005.
5. Оцуки Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун. «Удивительные сведения об окружающих

[Землю] морях» / Пер., вступ. ст. и коммент. В.Н. Горегляда. СПб.: Гиперион, 2009.

6. Тамба Цунэо. Йокогама укиёэ [Изображения культуры порта Йокогама в первые годы открытия]. Токио: Асахи симбун, 1962.

7. Тутунов В.И. История военной музыки в России. М.: Музыка, 2005.

8. Фаминцын А.С. Гусли – русский народный музыкальный инструмент. СПб, 1890.

REFERENCES

1. Vertkov, K.A., 1975. Russkie narodnye muzykal'nye instrument [Russian folk musical instruments]. Leningrad: Muzyka. (in Russ.)
2. Goncharov, I.A., 1976. Fregat «Pallada» [Frigate "Pallada"]. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (in Russ.)
3. Goreglyad, V.N., 2009. Yaponskie skital'tsy v staroy Rossii [Japanese wanderers in old Russia]. In: Otsuki Gentaku, Simura Hiroyuki, 2009. Kankay ibun. «Udivitel'nye svedeniya ob okruzhayushchikh [Zemlyu] moryakh». Sankt-Peterburg: Giperion, pp. 9-28. (in Russ.)
4. Missiya v Yaponiyu. K 150-letiyu ekspeditsii admirala E.V. Putyatina. Katalog vystavki [The mission to Japan. To the 150th anniversary of the expedition of Admiral E.V. Putyatin. Exhibition catalog]. Sankt-Peterburg, 2005. (in Russ.)
5. Otsuki Gentaku, Simura Hiroyuki, 2009. Kankay ibun. «Udivitel'nye svedeniya ob okruzhayushchikh [Zemlyu] moryakh» [Kankay ibun. Amazing information about the surrounding seas]. Sankt-Peterburg: Giperion. (in Russ.)
6. 丹波恒夫, 1962. 横浜浮世絵 [Yokohama ukiyoe]. 東京: 朝日新聞 (in Japanese)
7. Tutunov, V.I., 2005. Istoriya voennoy muzyki v Rossii [The history of military music in Russia]. Moskva: Muzyka. (in Russ.)
8. Famintsyn, A.S., 1890. Gusli – russkiy narodnyy muzykal'nyy instrument [Gusli, a Russian folk musical instrument]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

М.С. Коляда*

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЯПОНСКИХ ВОИНОВ КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (1990-2015 гг.)

В статье рассматривается история изучения культуры и мировоззрения средневековых японских воинов западными исследователями. В течение нескольких веков воины играли важнейшую роль в истории Японии. Однако при изучении связанных с ними явлений культуры японоведение долгое время сталкивалось с рядом проблем и предрассудков. На примере ключевых работ в данной области будет показано развитие науки в этом направлении за последние двадцать пять лет. По сравнению с началом XX в. к настоящему времени были сделаны переводы многих важнейших текстов, и, опираясь на известные теперь исторические данные, японоведы смогли очистить образ средневекового воина от идеологических наслоений, понять многие социальные и политические реалии существования воинов, предложить новые модели самурайской культуры и новое понимание мировоззрения воинов.

Ключевые слова: культура Японии, военные исследования, мировоззрение воинов, самураи

The mentality of medieval Japanese warriors in the western studies, 1990-2015.
MARIA S. KOLYADA (Lomonosov Moscow State University)

The article discusses how the culture and ideology of medieval Japanese warriors is represented and analyzed in the Western studies of the latest decades. Comparing to the early XXth century today many important medieval texts are translated, many historical facts uncovered, that allowed those who study Japanese history and culture to purify an image of medieval warrior from stereotypes and myths, to understand many social and political realities of the context in which the warriors lived and to suggest theories of samurai culture and mentality.

Keywords: Japanese culture, martial studies, warriors' mentality, samurai

В 1185 г. к власти пришел Минамото-но Ёри-томо, в дальнейшем основавший в Японии первое военное правительство – Камакурский сёгунат. Эта структура не замещала собой государев двор, но спустя некоторое время фактическими правителями страны стали воины, и несколько веков творцами японской истории по большей части были именно они. Воины стали героями литературных произведений, театральных пьес,

живописных свитков. Образ воина стал неотъемлемой частью японской культуры. С самого начала этот образ, как и систему символов, порожденную самурайской культурой, широко эксплуатировали в политических целях. Одна из проблем, связанных с изучением мировоззрения воинов, состоит именно в этом. Так, во времена милитаристской политики первой половины XX в. образ самурая использовался в

* КОЛЯДА Мария Сергеевна, аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: warriormary@yandex.ru

© Коляда М.С., 2017

пропаганде. Эйко Икэгами отмечает, что националисты довоенной Японии делали акцент, с одной стороны, на создании героического имиджа самураев, а с другой стороны – на их самопожертвовании, стоицизме и верности [22, р. 7]. Националисты пытались обосновать превосходство Японии, и образ самурая с теми добродетелями, которыми его наделяли, был частью этой идеологии. «На исторических примерах самурайской доблести воспитывались японцы и в XX веке. Самурайский дух становился духом нации, духом народа. Этот дух был агрессивен и нетерпим», – пишет А.Н. Мещеряков [3, с. 249]. Властью использовалось приписываемое образу самурая стремление к смерти, максимальная сдержанность в быту, верность долгу – все это было весьма кстати в трудные времена. В такой ситуации совсем не удивительно, что и западные исследователи иногда поддавались искушению найти в самурае ключ к пониманию «японского духа». Другой проблемой изучения мировоззрения средневековых воинов можно было бы считать попытки в той или иной степени перенести на японскую почву теории, которые создавались применительно к европейской истории культуры, без учета специфики японских моделей.

Что же на самом деле представлял собой средневековый японский воин? В каком мире он жил, как он мыслил, во что он верил? Японоведы искали ответы на эти вопросы, и теперь мы попытаемся осветить часть того пути, который прошла в этом направлении историческая наука за последнюю четверть века.

В западных исследованиях обычно не ведется речи о «мировоззрении самураев» в целом, достаточно редко употребляется термин «японская культура воинов». Однако представляется несомненным, что воины были социальной группой с особенной бытовой культурой, отличной от культуры, скажем, столичного чиновничества (которая во многом была для воинов желаемым и почти недостижимым идеалом), с собственным религиозным сознанием. И хотя сегодня многие исследователи считают, что средневековые воины мало осознавали себя как класс, их жизненные устремления и моральные установки, которые позже отразились в новых направлениях искусства, были также особенными. Пусть не в качестве целостного концепта, все элементы комплекса, который можно назвать «мировоззрением воина», были подвергнуты тщательному анализу в исследованиях по истории религий Японии, японской философской мысли, литературы, искусства и др.

Уже в 1918-1921 г. на английском языке выходит «Повесть о доме Тайра» (первый перевод – А. Сэдлера [29]). В 1950-х – 1970-х гг. переводятся другие великие воинские сказания: «Сказание о годах Хогэн» (перевод на английский У.Р. Уилсона [21], на русский – В.Н. Горегляда [8]), «Повесть о смуте годов Хэйдзи» (перевод на русский В.А. Онищенко), частично – «Повесть о великом мире» (перевод на английский Х. МакКаллоу [30]). Исследователи долгое время описывали средневекового воина таким, каким предстал его литературный образ. Как японские, так и западные авторы обсуждали «воина-рыцаря» в «феодалной Японии», мыслимой по аналогии со средневековой Европой. С другой стороны, существовало культурное наследие самураев позднейших эпох, поражавших воображение своей преданностью «Пути воина», *бусидо*, – пути меча, верности и смерти. В XX в. за пределами Японии стали широко известны описания этого пути в «Хагакурэ» [33]¹ и «Будо сёсин сю» (перевод У. Уилсона [34]) (XVIII в.). Не раз переиздавалась знаменитая книга Нитобэ Инадзо «Бусидо – душа Японии»², где идеалы *бусидо* описаны как сущность «японского духа». Выдающийся писатель Юкио Мисима, который умер, пытаясь в собственной жизни воплотить идеалы *бусидо*, написал пролог к «Хагакурэ» [2; 26] и показал важность этой книги для японцев времен Второй мировой войны – и этот текст также стал хорошо известен на Западе. Всё это объясняет, почему, когда вставал вопрос о мировоззрении японского воина, в ответ обычно вспоминали *бусидо*.

Японские авторы первой половины XX в. могли рассматривать воинов именно под таким углом, прежде всего, по идеологическим причинам, описанным выше. Так, Накамура Коя в «Истории Японии» 1938 г. пишет о периоде Камакура (1185-1333 гг.): «Воины этой эпохи отличались грубоватой простотой, мужеством, доблестью, преданностью, сыновней почтительностью, верностью и постоянством. Они чутко реагировали на позорящие репутацию действия, развивали в себе рыцарскую доблесть и дорожили своим добрым именем больше жизни. Они придерживались строгих и практических взглядов на жизнь, жили в скромных домах, развлекались играми, расчи-

¹ Частичный перевод У. Уилсона был издан в 1979 г.

² Впервые изданная в 1900 г., книга перепечатывалась в 1913 г., а затем еще множество раз. См. одно из изданий: [23].

танними на развитие смелости, военной ловкости, упражнялись в искусстве атаки и обороны, тренировали себя в физической выносливости и моральной стойкости. Таким образом, твердость национального духа японского народа была возвращена и укреплена в колыбели “*бусидо*” (путь воина)» [5, с. 367-368]. Там же, в разделе, посвященном реставрации Кэмму (1333-1336 гг.), находим следующие слова: «История реставрации Кэмму и эпохи Иосино³ есть летопись доблестных усилий осуществить непосредственную власть самого Императора в соответствии с основными принципами японской национальной государственности и японского духа. На алтарь этого идеала с радостью приносили в жертву свою жизнь многие честные воины, верные духу древней благородной традиции, определявшей отношение подданного к Императору» [5, с. 372].

Во второй половине XX в. создаются работы, значительно изменившие перспективу, согласно которой рассматривались явления воинской культуры. На западе это фундаментальные труды историков, в частности – Джеффри Маса (см., напр.: [24]), раскрывавших, например, экономические стороны бытия средневековых воинов, или работы культурологов, в числе которых Карл Стейнструп, вместе с переводом новых текстов осуществлявший всеобъемлющий анализ их религиозной, социальной, политической составляющей (см., напр.: [28]).

В 1990-е годы историки японской культуры продолжают двигаться в этом направлении. Постепенно стало ясно, что мировоззрение средневековых воинов – иное, не сводимое к положениям *бусидо*, ведь его носители жили совсем в иных условиях, чем самураи времён создания «*Хагакурэ*». Появляются фундаментальные работы, в которых образ японского средневекового воина очищается от разнообразных идеологических наслоений и литературных клише. Работы, посвященные мировоззрению и культуре воинов, можно условно разделить на три категории: исследования культуры воинов какого-либо периода в целом; книги и статьи, в которых центральное место занимает анализ конкретного памятника; разборы какого-либо из элементов комплекса, который можно было

бы назвать «мировоззрением воина». Мы рассмотрим некоторые примеры для каждой из этих трех категорий.

Крупные работы, посвященные истории воинов, по сути пытаются заново построить модель воинского общества, но теперь не на идеологической основе, а на основе исторического факта. Так, Уильям Фаррис в книге «Божественные воины: эволюция военных сил Японии, 500-1300» [16] опирается на археологические данные, хроники, дневники аристократов и воинские сказания, на исследования японских и западных историков. Соотнося между собой разнообразные данные, Фаррис реконструирует процесс развития японского воинского сословия, помещая его в социально-исторический контекст. Исследователь возражает против отождествления Японии эпохи Камакура с феодальной Европой. Теория «аналогии с Западом», по мнению ученого, предполагает принципиальную разницу, разрыв между предшествующей государственной традицией (выстроенной в конце VII в. по китайскому образцу) и военным режимом сёгуната. Древнее государство распалось к 900-м гг. [16, р. 356], и в ситуации разобщенности, децентрализации родилась новая система воинского правления, основанная на личных связях вассальной зависимости. Воины получали землю в качестве платы за военную службу, а значит, Япония в 1185 г. будто бы вступила в эру феодализма европейского образца. Фаррис оспаривает эту теорию, исследуя историю военных конфликтов, государственное устройство, способы призыва войск, их состав и вооружение. Он предлагает иную, «эволюционную» модель. Суть ее в том, что воины эпохи Камакура были наследниками долгой традиции, и даже истоки их стиля сражения прослеживаются в глубокой древности. Эта модель «...отвергает противопоставление государства китайского образца и Камакурского сёгуната; вместо этого она рассматривает японское военное развитие и эволюцию самураев как результат той важности, что придавали войне Государь Тэмму⁴ и система *Тайхо*:» [16, р. 367].

⁴ Государь Тэмму правил в 673-686 гг. В его правление были проведены реформы, целью которых было модифицировать государство по образцу танского Китая. В частности, были созданы система призыва рекрутов и Военное министерство. Начинания Тэмму продолжили его преемники, и в 701 г. законодательный кодекс «*Тайхорё*» закрепил основы «правового» государства – «*ришурё кокка*». См.: [4].

³ Иосино (Ёсино), здесь – период, когда в Японии династия государей разделилась на две ветви. Один двор, в столице, поддерживал власть сёгуната Асикага, другой двор, в горах Ёсино к югу от столицы, противостоял ему. Чаше это время называют периодом Северной и Южной династий, Намбокутё (1366-1392 гг.)

Фаррис считает, что «культура всадников», которая в зачатке содержала в себе все признаки, приписываемые «самурайскому стилю сражения» (фактически – «самурайской культуре»), существовала с древнейших времен. У воинов отсутствовало классовое (сословное) самосознание, резкое противопоставление себя и своих интересов, например, интересам аристократии. В этом обществе намного более значимы были вертикальные связи, нежели горизонтальные⁵. Не было революционного слома накануне эпохи Камакура – воины были встроены в существующую систему, действовали и мыслили в ее рамках⁶. И тот рубеж, когда воины действительно получили полноту власти, не совпадает с основанием первого сёгуната⁷. Лишь монгольские нашествия 1274 и 1281 гг. дали к этому толчок, и только к XIV в. воины стали фактическими правителями Японии.

Средневековый воин периода Камакура – конный лучник, а не боец с мечом. Фаррис лишает его того романтического «рыцарского» флера, который так часто и сейчас приписывается ему массовой культурой. Средневековые воины сражаются за землю и награду, в эту пору нет и намека на «верность одному господину» не говоря уж о том, чтобы умирать за него. В военных конфликтах Фаррис видит «внутривидовую борьбу», в которой над массовой стратегией преобладает «самурайский стиль сражения» – ритуализованный поединок конных лучников, в более позднее время еще и выкрикивающих перед боем свои родословные.

⁵ И в этом можно увидеть влияние китайской философии с ее идеалами иерархии. Воин занимает свою ячейку в этой структуре, где есть вышестоящие – аристократы, и нижестоящие – крестьяне, ремесленники, и пр. В то же время и среди самих воинов есть господ и слуги, и в дальнейшем это расслоение только нарастало.

⁶ Это хорошо видно на примерах способов призыва войск, с одной стороны, и попыток узаконить свои действия – с другой. Долгое время немалая часть военной силы была все еще в руках государственных ведомств. Даже обладая военной мощью, воин все равно спрашивал у Двора разрешения на войну, он желал получить специальный указ, который делал его действия легитимными и давал право на использование государственных ресурсов. В противном случае воин рисковал понести суровое наказание, как Минамото-но Ёсиизэ, победивший во Второй Трехлетней войне (1083-1087 гг.) без санкции и без помощи Двора.

⁷ Как отмечает Дж. Масс, в эпоху Камакура общество еще смотрело в прошлое, и лишь в XIV в. с прошлым действительно порвали («чары придворных аристократов были сломлены») [25, р. 4].

С Фаррисом во многом соглашается другой автор фундаментальных работ по истории японской военной системы, Карл Фрайди. Он рассматривает не только различные аспекты военной истории, но и этику войны. Фрайди критикует взгляд Фарриса на сражения самураев как «внутривидовые» формализованные поединки, а также указывает на недостатки определения Эйко Икэгами, которое характеризует военные действия раннесредневековых воинов как «социальный ритуал смерти, чести и подсчета», а битвы – как «красочную церемонию жестокости, смерти и чести» [19, р. 167]. Фрайди замечает, что такое понимание истории воинов – во многом продукт влияния литературы: «Сказания о годах Хогэн» (*Хогэн моногатари*), «Повести о смуте годов Хэйдзи» (*Хэйдзи моногатари*), «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*), «Сказания о Ёсицунэ» (*Гикэйки*), а ведь филологи уже успешно показали, что многое в этих произведениях – скорее условности литературной техники и устной композиции, нежели реальное воспоминание истории.

Подчеркивая, что воины долгое время не осознавали себя отдельной группой и придавали гораздо большее значение ассоциации с невоенным положением в обществе и «внешним» связям, Фрайди, однако, изучает различные стороны мировоззрения воинов: их понятие о «справедливой войне», важнейшие для них категории чести и стыда, «Пути лука и стрелы», отношение к пленным и отношение к не-воинам. Термин «бусидо» очень поздний, отмечает ученый в одной из статей [17], так что Нитобэ Инадзо даже думал, что сам его изобрел. Основы этого «кодекса чести» создавали самураи позднего периода, которые были администраторами и чиновниками, но не воинами, и жили в мирное время, а не эпоху постоянных войн [17, р. 340]. Средневековые воины буси были иными. Им не были свойственны стремление к смерти или личная верность господину. Их понятие чести отличалось от аналогичного у европейских рыцарей – например, самураи не видели ничего плохого в том, чтобы напасть на отряд противника без предупреждения. «Воины были профессионалами – не больше и не меньше» [18, р. 163].

Как показывает Фрайди, корни японского понимания справедливой войны лежат в китайской философии и в военной теории Китая. Согласно ее модели, праведную войну может вести только легитимный суверен и только в крайнем случае. В то же время, военные реше-

ния императора и его министров под вопрос не ставятся. Успешность войны доказывает ее правильность в соответствии с мировым космическим порядком [18, р. 21-22]. Эта модель пришла в Японию во времена *рицурё*. Право вести «праведную» войну принадлежало исключительно двору, причем практически любые военные действия двор представлял как «замирение». Когда Ёритомо основал Камакурский сёгунат, право на применение силы осталось за двором: «Первый и наиболее важный свод законов Камакурского режима, *Госэйбай сикимоку*, содержит недвусмысленное указание на этот счет: “Ни один человек, пусть даже его предки поколениями были наследственными вассалами сёгуна, не может мобилизовать войска для военной службы без соответствующего предписания”» [19, р. 162]⁸. *Буси*, сосредоточившие в своих руках военную мощь, никогда не получали права ее применять по своему желанию – во всяком случае, до XIV в. (тогда государство уже было не в состоянии отстаивать свои права, и сами воины могли решать, какая война будет справедливой).

Томас Конлэн разрабатывал проблемы отношения воинов к смерти и к подвигу, награды как компенсации за усилия в бою и т.д. Конлэн перевел на английский язык и исследовал один из важных памятников XIII в. – «*Мо:ко сю:рай экотоба*», «Иллюстрированный рассказ о монгольском вторжении», а также сопутствующую документацию, которая уцелела с тех времен [15]. Свитки о монгольском вторжении кажутся нам важными и интересными кроме всего прочего и потому, что они не являются ни произведением художественной литературы, ни хроникой, их можно охарактеризовать как отчет, сообщение очевидца о битвах, в которых он участвовал, и событиях, связанных с попыткой добиться получения награды за совершенное. Конлэн использует свитки не только для того, чтобы говорить об истории монгольских нашествий, но и для того, чтобы вскрыть взаимосвязь войны, государства и религии, например, в бюрократической системе эпохи Камакура, где «письменные клятвы богам» существовали в качестве официальных документов. Он также обращает внимание на тесную связь религиозного с политическим и социальным: божественным вмешательством можно было объяснить почему события идут именно так, а не иначе, религиозные ритуалы используются для утверждения и поддержания должного миропорядка [14].

⁸ См. перевод источника на русский: [1].

По Конлэну, смерть, даже героическая, о которой никто не знает, для средневекового воина вообще лишена смысла. Война что-то значит, когда она несет за собой признание, а подвиг – награду. Что касается господина, то до самого конца XIV в. «воины не были обязаны следовать за каким-либо господином в смерть. В действительности они вообще не имели никакого господина. <...> Величайшей заслугой, которую можно было снискать в битве, была смерть в сражении – и так было именно потому, что никто не был обязан поступать подобным образом. Несомненно, большинство воинов не хотели ни за кого умирать. Те, кто был достаточно храбр или достаточно неудачлив для того, чтобы поступать подобным образом, восхвалялись как пример для подражания» [14, р. 12].

Расхождение идеальных представлений с реальностью и их взаимодействие – одна из самых любопытных проблем, рассмотренных Конлэном. Воины XIV в. свое поведение моделировали по известным им образцам старого времени. Например, Асикага Такаудзи⁹ сопоставлял себя с Минамото Ёритомо. Популярность «Повести о доме Тайра» (*Хэйкэ моногатари*) была огромна. В «Повести о великом мире» (*Тайхэйки*) видно, как стремились воины повторять ситуации из *Хэйкэ моногатари*. Иногда это обращалось в пародию и, с другой стороны, несло в себе возможность смеяться над собственным прошлым – и через это примиряться с ним, с недостижимым идеалом [14, р. 7-9].

Среди работ историков есть и такие, что отстаивают несколько иные взгляды, отличные от концепций Фарриса и Фрайди. Так, Катарина Бломберг хотя и ищет истоки воинской культуры в древности, считает войну Гэмпэй (1180-1185 гг.) поворотной точкой в истории Японии. Согласно Бломберг, культурное противостояние воинов (*буси*) и придворной аристократии (*кугэ*) длилось веками. После смуты годов Хогэн (1156 г.) наступило время, которое Дзиэн, автор исторической хроники «Записки глупца» (*Гукансё*), назвал «веком воинов» – *буси-но ё*. В ходе противостояния воинских родов Минамото и Тайра последние становятся в некотором смысле преемниками *кугэ*, в то время как Минамото сохраняют воинскую традицию. Во времена войны Гэмпэй, по мнению Бломберг, уже формировался тот религиозно-этический комплекс, который позднее станет известен как *бусидо*. Этот идеал в те времена отражался в

⁹ Основатель сёгуната Муромати (1338-1573), правил до 1358 г.

литературе воинских сказаний, *гунки моногатари*. В них впервые воин показан не как мифологический персонаж, а как отдельная действующая личность, в ритуализованных поединках прославляющая собственное имя. Бломберг рассматривает влияние самурайских традиций на японскую культуру, но в целом ее понимание воина очень близко к старому, традиционному, и она не отделяет идеологию средневекового воина-практика от идеологии мирного приверженца *бусидо* [12].

Элизабет Ойлер в книге «Мечи, клятвы и пророческие видения: создание воинского правительства в средневековой Японии» [27] отмечает, что утверждение первого военного правительства в Камакура было воплощением идеи востока Японии как нового центра. Восток традиционно был землей воинов, но в культуре бытовало постоянное стремление к столице. Сама по себе победа для воина ассоциировалась с триумфальным возвращением в столицу. Однако Минамото-но Ёритомо, одержав верх над Тайра, в Киото возвращаться не стал, основав новый центр власти на востоке. Элизабет Ойлер рассматривает различные религиозные или около-религиозные моменты культуры воинов, среди них – интерпретация снов и почитание бога Хатиман в различных текстах, а также обычай составлять *кисёмон*, письменные клятвы богам [27, р. 68].

Несколько особняком стоит масштабная работа Эйко Икэгами [22] «Укрощение самураев: индивидуализм, основанный на чести, и создание современной Японии». Исследовательница считает, что понять необычное для западного человека соотношение коллективизма и индивидуализма в Японии можно исходя из развития японской культуры, и, в частности, культуры чести. В основе своей это социологический подход: честь Эйко Икэгами понимает как сложный культурологический концепт, в котором сочетаются определенные идеи и ценности. Это чувство, которое переживается отдельной личностью, но может быть соотнесено с какой-то социальной группой: семьей, родом, нацией. Культура чести включает в себя определенные способы выражать себя: ритуальные действия, способы одеваться и вести себя и т.п. [22, р. 22-23]. При этом она обычно бывает связана с насилием, даже в случаях, когда насилие не является ее центром. В случае с Японией и конкретно самурайским пониманием чести, оно развивалось в тесной связи с изменяющимися отношениями вассальной зависимости между

воинами и их повелителями. Последние выдвигали такие моральные нормы, которые позволяли им лучше контролировать подчиненных. Самураи сделали честь основой своего собственного стиля культуры и признаком, на основании которого определяли себя как социальную группу, употребляя дефиницию «человек, имеющий стыд», *хадзи ару моно* [22, р. 50]¹⁰. И в результате самураи обогатили японскую культуру чести новыми смыслами, привнесли в нее новую богатую символику, новые нормативы и идиомы. При этом отношение к праву частного лица применять силу, которое, по Икэгами, напрямую связано с развитием понимания чести, прошло в самурайской культуре три стадии. Сначала, в XII-XIV вв., преобладает принцип, сообразно которому с обидами разбираются в личном порядке; в XV-XVI вв., в эпоху Воюющих Провинций, принято наказывать равным образом все стороны конфликта, вне зависимости от причины ссоры; и, наконец, в эпоху Токугава самураям вообще запрещается вступать в самовольные склоки друг с другом [22, р. 201-202]. Эйко Икэгами вспоминает Макса Вебера и его концепцию взаимосвязи протестантизма и возникновения капитализма и говорит, что самураи в совершенно другой культурной матрице тоже создали общество, в котором ценны были самоконтроль и нацеленность на долгосрочный результат, с благоприятной средой для развития индивидуалистического отношения, поощряющего способность рисковать [22, р. 331]. Видоизменялось государственное устройство, изменялся подход к легитимации применения силы отдельным воином, менялись экономическая структура и тип взаимоотношений между господином и его подчиненным. И в соответствии с этим менялось понимание чести. Честь средневекового японского воина базировалась на его включенности в систему подчинения и была связана с положением в обществе дома, к которому он принадлежал, *ие* [22, р. 353].

Отдельно стоит отметить оценку работ Фарриса и Фрайди у Эйко Икэгами. Положительно отзываясь о подходе этих ученых в отношении недопустимости считать экономические причины единственным фактором, повлиявшим на возникновение самураев, она критикует их за стремление слишком редуцировать социальную составляющую этого феномена. Фаррис, по мнению исследовательницы, при построении

¹⁰ Такое самоопределение воина можно найти, например, в тексте XIII в. «Наставления господина Гокурадзи» [9].

своей «эволюционной модели» упускает культурные различия между самураями XI-XII вв. и воинами предыдущих эпох. А между тем у этих воинов появилось групповое самосознание, что отличает их от предшественников [22, р. 55].

Авторы перечисленных работ, пользуясь социально-исторической методологией, реконструируют структуру общества воинов и процесс его развития, выясняют происхождение исследуемого сословия и причины его дальнейшей судьбы. Далее мы рассмотрим исследования более узкой проблематики, авторы которых смотрели на изучаемое произведение взглядом не только филолога или историка, но и культуролога.

Пол Варли в книге «Воины Японии как они изображены в воинских сказаниях» [32] рассматривает *гунки моногатари* с историко-культурной точки зрения, вычлняя из них сведения о воинском стиле сражения, поведения, жизни. Он помещает повести в контекст иных данных об изучаемой эпохе, так что читатель может видеть, что именно в текстах сказаний – литературное преувеличение, а что, вероятно, соответствует исторической реальности. При этом сами тексты воспринимаются гораздо полнее.

Варли рассматривает последовательно ранние военные повести и более поздние произведения, в том числе «Повесть о Тайра», «Повесть о великом мире». О «Пути лука и стрелы», о понятии имени и чести Варли пишет, опираясь на «Сказание о Масакадо» (*Сё:монки*), одно из старейших дошедших до нас воинских сказаний: «Позиция традиционного воина тесно связана в *Сё:монки* с его заботой о своем “имени” (*на*) – этот термин включал в себя гордость (в том числе и *мэмбоку* – “лицо”), честь, репутацию и материальную выгоду. На ранней стадии конфликта между Масакадо и его родственниками в Канто, один из дядьев Масакадо осуждал двоюродного брата (Тайра-но Садамори) за его “дружелюбие” к Масакадо, который, как он заявлял, “убил” некоторых их родичей и украл их ценные вещи: “Он не воин. Воин должен почитать свою честь (*на*) превыше всего...”. В конце *Сё:монки* ее автор замечает, что Масакадо, несмотря на его великую клятву воина, в конце концов “потерял свою честь и разрушил свою жизнь» [32, р. 17-18]. Варли рассматривает обычай *нанори* – выкрикивания имен, который станет очень распространенным спустя несколько веков после событий, описанных в «*Сё:монки*», а также понятие стыда. Последнее, по мнению автора книги, связано в воинских сказаниях со страхом поражения.

Воинские повести часто содержат упоминания обычая «брать головы» врагов¹¹. Смысл его, по мнению Варли, был в том, чтобы воин мог потом показать голову побежденного и получить награду¹². Однако в сказаниях описаны и иные случаи, когда головы павшим отрезали свои же товарищи, чтобы уберечь их от врагов.

Любое размышление о мировоззрении воинов рано или поздно сталкивается с необходимостью решения вопроса о характере (или даже существовании или не-существовании) вассальной верности самурая. Варли замечает, что отношения между господином и его вассалом в воинских сказаниях весьма идеализированы. Вероятно, эти сюжеты воспринимались воинами как желаемый образец [32, р. 32]. Рассматривая примеры самурайских самоубийств, в том числе таких, причиной которых было желание последовать в смерти за своим господином, Варли отмечает, что, несмотря на наличие отдельных случаев подобных самоубийств в более ранних произведениях, только в «*Тайхэйки*» это становится нормой поведения, которая ожидается от верного воина, следующего законам самурайской чести [33, р. 176].

Различные элементы воинской культуры исследуются японоведами и на материале других памятников. В рассмотренной выше работе Т. Конлэна упомянуто множество интересных моментов воинского быта, например, камакурские бюрократические обычаи.

Далее будут представлены работы, имеющие отношение именно к религиозной стороне мировоззрения воинов. Этот элемент представляется одним из важнейших и определяющих воинский взгляд на мир. Мартин Коллкат в очерке «Религия в жизни Минамото Ёритомо и раннего бакуфу» [13] ставит вопросы: во что верил основатель первого сёгуната? Был ли он просто лидером воинов, безразличным к религии? Какие религиозные концепты были важны для

¹¹ К. Фрайди тоже упоминает об этом обычае. Он отмечает, что сначала командующие по разным причинам были против этого обычая. Потом стала распространяться практика отчетов о битвах. К четырнадцатому столетию командующие выпускали приказы против взятия голов [18].

¹² Приключения Такэдзаки Суэнага, героя свитков «*Мо:ко сю:рай экотоба*» наглядно показывают, с какими сложностями приходится столкнуться воину, который голов не взял. Кроме того, в некоторых случаях отсутствие отрубленной головы могло повлечь за собой возникновение самозванцев, как это было с побежденным мятежником Минамото-но Ёситика в начале XII в. (см.: [16, р. 259]).

повседневной жизни в Камакура? [13, р. 91]. В хронике *Адзума Кагами*¹³ Ёритомо показан как человек, полагающийся на богов и будд, сознающий грешность своих деяний (деяний человека, погубившего многих людей). Согласно этой хронике, Ёритомо страстно желал добиться помощи от храмов и святилищ в провинциях Идзу, Хаконэ и Ава, причем хотел получить не только военную или финансовую поддержку, но и помощь божественных существ, включая Хатиман, Гонгэн¹⁴, Мё:дзин. Сам же Ёритомо особенно почитал Каннон [13, р. 100-101] и Лотосовую Сутру.

Автор рассматривает историю некоторых святилищ, значимых для камакурских воинов. Самое знаменитое из них – Цуругаока Хатимангу, святилище бога Хатиман в Камакура. Сначала оно было семейным святилищем дома Миnamото, но затем стало одним из главных мест почитания Хатиман в стране и, фактически, правительственной организацией [13, р. 108]. Хатиман стал почитаться как покровитель Японии. В святилище Цуругаока проводился самый большой в Камакура праздник и для воинов, и для простолюдинов: обряд отпускания на волю живых существ, *хо:дзё:-э*. «Это было сочетание буддийской поминальной службы и воинского праздника» [13, р. 111]. Праздник включал в себя состязания в *ябусамэ* – навыках езды на лошади и стрельбы из лука. Воины были обязаны участвовать в них, как и в церемониальной части празднества [13, р. 112].

В воинском обществе эпохи Камакура был распространен буддизм Чистой земли (амидаизм), сочетавшийся с почитанием Фудо: Мё:о:¹⁵, Бисямонтэн¹⁶, различных бодхисаттв и будд. Многие воины принимали новое учение Хонэ-

на¹⁷, однако даже самые ярые приверженцы Чистой земли не теряли связи с традиционными направлениями буддизма и продолжали почитать богов. Подобным же образом распространилось в Камакура и учение дзэн, правда, в основном уже после смерти Ёритомо [13, р. 119].

В книге «Врата власти: монахи, придворные и воины традиционной Японии» [10] Микаэль Адольфсон анализирует отношения воинского сословия с религиозными институтами. Миnamото-но Ёритомо приходилось экспериментировать, чтобы найти такую систему, которая могла бы сгладить отношения между храмами и воинами, напряженные из-за постоянных споров за земельные владения. Также в книге рассмотрены и дальнейшие отношения между двором, воинами и монахами.

Монография Дэвида Холла [20] посвящена истории культа богини Мариситэн (Мариши), в том числе и в Японии. Когда говорят о божественном покровителе воинов, прежде всего вспоминается имя Хатиман. Мариситэн – другая воинская богиня, в её образе важнее не замирение враждующих сторон, как у Хатиман, а победа, подавление противника в битве. После войны Гэмпей почитание Мариситэн стало широко распространенным, а в середине XIII в. Нитирэн¹⁸ писал: «Мариситэн превосходит Сурью (Солнечного бога) и, раз Сурья – защитник тех, кто почитает Лотосовую Сутру, не следует ли отсюда, что и Мариситэн тоже защищает их?» [20, р. 200]. Работа Холла раскрывает еще одну сторону мировоззрения средневековых воинов и подчеркивает синкретичность японского религиозного сознания.

Начиная с середины XX в. от общих суждений о «японском духе» ученые перешли к конкретно-историческим исследованиям отдельных явлений культуры, от увлеченности образом воина из литературных произведений – к анализу исторического контекста. За последние двадцать пять лет многое было сделано в этом направлении. Теперь мы знаем гораздо больше о тех условиях, в которых обитал средневековый воин, и пожалуй, на него уже невозможно смотреть сквозь линзы идеологий и идеализаций.

¹³ «Зерцало Востока», историческая хроника периода Камакура.

¹⁴ Гонгэн – «измененные обличья» – боги, почитаемые как «отпечатки» будд или бодхисаттв. Мё:дзин – «светлые боги». Поскольку здесь речь идет о святынях Идзу и Хаконэ, то, очевидно, имеются в виду почитаемые там боги: в Хаконэ это прежде всего Хаконэ О:ками, то есть Ниниги-но-микото, Коноханасакуя-химэ, Хо:ри-но-микото. А в Идзу – Оямацу-но-микото и Цумихаяэ Котосиронуси-но ками. Это, однако, не единственные почитаемые в этих местах боги.

¹⁵ Один из *мё:о* – «светлых государей», неподвижный, защитник юга и людей, помощник подвижникам.

¹⁶ Один из Ситэнно – четырех Небесных Царей, божественных воинов-защитников веры и верующих. Его направление – север.

¹⁷ Хо:нэн (1133-1212) – основоположник «исключительного» амидаизма. Согласно его учению, главное условие спасения – «памятование о будде», которое ведет к возрождению подвижника в Чистой Земле (см.: [7, с. 115-119]).

¹⁸ Нитирэн (1222-1282) – монах-основатель школы Нитирэн-сю. Это учение делало особый упор на важность в деле просветления Лотосовой Сутры.

В научный оборот введены важнейшие тексты, в том числе те, что показывают мир воина непосредственно, изнутри. И поскольку общее поле проблемы уже распалось на отдельные «поля сражений» (на каждом из которых были одержаны значительные победы), очевидно, в дальнейшем японоведы продолжают практику конкретных исследований. Возможен ли новый синтез этих разрозненных данных – синтез на новых основаниях, который своим итогом будет иметь нечто большее, чем простую компиляцию множества фактов и гипотез? Может ли философия культуры снова стать базой для этого синтеза, теперь на новом уровне? Думается, что да, однако в этом случае ответ может дать лишь время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Госэйбай сикимоку // Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIII/1220-1240/Gosejbaj_sikimoku/text.phtml?id=11640
2. Книга самурая: Юдзан Дайдодзи. Будосёсинсю. Ямамото Цунэтомо. Хагакурэ. Юкио Мисима. Хагакурэ Ньюмон / Пер. Котенко Р.В., Мищенко А.А. СПб.: Евразия, 1998.
3. Мещеряков А.Н. Быть японцем: история, политика и сценография японского милитаризма. М.: Наталис, 2009.
4. Мещеряков А.Н., Грачев М.В. История древней Японии. М.: Наталис, 2010.
5. Накамура Кооя. История Японии // История Японии. Сборник исторических произведений. М.: Русская панорама, 2010. С. 349-388.
6. Повесть о смуте годов Хэйдзи / Пер. Онищенко В.А. СПб.: Гиперион, 2011.
7. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII-XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
8. Хогэн моногатари – Сказание о годах Хогэн / Пер. Горегляд В.Н. СПб.: Гиперион, 1999.
9. Ходзё Сигэтоки. Наставления господина Гокуракудзи / Пер. Коляда М.С. // Вопросы философии. 2017. № 6. С. 155-182.
10. Adolphson, M.S., 2000. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
11. Bary, T. et al. eds., 2010. Sources of Japanese tradition, Vol. 1: From earliest times to 1600. New York: Columbia University Press.
12. Blomberg, C., 2013. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge.
13. Collcut, M., 1996. Religion in life of Minamoto Yoritomo and the early bakufu. In: Kornicki, P.F. and McMullen, I.J. eds., 1996. Religion in Japan: arrows to heaven and earth. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Conlan, T.D., 2000. The culture of force and farce: fourteenth-century Japanese warfare. Cambridge: Reischauer Institute of Japanese Studies.
15. Conlan, T.D., 2001. In little need of divine intervention: Takezaki Suenaga's scrolls of the Mongol invasions of Japan. New York: East Asia Program, Cornell University.
16. Farris, W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500-1300. Cambridge: Harvard University Press.
17. Friday, K., 1994. Bushido or bull? A medieval historian's perspective on the imperial army and the Japanese warrior tradition. The History Teacher, Vol. 27, no. 3, pp. 339-349.
18. Friday, K., 2004. Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. New York: Routledge.
19. Friday, K., 2006. Might makes right. Just war and just warfare in early medieval Japan. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations: a comparative perspective. London: Routledge, pp. 159-184.
20. Hall, D., 2013. The Buddhist goddess Marishiten: a study of the evolution and impact of her cult on the Japanese warrior. Leiden: Brill.
21. Hōgen monogatari: tale of the disorder in Hōgen. A Monumenta Nipponica Monograph. Tokyo: Sophia University, 1971.
22. Ikegami Eiko, 1995. The taming of the samurai: honorific individualism and the making of modern Japan. Cambridge: Harvard University Press.
23. Inazao Nitobe, 2005. Bushido: the spirit of the samurai. Colorado: Shambhala.
24. Mass, J., 1974. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jitō. New Haven: Yale University Press.
25. Mass, J.P. ed., 1997. The origins of Japan's medieval world: courtiers, clerics, warriors, and peasants in the fourteenth century. Stanford: Stanford University Press.
26. Mishima Yukio, 1977. The way of the samurai: Yukio Mishima on Hagakure in modern life. New York: Basic Books.
27. Oyler, E., 2006. Swords, oaths, and prophetic visions: authoring warrior rule in medieval Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
28. Steenstrup, C., 1979. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his role in the history of political and

ethical ideas in Japan. London, Malmö: Curson Press Ltd.

29. The Heike Monogatari. Transactions of the Asiatic Society of Japan, 1918, Vol. 46, no. 2, pp. 1-278; 1921, Vol. 49, no. 1, pp. 1-354.

30. The Taiheiki: a chronicle of medieval Japan. Vermont: Tuttle Publishing, 1979.

31. The tale of Heiji. Harvard: Harvard University, 1969.

32. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.

33. Yamamoto Tsunetomo, 1979. Hagakure: the book of the samurai. Tokyo: Kondansha International Ltd.

34. Yūzan Daidōji, 1984. Budoshoshinshu. Santa Clarita: Ohara Books.

REFERENCES

1. Goseibai Shikimoku. Oriental literature. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XIII/1220-1240/Goseibaj_sikimoku/text.phtml?id=11640 (in Russ.)

2. Kniga samuraya: Yudzan Daydodzi. Budosesinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon [The book of samurai: Yudzan Daydodzi. Budosesinsyu. Yamamoto Tsunetomo. Khagakure. Yukio Misima. Khagakure Nyumon]. Sankt-Peterburg: Evraziya, 1998. (in Russ.)

3. Meshcheryakov, A.N., 2009. Bit' yapontsem [To be Japanese]. Moskva: Natalis. (in Russ.)

4. Meshcheryakov, A.N. and Grachev, M.V., 2010. Istoriya drevney Yaponii [The history of ancient Japan]. Moskva: Natalis. (in Russ.)

5. Nakamura Kooya, 2010. Istoriya Yaponii [The history of Japan]. In: Istoriya Yaponii. Sbornik istoricheskikh proizvedeniy. Moskva: Russkaya panorama. (in Russ.)

6. Povest' o smute godov Heizi [The tale of Heiji]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2011. (in Russ.)

7. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2014. Obnovlenie traditsiy v yaponskoy religiozno-filosofskoy misli XIII-XIV vv. [Japanese religious philosophy in 13th – 14th centuries: renewing traditions]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (in Russ.)

8. Hogen monogatari [The tale of Hōgen]. Sankt-Peterburg: Giperion, 1999. (in Russ.)

9. Hojo Shigetoki, 2017. Nastavleniya gospodina Gokurakuji [The message of master Gokurakuji], Voprosy filosofii, no. 6, pp. 155-182. (in Russ.)

10. Adolphson, M.S., 2000. The gates of power: monks, courtiers, and warriors in premodern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.

11. Bary, T. et al. eds., 2010. Sources of Japanese tradition, Vol. 1: From earliest times to 1600. New York: Columbia University Press.

12. Blomberg, C., 2013. The heart of the warrior: origins and religious background of the samurai system in feudal Japan. London: Routledge.

13. Collcut, M., 1996. Religion in life of Minamoto Yoritomo and the early bakufu. In: Kornicki, P.F. and McMullen, I.J. eds., 1996. Religion in Japan: arrows to heaven and earth. Cambridge: Cambridge University Press.

14. Conlan, T.D., 2000. The culture of force and farce: fourteenth-century Japanese warfare. Cambridge: Reischauer Institute of Japanese Studies.

15. Conlan, T.D., 2001. In little need of divine intervention: Takezaki Suenaga's scrolls of the Mongol invasions of Japan. New York: East Asia Program, Cornell University.

16. Farris, W., 1995. Heavenly warriors: the evolution of Japan's military, 500-1300. Cambridge: Harvard University Press.

17. Friday, K., 1994. Bushido or bull? A medieval historian's perspective on the imperial army and the Japanese warrior tradition. The History Teacher, Vol. 27, no. 3, pp. 339-349.

18. Friday, K., 2004. Samurai, warfare and the state in early medieval Japan. New York: Routledge.

19. Friday, K., 2006. Might makes right. Just war and just warfare in early medieval Japan. In: Brekke, T. ed., 2006. The ethics of war in Asian civilizations: a comparative perspective. London: Routledge, pp. 159-184.

20. Hall, D., 2013. The Buddhist goddess Marishiten: a study of the evolution and impact of her cult on the Japanese warrior. Leiden: Brill.

21. Hōgen monogatari: tale of the disorder in Hōgen. A Monumenta Nipponica Monograph. Tokyo: Sophia University, 1971.

22. Ikegami Eiko, 1995. The taming of the samurai: honorific individualism and the making of modern Japan. Cambridge: Harvard University Press.

23. Inazao Nitobe, 2005. Bushido: the spirit of the samurai. Colorado: Shambhala.

24. Mass, J., 1974. Warrior government in early medieval Japan: a study of the Kamakura Bakufu, Shugo and Jitō. New Haven: Yale University Press.

25. Mass, J.P. ed., 1997. The origins of Japan's medieval world: courtiers, clerics, warriors, and peasants in the fourteenth century. Stanford: Stanford University Press.

26. Mishima Yukio, 1977. The way of the samurai: Yukio Mishima on Hagakure in modern life. New York: Basic Books.
27. Oyler, E., 2006. Swords, oaths, and prophetic visions: authoring warrior rule in medieval Japan. Honolulu: University of Hawaii Press.
28. Steenstrup, C., 1979. Hojo Shigetoki (1198-1261) and his role in the history of political and ethical ideas in Japan. London, Malmö: Curson Press Ltd.
29. The Heike Monogatari. Transactions of the Asiatic Society of Japan, 1918, Vol. 46, no. 2, pp. 1-278; 1921, Vol. 49, no. 1, pp. 1-354.
30. The Taiheiki: a chronicle of medieval Japan. Vermont: Tuttle Publishing, 1979.
31. The tale of Heiji. Harvard: Harvard University, 1969.
32. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.
33. Yamamoto Tsunetomo, 1979. Hagakure: the book of the samurai. Tokyo: Kondansha International Ltd.
34. Yūzan Daidōji, 1984. Budoshoshinshu. Santa Clarita: Ohara Books.

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 903.21'12.05(=554)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/22-28

Л.Н. Жукова*

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ НОЖЕЙ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЫМЫ И ЧУКОТКИ: ОТ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ К ИЗДЕЛИЯМ ИЗ ЖЕЛЕЗА

В статье рассматривается вопрос о возможном продолжении сумнагинских (мезолитических) и неолитических традиций изготовления ножей из кости и камня в инструментарии юкагиров и чукчей в конце XIX – начале XX вв. Опираясь на труды В.И. Иохельсона и В.Г. Богораз, автор сопоставляет прямые и изогнутые, мужские и женские железные ножи. Юкагиры и чукчи пользовались русскими и якутскими ножами, изделиями собственных кузнецов, которые копировали ножи пришлых народов и перенесли на новый материал некоторые проверенные временем традиционные формы изделий.

Ключевые слова: северо-восток Азии, каменные ножи, костяные ножи, юкагиры, чукчи, традиционные формы, кузнечное дело

Traditional forms of knives among the indigenous population of Kolyma and Chukotka: from stone to iron items. LYUDMILA N. ZHUKOVA (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article discusses the possible continuation of Sumnagin (Mesolithic) and Neolithic traditions of making bone and stone knives in the tools of the Yukagirs and Chukchi in the late XIXth and early XXth centuries. Relying on the works of Vladimir Jochelson and Vladimir Bogoraz, the author compares straight and curved, male and female iron knives. The Yukagirs and the Chukchi used Russian and Yakut knives along with the products of their own blacksmiths who copied the knives of newcomers and transferred some time-proven traditional forms onto the items made out of the new material.

Keywords: North-East Asia, stone knives, bone knives, Yukagirs, Chukchi, traditional forms, blacksmithing

Начиная с палеолитического времени нож – одно из основных орудий труда охотников и рыболовов Сибири. На археологических памятниках Якутии обнаружены ножи различных форм

и способов изготовления: каменные с одно – и двусторонней ретушью листовидной, овальной и других форм; ножи на осколках кости, отщепках, пластинах; комбинированные ножи на ко-

* ЖУКОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: zjukova@mail.ru

© Жукова Л.Н., 2017

стяной или деревянной основе с пазами, в которые в качестве лезвия вставлены каменные пластины-вкладыши.

Анализ инвентаря мезолитических и неолитических памятников Якутии позволил предположить, что древнейшим дошедшим до нашего времени является нож с ассиметричным сечением [4]. Вдоль одного или двух лезвий крупных сколов проделывали длинные пазы, куда вставляли вкладыши – плоские, отретушированные пластины кремня, обсидиана или халцедона. Эти древние ножи были изготовлены на крупных сколах с полых трубчатых костей крупных животных. Используемые в качестве основы сколы определяли форму и сечение будущих изделий. Одна боковая сторона соответствовала естественной поверхности кости и была выпуклой. Другая сторона вогнута и представляла плоскость продольного раскола кости с естественным желобком по центру – здесь был костный мозг. Асимметрия сечения продиктована формой исходного материала и является относительно надежным показателем всей группы. Такие ножи более устойчивы к излому.

С применением этой технологии изготовлен сумнагинский однолезвийный кинжал с алданской стоянки Белькачи I [12, с. 246, табл. 43, рис. 18]. Составные изделия найдены в одиночных грунтовых могилах среднего неолита на реках Олекме и Амге. В (мужском?) погребении на стоянке Малая Джикимда на Олекме «упираясь острым концом в тазовые кости, лежал костяной вкладышевый нож, в пазу которого было закреплено пять кремневых пластин, обработанных с брюшка односторонней ретушью» [1, с. 32, табл. 15, рис. 15]. В погребении мужчины из Онньесского захоронения на Амге целый игловидный костяной наконечник длиной около 20 см с 7 вкладышами находился справа возле тазовых костей погребенного. По-видимому, таким же наконечником с двумя пластинами по сторонам жала добыт горностаи, находившийся между голенными костями мужчины. Человек, скорее всего, умер насильственной смертью: «в левой половине тазовой кости торчал обломок (острие) игловидного костяного наконечника стрелы» [11, с. 60-61, табл. 4].

На средней Колыме «в каждой коллекции мало-мальски раскопанного памятника присутствуют каменные вкладыши, вставляемые в костяные основы» [10, с. 40]. На стоянке Каменка I в третьем раннеолитическом слое к такой группе вооружений относятся пять микровкладышей из черного камня. «Они лежали цепоч-

кой в ряд, продолжая друг друга, что характерно для набора каменных вкладышевых лезвий, закрепленных в пазах костяных или деревянных оправ наконечников копий или кинжалов» [10, с. 19].

На р. Индигирке костяной остроконечник с пазами для вкладышей по двум длинным сторонам поднят в осыпи позднеолитической стоянки Уларовская [15, с. 147, рис. 96/10].

Технология изготовления составных вкладышевых изделий в период существования сумнагинской и следующих за ней неолитических культур, по всей вероятности, была однотипной практически на всей территории древней Якутии (реки Алдан, Олекма, Мая, Колыма, Индигирка). Характеризуя инвентарь сумнагинской (мезолитической) культуры, Ю.А. Мочанов писал об исключительно широком использовании «в качестве колющих и режущих орудий составных комбинированных изделий, имеющих вид костяных или деревянных основ с пазами для крепления пластин-вкладышей. Недаром вкладыши оказываются преобладающим типом изделий на всех сумнагинских стоянках» [12, с. 246]. Изготовление комбинированных орудий было известно не только аборигенным племенам – наследникам сумнагинской культуры, но и пришлым группам, хоронившим умерших в грунтовых могилах. Этот тип захоронений и сопровождающий инвентарь (диски и изделия из нефрита и проч.) указывают на южные истоки традиции [5; 6]. Не исключено, впрочем, что этими составными орудиями аборигенных племен были убиты пришлые люди, захороненные в грунтовых могилах.

В соответствии с исторической эпохой менялся материал, усовершенствовались технологии и приемы изготовления орудий. Следующий этап технологических новаций колюще-режущих изделий связан с появлением металлов. Скорее всего, юкагиры южной, центральной и северной Якутии познакомились с железом в разные исторические периоды. Исследователь юкагирской культуры В.И. Иохельсон считал, что еще 200-250 лет назад у колымских юкагиров господствовал каменный век. Исторические предания верхнеколымских юкагиров сообщают, что железные изделия, в том числе топоры, им дали русские землепроходцы [7, с. 105-133, № 28, 29]. У юкагиров тундры записано предание о юкагире, который приобрел железный топор у первых прибывших на их территорию якутов [8, с. 598]. Индигирские юкагиры узнали железо от якутских вооруженных воинов,

возможно, еще до прихода русских казаков [14, с. 23].

В середине XVIII в. самые восточные группы юкагиров – чуванцы и ходынцы, проживавшие по р. Анадырь, уже имели разнообразные изделия из железа и могли его обрабатывать [3, с. 246-262]. Юкагирские кузнецы вместе с технологическими приемами заимствовали формы изделий, копируя предметы, поступавшие к ним от других народов. К таковым можно отнести железные ледорубы, наконечники стрел, топоры, скребки и проч. [8, с. 542, рис. 19, 24, 61, 64-67]. По мере овладения металлопроизводством кузнецы стали переносить на новый материал некоторые проверенные временем традиционные формы изделий. К таким традиционным формам можно отнести копье, которым убивают оленей из челноков [8, с. 549, рис. 22], нож со специфической асимметричной формой сечения. Теоретически, в инструментарии юкагиров могли быть металлические ножи своих, юкагирских, форм, якутские и русские.

В.Л. Серошевский в исследовании о якутах писал, что правая сторона железного ножа, бытующего у якутов, «слегка вогнута», но «в последнее время с этой стороны стали делать якутские мастера желобок» [13, с. 382]. То есть, первоначально характерный желобок отсутствовал на якутских ножах. Именно эти ножи со «слегка вогнутой» правой стороной имел в виду исследователь, собравший сведения о распространённости клинков якутского типа: они «широко разбросаны по Европе и Азии в могильниках курганного типа» [13, с. 382-383]. Скорее всего, под влиянием аборигенных форм появился кованый так называемый якутский нож с асимметричным сечением, желобком вдоль лезвия и массивным обушком. Можно полагать, что традиция изготовления ножей с желобком является местной и имеет глубинные исторические корни, уходящие в мезолитическое время.

Бытовавшие у чукчей в конце XIX в. металлические прямые ножи с желобком, как считал В.Г. Богораз, были якутского производства. «Ножи якутского изготовления более подходящи для оленных чуок, потому что их узкие лезвия удобны для нанесения ударов при убое животного, а глубокий прорез вдоль лезвия удобен для быстрого стока крови из ран» [2, с. 148]. Книга В.Г. Богораза опубликована на английском языке в 1904 г., а значит версия о том, что желобок вдоль лезвия ножа удобен для быстрого стока крови, существует уже более ста

лет. Нами записаны несколько разных версий, объясняющих появление характерного желобка на лезвии металлического ножа, в том числе у юкагиров [4]. Ни одна из версий не связывает его появление с формой исходного сырья, что может свидетельствовать о давней утрате традиции изготовления комбинированных орудий на костяной/деревянной основе, а также косвенно указывает на древность самой традиции.

В исследовании В.Г. Богораза приведен рисунок чукотского ножа якутского производства, однако из-за невысокого качества судить об изделии по нему трудно. Ученый писал, что чукотские ножи разделяются на прямые и изогнутые, а также варьируются по величине. «Для повседневных работ предпочитают употреблять изогнутые ножи. Прямой нож служит для обычного резания, употребляется также пастухами для убоя оленей, он же употребляется за столом для резания и рубки мяса» [2, с. 147]. По всей вероятности, до знакомства с железом функции прямого заимствованного ножа выполняли чукотские прямые ножи из кости и камня. Примечательно, что в собственном инструментарии не было ножа для убоя домашнего животного, для этих целей стал применяться железный нож инородного происхождения. Это может говорить в пользу позднего появления оленеводства у данного народа.

В книге приводятся несколько типов изогнутых ножей чукчей, в том числе для вырезывания ложек, и нож обруселых аборигенов с. Марково (Рис. 1). С помощью жгута они крепились к деревянной рукояти [2, рис. 132 а-е]. Многие из чукотских изогнутых ножей правильнее называть резцами и резчиками. Можно предположить, что отдельные их формы представляют перенесенные на металл типы древних местных изделий из камня, своими истоками уходящие в сумнагинскую микролитическую технологию. Дело в том, что у оленных чукчей относительно поздно появились свои кузнецы. Наряду с использованием изделий из железа, захваченных во время набегов на соседние народы (юкагиры, коряки) [3], чукчи продолжали пользоваться традиционным инструментарием из природных материалов. Только «в середине XIX в. железо, медь проникли во все уголки Чукотки и прочно вошли в обиход чукчей» [9, с. 71].

Образцы четырех юкагирских ножей из железа помещены в книге В.И. Иохельсона (Рис. 2), рисунки схематичны и не позволяют определить характерные отличия, в т.ч. наличие желобка. Ножи имеют инвентарные номера и

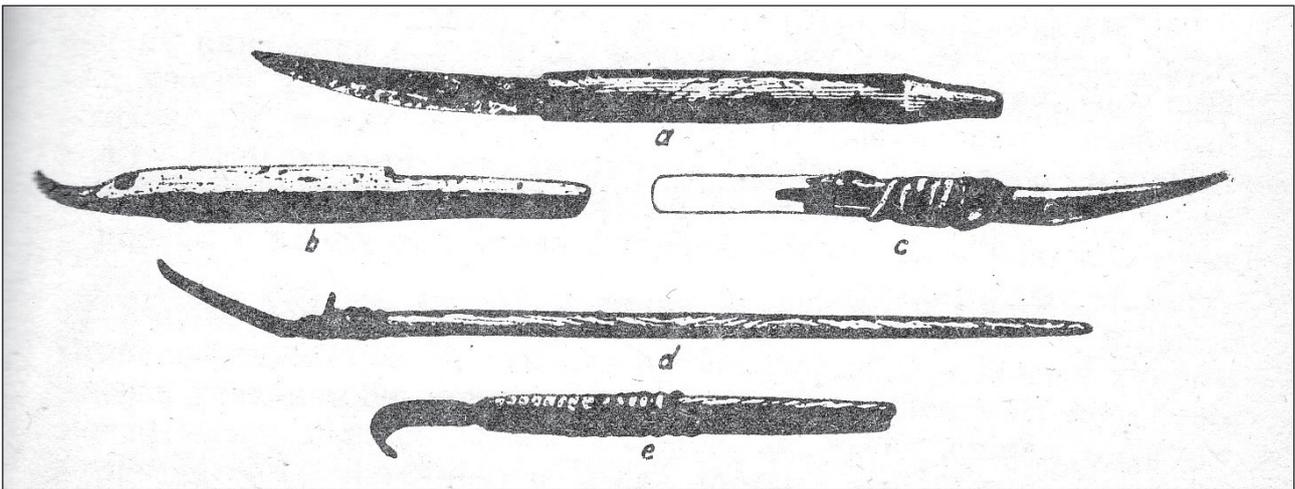

Рис. 1. Ножи чукотские: а, b, с – изогнутые; d – длинный изогнутый нож обрусевших аборигенов, с. Марково; е – для вырезывания ложек.

Источник: [2, с. 147, рис. 132].

хранятся в числе других предметов юкагирской коллекции в американском Музее Естественной истории. В.И. Иохельсон писал: «Общее название ножа *чобойэ* (а также *чирхачи*, это старый термин), но у каждого вида ножа имеются и свои названия» [8, с. 603]. Из четырех ножей им названы:

1) большой охотничий нож (*чомо чобойэ*), используемый для поделки оленей из челнока, а также для разделывания мяса лося или оленя. В другой своей работе В.И. Иохельсон писал, что большой нож (*чомо чобойэ*) – «боевое оружие, в виде короткой сабли, по-якутски называется *батас*» [7, с. 69, № 17 (примечание 7)];

2) большой набедренный нож¹ (*чабин чомо чобойэ*), «имеет форму охотничьего копья, лезвие которого заточено с одного края. Тупая сторона такого ножа тяжела и массивна. Им пользуются для рубки деревьев, когда разводят костер». Рисунок показывает, что в сечении нож имеет вогнуто-клиновидную форму;

3) большой набедренный охотничий нож с тем же названием. Судя по рисунку, возможно сходство с описанным выше чукотским прямым ножом якутской работы;

4) нож для резьбы по дереву *шаадаайэ* (от *шаал* «дерево», *аам* «сделать») имеет загнутый кверху конец. «Этот тип ножей употребляется для окончательной отделки долбленного челнока, чашек и других деревянных сосудов».

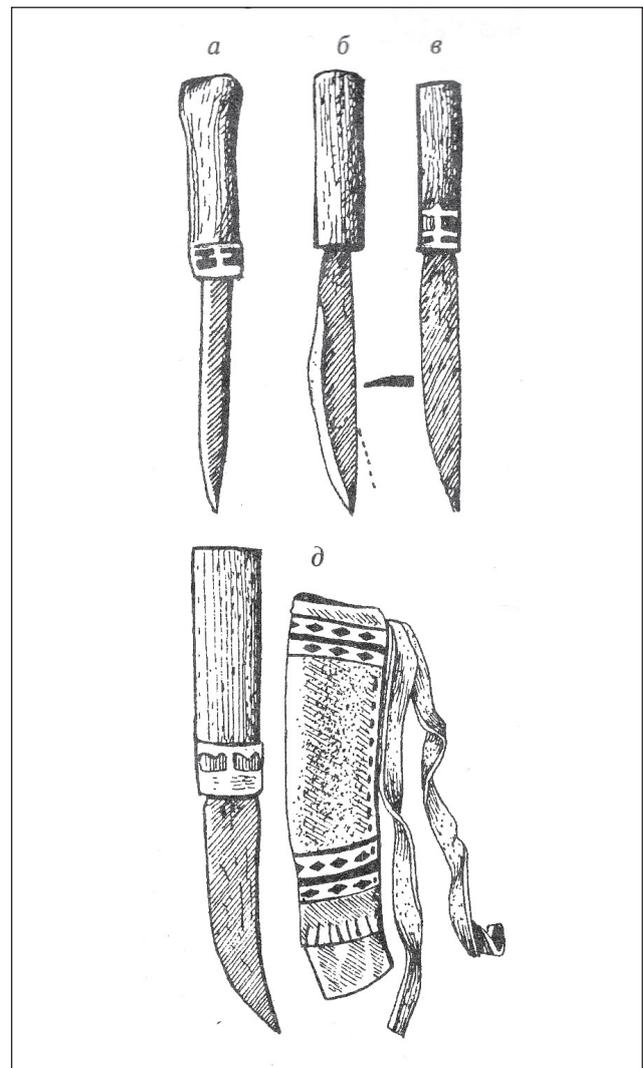

Рис. 2. Ножи юкагирские: а – большой охотничий; б, в – набедренные охотничьи (б – для рубки деревьев, в – охотничий), д – для обработки дерева, с ножнами.

Источник: [8, с. 602, рис. 62].

¹ Такие ножи носили справа в ножнах, прикрепив к одному из костяных колец кожаного пояса, называемого *игидиэнэ*. Ремешки на нижнем конце ножен завязывали вокруг бедра. Чукчи носили ножи в ножнах на поясе.

Такой же, но немного шире, является женским портновским ножом, *иудьин-чобойэ*, т.е. «нож для шитья». Название женского кройльного ножа *иудьин-чобойэ* является общим для языка лесных и тундровых юкагиров, что говорит о его древнем происхождении [8, с. 481]. Иногда женщины лесных юкагиров таким ножом сбривали волосы на лобке [8, с. 604].

Другой тип ножей с изогнутым лезвием называют *эрийэч*. Иных сведений об этом оружии В.И. Иохельсон не приводит.

Примечательно, что при описании юкагирских железных прямых ножей не указывается характерный желобок. Однако большой набедренный нож (*чабин чомо чобойэ*) имеет сечение вогнуто-клиновидной формы, лезвие его заточено с одного края. По заточке лезвия изделие напоминает описанный выше олекминский костяной вкладышевый нож с кремневыми пластинами, обработанными с брюшка односторонней ретушью. Односторонняя краевая заточка лезвия характерна для части сумнагинских изделий, у них отсутствовала сплошная бифасиальная обработка. У кремневых орудий сумнагинцев «обрабатывалось только рабочее лезвие. Исключительно редко ретушь заходила на прилегающие к лезвию участки брюшка или спинки» [12, с. 246]. Юкагирский нож *чабин чомо чобойэ*, по-видимому, имел двойное назначение: 1) боевое (имел «форму охотничьего копья»), 2) бытовое (использовался для рубки деревьев (для костра))². В качестве параллели можно назвать возможное боевое назначение описанного выше неолитического составного олекминского ножа: он находился в грунтовом захоронении погибшего насильственной смертью человека (мужчины-воина?). Примечательно, что этот костяной вкладышевый нож и вкладышевый игловидный костяной наконечник из Онньесского захоронения на Амге находились возле тазовых костей погребенных.

Отсутствие желобка на юкагирских железных ножах конца XIX – начала XX вв. можно объяснить тем, что учителями колымских юкагирских кузнецов были якуты. «Очевидно, юкагиры научились кузнечному искусству у якутов, которые пришли сюда в XVII в., вытесняемые русскими» [8, с. 598]. Как мы знаем, на изделиях якутов желобок появился относительно поздно. У железных ножей противоположный лезвию обушок приобрел массивность, что отметил В.И. Иохельсон: «Тупая сторона такого

ножа тяжела и массивна». В настоящее время (конец XX – начало XXI вв.) лесные юкагиры пользуются металлическим ножом с желобком и асимметричным клиновидно-вогнутым сечением. Такой нож распространен в Якутии повсеместно.

Другой набедренный охотничий нож с тем же названием (*чабин чомо чобойэ*) имеет возможное сходство с описанным выше чукотским прямым ножом с желобком «для быстрого стока крови из ран», который, согласно В.Г. Богоразу, имел якутское происхождение. Отсюда логично вытекает предположение, требующее дальнейшего подтверждения, о присутствии характерного желобка на данном типе юкагирских набедренных охотничьих ножей.

Приведенные В.И. Иохельсоном описания показывают, что юкагирские ножи с изогнутым лезвием подразделялись на три типа, имели разные названия и назначения:

- нож для резьбы по дереву *шаадаайэ* с загнутым кверху концом;
- такой же, но немного шире, женский портновский нож *иудьин-чобойэ* (нож для шитья);
- другой тип ножей *эрийэч* неизвестного назначения.

К сожалению, в книге показан только нож для резьбы по дереву. Перспективными могут быть сопоставления юкагирских и чукотских изогнутых ножей из коллекций В.Г. Богоразы и В.И. Иохельсона. Возможно, в своем генезисе некоторые их формы были общими и имели прототипами ножи, резцы или комбинированные орудия каменного века, сделанные на микропластинах, пластинах и отщепах. Сопоставления покажут, существовала ли преемственность между аборигенной сумнагинской микролитической традицией и перенесенными на новый материал – железо – проверенными тысячелетиями форм изделий. Это также доказывало бы предполагаемую древнюю общность юкагирской и чукотской культур.

Итак, юкагиры северо-восточной Якутии вплоть до конца XVI – начала XVII в., а чукчи – до середины XIX в. пользовались ножами различных форм и назначения, изготовленными из камня и кости. Об использовании составных вкладышевых ножей в историческое время сведения отсутствуют. В.И. Иохельсон считал, что с железом юкагиры познакомились ранее прихода русских на северо-восток Азии: «Древние юкагиры могли приобретать железо у якутов или японцев через курильцев, камчадалов

² В юкагирском изобразительном и песенном искусстве дерево и человек являются синонимами.

и коряков или у китайцев через тунгусов» [8, с. 598-599]. Впоследствии юкагирские кузнецы научились добывать местную руду и ковать железо. Они копировали ножи пришлых народов (якуты, русские) и перенесли на новый материал некоторые проверенные временем формы традиционных изделий. По В.И. Иохельсону, отдельные изделия из железа, бытовавшие у юкагигов, имели параллели в инструментарии других народов северо-востока Азии (курильцы, камчадалы, коряки, тунгусы, имевшие связи с японцами и китайцами).

У чукчей же даже в конце XIX в. работа по железу была мало развита из-за трудности изготовления древесного угля, необходимого для кузнечного производства [2, с. 149]. Поэтому чукчи работали преимущественно по холодному железу подпилком и молотком. Длительное сохранение чукчами традиционного инструментария из природных материалов способствует установлению параллелей как с прачукотскими колюще-режущими изделиями, так и с ножами соседних юкагигов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1996.
2. Богораз В.Г. Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
3. Гурвич И.С. Юкагиры чуванского рода в середине XVIII в. // Сибирский этнографический сборник. Т. 35. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 246-262.
4. Жукова Л.Н. Феномен «якутского» ножа // Очерки по юкагирской культуре. Ч. 3. (Из ранее опубликованного). Якутск: Бичик, 2013. С. 71-79.
5. Жукова Л.Н. Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // Homo Eurasicus в системах социальных коммуникаций. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 26 октября 2015. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 317-342.
6. Жукова Л.Н. Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 19-26.
7. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005.
8. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005.
9. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / Под ред. А.И. Крушанова. Л.: Наука, 1987.
10. Кашин В.А. Неолит Средней Колымы: сборник трудов. Новосибирск: Наука, 2013.
11. Козлов В.И. Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 55-61.
12. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977.
13. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. М.: РОССПЭН, 1993.
14. Спиридонов Н.И. (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996.
15. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980.

REFERENCES

1. Alekseev, A.N., 1996. Drevnyaya Yakutiya: neolit i epokha bronzy [Ancient Yakutia: the Neolithic and Bronze Age]. Novosibirsk: Izd-vo IAiE SO RAN. (in Russ.)
2. Bogoraz, V.G., 1991. Material'naya kul'tura chukchey [Material culture of the Chukchi]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
3. Gurvich, I.S., 1957. Yukagiry chuvanskogo roda v seredine XVIII v. [The Yukagirs of the Chuvash family in the middle of the XVIII century]. In: Sibirskiy ehtnograficheskiy sbornik. T. 35. Moskva-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 246-262. (in Russ.)
4. Zhukova, L.N., 2013. Fenomen «yakutskogo» nozha [The phenomenon of the "Yakut" knife]. In: Ocherki po yukagirskoy kul'ture. Ch. 3. (Iz ranee opublikovannogo). Yakutsk: Bichik, pp. 71-79. (in Russ.)
5. Zhukova, L.N., 2015. Drevnie gruntovye pogrebeniya r. Kolymy (paleoetnograficheskiy analiz) [Ancient soil burials of the Kolyma river (paleoethnographic analysis)]. In: Homo Eurasicus v sistemakh sotsialnykh kommunikatsiy. Materialy VI Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 26 oktyabrya 2015. Moskva-Berlin: Direkt-Media, pp. 317-342. (in Russ.)
6. Zhukova, L.N., 2015. Neoliticheskoe pogrebenie Kamenka II na Sredney Kolyme (paleoetnograficheskiy analiz) [Neolithic burial Kamenka II on the Middle Kolyma river

(paleoethnographic analysis)], Severo-Vostochniy gumanitarniy vestnik, no. 3, pp. 19-26. (in Russ.)

7. Jochelson, V.I., 2005. Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge [Materials on Yukagir language and folklore, collected in the Kolyma district]. Yakutsk: Bichik. (in Russ.)

8. Jochelson, V.I., 2005. Yukagiry i yukagirizirovannye tungusy [Yukagir and Yukagirized Tungus]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

9. Krushanov, A.I. ed., 1987. Istoriya i kul'tura chukchey. Istoriko-etnograficheskie ocherki [History and culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)

10. Kashin, V.A., 2013. Neolit Sredney Kolymy: sbornik trudov [The Neolithic Age of the Middle Kolyma: a collection of works]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

11. Kozlov, V.I., 1980. Novye arkheologicheskie pamyatniki Amgi [New archaeological sites of Amga]. In: Novoe v arkheologii Yakutii. Yakutsk: Izd-vo YaF SO AN SSSR, pp. 55-61. (in Russ.)

12. Mochanov, Yu.A., 1977. Drevneishie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoi Azii [The earliest stages of the settlement of Northeast Asia by man]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

13. Seroshevskiy, V.L., 1993. Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The yakuts: an attempt of ethnographic study]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

14. Spiridonov, N.I., 1996. Oduly (yukagiry) Kolymskogo okruga [Oduls (Yukagirs) of the Kolyma district]. Yakutsk: Severoved. (in Russ.)

15. Fedoseeva, S.A., 1980. Ymyyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii [Ymyakhtakh culture of North-East Asia]. Novosibirsk: Nauka. (in Russ.)

И.В. Белая*

КАК ВЫЗВАТЬ ДЕМОНА НА ДОПРОС:
РИТУАЛ КАО ЧЖАО В ДАОССКОЙ ТРАДИЦИИ СЕРДЦА НЕБЕС

Статья посвящена анализу структуры, содержания и концептуальных оснований одного из важнейших ритуалов даосской традиции Тяньсинь, получившей распространение в Китае эпохи Сун (960-1279). Автор рассматривает ритуал изгнания демонов («вызова [демонов] на допрос», *као чжао*) и подробно анализирует содержание каждой из четырех его фаз. Проведенный анализ подводит к выводу о наличии очевидных параллелей между ритуалами экзорцизма, характерными для даосской школы Тяньсинь эпохи Сун, и уголовным судопроизводством этого же времени.

Ключевые слова: даосизм, школа Сердца Небес, ритуал, экзорцизм, допрос

How to summon a demon for questioning: *kao zhao* rite in Tianxin Taoism. IRINA V. BELAYA (Independent researcher, Kursk, Russia)

The article is devoted to the analysis of the structure, content and conceptual foundations of one of the most important rites of Tianxin Taoist tradition, which became widespread in China in the Song era (960-1279). The author studies the rite of expulsion of demons (“summoning [demons] for questioning”, *kao zhao*) and provides the detailed analysis of each of its four phases. The author comes to the conclusion that there are obvious parallels between the rites of exorcism in Taoist Tianxin school and the criminal procedure of the Song era.

Keywords: Taoism, Tianxin, rite, exorcism, questioning

В середине X в. на юго-востоке Китая возникло учение Сердца Небес (*Тяньсинь цзяо*), основанное, согласно традиции, даосом Тань Цзысяо¹. Это учение оказало определенное влияние на ритуальную практику даосов последующих эпох, среди которых была и школа Целостности и совершенства (*Цюаньчжэнь*)².

¹ С краткой информацией о деятельности Тань Цзысяо и влиянии школы Сердца Небес при дворе китайских правителей в эпохи Тан и Сун на русском языке можно познакомиться в работе А.Д. Зельницкого [2, с. 521-523]. Более подробные сведения об этом даосском учении приводят Л. Скар [5, р. 418-421], Э. Дэвис [4] и Мацумото Коити [6, р. 314-319].

² Об исполнении ритуалов традиции Сердца Небес в даосской школе Цюаньчжэнь см.: [1].

Последователи учения Тяньсинь верили в целительную силу Трех светил (*сань гуан*) – солнца, Луны и созвездия Большой Медведицы, а также в возможность обратиться за помощью в борьбе с нечистой силой к трем божествам-генералам, входившим в подчинение императора Севера (*Бэйди*), – Совершенному воину (*Чжэнью*), также называемому Сокровенным воином (*Сюанью*) (Рис. 1), Черному убийце (*Хэйша*) (Рис. 2) и Тяньпэну. Эти божества-генералы вели за собой армию духов-солдат, которая должна была схватить злого духа и заключить его в Небесную тюрьму (*тянь юй*).

Проведение ритуалов изгнания демонов, овладевших человеком, является одной из отличительных черт школы Сердца Небес. В 1 *цзюани*

* БЕЛАЯ Ирина Витальевна, кандидат философских наук, независимый исследователь, г. Курск.

E-mail: belaya-irina@rambler.ru

© Белая И.В., 2017

Рис. 1. Формула-амулет
для вызова Сокровенного воина (Сюань).
Источник: [7, т. 30, с. 253].

Рис. 2. Формула-амулет
для вызова Черного убийцы (Хэйша).
Источник: [7, т. 30, с. 286].

одного из основных сочинений этой школы под названием «Тайное и наиважнейшее из наиболее подлинного, [полученного] от Высочайшего, для помощи стране и спасения людей» (*Тай шан чжу го цзю минь цзун чжэнь би яо*) [7, т. 30, с. 313-386], составленного в 1116 г. Юань Мяоцзуном, приведен алгоритм целительного ритуала, которым, как считалось, можно было вылечить слабоумие, вызванное одержимостью злым демоном (*дянь се гуй суй*):

1) Чтобы вылечить болезнь, вызванную одержимостью злым демоном, сначала от страдающего человека принимается заявление, и, согласно обстоятельствам случившегося, об этом сообщают соответствующим духовным властям.

2) Первые петиции посылают Управителю судьбы (*Сымин*) пациента, духам-божествам Пяти Путей (*Удао шэнь*), и божеству Земли (*Туди*). После этого петицию направляют божеству города (*Чэнхуан*) или округа, где жи-

вет больной. Затем даос особыми ритуалами и заклинаниями призывает воинство из Потустороннего мира, и божества-генералы (*шэнь цзян*) и их духи-солдаты (*бин*) хватают вредоносного демона, иначе петиция направится на самую высшую из Небесных сфер. После отправки всех ритуальных документов и соблюдения всех формальных процедур и подношений создается Небесная тюрьма и завладевший человеком демон арестовывается и заключается под стражу, где происходит допрос, пытки и наказание злого духа в соответствии с установленным порядком.

3) Затем больному человеку дают выпить «талисманную воду» (*фу шуй*), или прикрепляют целительную формулу-амулет на его тело.

4) Если эти действия оказывают надлежащий эффект и приводят к выздоровлению больного, пришедшее на помощь воинство вознаграждается еще раз и проводится торжественная служба с подношением божествам (*чжэй цзяо*), что-

бы отблагодарить Небеса за их помощь [7, т. 30, с. 315; 6, р. 316].

Центральной частью данного терапевтического ритуала является изгнание злого духа, под названием «ритуал вызова [демонов] на допрос» (*као чжао фа*). В предисловии к 7 цзю-ани «Тайного и наиважнейшего из наиболее подлинного, [полученного] от Высочайшего, для помощи стране и спасения людей» поясняется: «То, что называют “вызовом [демонов] на допрос”, – это метод допроса демонов и вызова духов-божеств» (*вэнь као чжао чжэ, вэй као гуй чжао шэнь чжи ши*) [7, т. 30, с. 351]. Там же отмечено, что ритуал *као чжао фа* восходит к сочинению «Книга-основа о золотых затворах и струящихся жемчужинах»³ (*Цзинь со люй чжу цзин*). В «Даосском каноне» (*Дао цзан*) присутствует сочинение с похожим названием «Комментарии к [Книге-основе] о золотых затворах и струящихся жемчужинах [по традиции] Предельного сокровенного» (*Тай сюань цзинь со люй чжу инь*) в 29 цз. [7, т. 33, с. 1-167], авторство которого приписывается танскому астрологу Ли Чунфэну (602-670). Две последние главы этого сочинения посвящены описанию обряда *као чжао фа* [7, т. 33, цз. 28, с. 158-163; цз. 29, с. 164-167]. Текст начинается с инструкции по созданию и очищению места для проведения ритуала, где затем устанавливаются алтарь для вызова божеств-генералов, «тюрьма» для содержания злого духа под стражей и различные «ворота». Затем описывается «ритуал вызова [демонов] на допрос»; заканчивается эта часть сочинения перечислением шести видов болезней, вызванных, как считалось, одержимостью злыми духами, от которых будет эффективно применение данного ритуала.

Действительно, алгоритм проведения ритуала *као чжао фа*, описанный в «Комментариях к [Книге-основе] о золотых затворах и струящихся жемчужинах» включал в себя все необходимые этапы, которые мы впоследствии обнаружим в текстах традиции Сердца Небес в эпоху Сун:

1. Вызов демона и духов на ритуальную арену.

2. Допрос, для выяснения личного и родового имени того, кто вызвал одержимость (*као вэнь цзо суй чжи чжэ мин цзы*).

3. Заключение злого духа в тюрьму на время проведения допроса.

³ Струящиеся жемчужины (*люй чжу*) – образное название звезд, образующих созвездие Большой Медведицы [7, т. 33, с. 6].

4. Составление «красной петиции» (*чи чжан*) с просьбой к духам-солдатам казнить злого духа или демона [4, р. 94-95].

Однако описанный алгоритм имел только структурное сходство с будущим ритуалом *као чжао*, представленным в традиции Сердца Небес, – в нем отсутствовало вовлечение пациента в его собственное лечение, которое будет характерно для ритуалов *као чжао* последующих эпох. В «Комментариях к [Книге-основе] о золотых затворах и струящихся жемчужинах» главным и единственным участником ритуального действия выступал сам даос, проводивший ритуал. В определенный день каждого месяца Наставник в Законе (*фаши*) представлял себя во главе армии божеств-генералов и духов-солдат, осматривающих космос для обнаружения демонов, которые приносят болезни и бедствия. В случае индивидуальной болезни Наставник в Законе не являлся напрямую к пациенту, а лишь мысленно представлял, как входит к нему в дом и осматривает больного, лежащего в кровати. После этого ритуальное действие также происходило посредством созерцательных методов — даос вызывал и обитывствовал (*цунь*) свирепых звероподобных духов-божеств, которые хватили и пожирали овладевшего человеком демона [4, р. 95].

Среди исследователей даосских обрядов сложилось мнение, что «ритуал вызова [демонов] на допрос» использовался во время эпохи Сун как лекарство от одержимости злыми духами. Однако контексты использования словосочетаний, которыми обозначался термин «экзорцизм» в даосских источниках эпохи Сун, свидетельствуют, что Наставник в Законе стремится не столько изгнать злого демона, сколько подчинить его, т.е. демон мог быть призван в любое место так же, как и изгнан. Таким образом, его изгнание было следствием обретения над ним контроля.

Эдвард Дэвис подразделяет проведение «ритуала вызова [демонов] на допрос» на четыре основных действия:

1. Метаморфозы Наставника.

Наставник в Законе обитывствует (*цунь*) внутренних (*нэй шэнь*) и внешних божеств (*вай шэнь*), а затем представляет себя в виде божества. Эти метаморфозы дают ему возможность управлять и командовать духами экзорцизма – божествами-генералами, чиновниками и солдатами. Отождествление *фаши* с божеством, к которому он обращается за помощью, является частью ролевой игры с пациентом, которая

должна привести к отождествлению пациента со своим демоном.

2. Обнаружение злого духа (*цзянь гуй* или *ши гуй*).

Фаши с помощью различных формул-амулетов (*фу*), молитв-заклинаний (*чжоу*) и ритуальных действий (*фа*) повелевает подчиненным ему духам арестовать злого демона и поместить его в зеркало, емкость с водой или любой другой предмет или ограниченное пространство. После этого он приказывает больному, который стоит перед ним с закрытыми глазами, выдохнуть в этот предмет. Суть этого ритуального действия заключается в осознании пациентом, что им завладел демон, который стал причиной его недуга. После этого больного просят открыть глаза и описать, какого демона он видит, – душу-хунь, призрака-гуй или навь-яо-цзин. Таким образом, в отличие от ритуалов *као чжао* до эпохи Сун, опознание и описание демона, который им завладел, возлагается на самого больного вместо *фаши*. Пациенту предлагается «самому выбрать конкретное существо с определенным именем и историей», вложив, таким образом, личный смысл в общекультурные представления о Загробном мире, для описания причины своей болезни. Ритуал *као чжао* предоставляет возможность одержимому нести личную ответственность за свою одержимость, в отличие от обрядов экзорцизма эпохи Возрождения.

3. Арест злого духа.

После выяснения «истории болезни» пациента *фаши* переходит к ритуалу повторного «овладения» пациента демоном. Наставник приказывает божествам-генералам преследовать и задержать демона, а затем заставить его снова завладеть телом больного (что должно внушить пациенту веру в то, что он и есть завладевший им демон). Например, призвав духов-божеств четырех пространственных направлений для того, чтобы арестовать демона, *фаши* вдыхает дыхание-ци с каждой из четырех сторон света, смешивает во рту с глотком воды (из емкости, куда перед этим якобы был заточен демон) и прыскает в лицо больному в тот момент, когда он приказывает божествам-генералам арестовать демона и заставить его завладеть телом пациента. «Плевать» равносильно «арестовать» и пациент должен будет заключить, что демон, который был схвачен, – не кто иной, как тот, на кого прыснули водой, т.е. он сам.

4. Допрос пациента или суррогата.

После ритуального ареста и начала транса пациент подчиняется допросу *фаши*, на котором

он (т.е. демон, за которого он говорит) называет свое имя и рассказывает о себе. Таким образом, на этом этапе больной уже отождествляет себя с конкретным демоном. Именно с этого момента мы можем говорить, что человек «одержим демоном». Если пациент слишком слаб или слишком молод, чтобы рассказать о своем недуге, *фаши* может использовать суррогат (*дай жэнь*, *ли чжэ жэнь*), который должен будет говорить от лица страдающего одержимостью. В традиции Тяньсинь переход одержимости демоном осуществляется через обмен дыханием пациента с суррогатом. Этим человеком может быть член семьи больного или медиум (*тун цзы*, *фу жэнь*) или кормилица, которая держит ребенка на руках [4, р. 97-100].

Как отмечает Э. Дэвис, фактическое же исполнение ритуала *као чжао* могло варьироваться в зависимости от конкретного сочинения традиции Сердца Небес [4, р. 100-101]. Так, например, в сочинении «Тайное и наиболее подлинное, [полученного] от Высочайшего, для помощи стране и спасения людей» «ритуал вызова [демонов] на допрос», согласно Мацумото Коити, включал четыре этапа: арест (*цзо*) – это определение вида злого духа, которым одержим человек; связывание (*фу*) – это удерживание демона; одевание колодки (*цзя*) – это заключение демона в кандалы; избивание или пытки (*као*) – это допрос демона с пристрастием [6, р. 317]. Все четыре этапа, выделенные Мацумото, представлены в указанном сочинении в виде четырех последовательно описанных методов, каждый из которых имеет собственное название:

1. «Метод, с помощью которого Четыре линских [генерала] арестовывают демона» (*Си лин цзо гуй фа*).
2. «Метод, с помощью которого связывают демона» (*Фу гуй фа*).
3. «Метод, с помощью которого заключают демона в колодку» (*Цзя гуй фа*).
4. «Метод Пяти ковшей для допроса демона с пристрастием» (*У доу као гуй фа*) [7, т. 30, с. 359-360].

1. «Метод, с помощью которого Четыре линских [генерала] арестовывают демона».

В начале процедуры экзорцизма Наставник в Законе (*фаши*) обращается с просьбой к божествам-генералам четырех пространственных направлений незамедлительно схватить завладевшего человеком демона, призывая их действовать в соответствии с «Уставом и указами» (*люй лин*). Затем даос, приказав одержимому

человеку закрыть глаза, обращается лицом к северу и левой рукой пишет пальцем по воздуху четвертый циклический знак (*мао*), трижды повторяя этот ритуал. После этого он вдыхает дыхание-*ци* каждой из четырех сторон света, и, набрав в рот немного воды, вместе с *ци* прыскает на лицо больному человеку, выкрикивая приказ божествам-генералам незамедлительно схватить демона и заставить его завладеть телом пациента. Если больной начнет дрожать, это будет свидетельством того, что он стал «одержим» демоном [7, т. 30, с. 359].

В разъяснении к процедуре проведения ритуала ареста демона приводится текст молитвы-заклинания, с которой даос обращается к духам экзорцизма – Небесному убийце Тяньша (т.е. к генералу Тяньпэну) и его помощнику Тянью: «Покорнейше прошу совершенного владыку Юга, проживающего в третьем секторе неба (*бин*) поспешить ниспослать совершенный огонь и ввести в мою воду. Тянью и Тяньша помогите мне силой заклинаний, помогите мне даосскими ритуалами незамедлительно схватить демона (*гуй шэнь*). Срочно выполняйте в соответствии с “Уставом и указами”!» [7, т. 30, с. 359].

Далее следует подробное руководство, как подготовить ритуальную воду, для того, чтобы распознать демона, который завладел больным: обернувшись лицом к югу, даос левой рукой пишет пальцем по воздуху слово «ковш» (*доу*), а правой рукой чертит пальцем по воздуху первый циклический знак (*цзы*). Держа в руках пиалу с чистой водой, Наставник вдыхает совершенное дыхание-*ци* Солнца (досл. «предельного света» (*тай ян*)), трижды повторяя этот ритуал. Затем вдыхает *ци* каждой из четырех сторон света и выдувает его в воду. После этого даос представляет, как жар огня со стороны юга разливается по небу и вбирает в себя все это *ци*, выдыхая его в воду, набирая и выдыхая в воду *ци* три раза подряд (Рис. 3). Как только по велению даоса больной человек выпьет эту воду, его тело сразу же начнет дрожать. Это означает, что больной отождествил себя с демоном и можно приступать к проведению допроса. Если *фаши* не хочет торопиться с дознанием (в том случае, если пациент еще не до конца осознал свою одержимость), тогда не следует давать больному ритуальную воду. В таком случае, Наставник в Законе сам набирает ее в рот и выплевывает в какое-нибудь темное место, веля больному человеку смотреть, какой появится злой дух (*гуй суй*) [7, т. 30, с. 359].

Рис. 3. Даос во время проведения ритуала.
Источник: [7, т. 30, с. 505].

2. «Метод, с помощью которого связывают демона».

В начале ритуала Наставник в Законе произносит молитву-заклинание, обращаясь за помощью к владыкам Инфернального мира: «С почтением прошу повелителя и духов-божеств Фэнду, императора Севера и небесным духом-*лин* одухотворенных владык помочь мне действовать в соответствии с постигнутой мудростью. Требую схватить и связать злых навей. Покорнейше прошу великих духов-божеств Небесной тюрьмы на основании Закона связать и заключить демона в Небесную тюрьму, железными батогами [его] стегать и руки [ему] связать. Стремительно и незамедлительно помогите мне стегать и связывать. Срочно выполняйте в соответствии с “Уставом и указами”!» [7, т. 30, с. 359].

После того, как демон был пойман, *фаши* связывает веревкой руки больного, скрепляя узел магической печатью для демонов, в точности повторяя заклинание и ритуал связывания три раза. Затем трижды вдыхает *ци*, отпивает немного ритуальной воды и прыскает ее на лицо больному человеку, выкрикивая божествам-генералам ухватить демона за голову и связать. В тот момент, когда его связывают, нужно произнести слова: «Крепче вяжите» и только [7, т. 30, с. 359].

3. «Метод, с помощью которого заключают демона в колодку».

«Покорнейше прошу [ниспослать дежурных] посланников такого-то года, такого-то месяца, такого-то дня и часа (т.е. конкретного времени, когда проводится ритуал – прим. авт.) <...>, под командованием девяти [начальников] волостей, четырех Лиши, [духов-чиновников] восьми [звезд созвездия] Цзиньган и созвездий 12 страж. Приказываю помочь мне удерживать демона и заключить в колодку, по высочайшему повелению, полученному мной от императора Севера» [7, т. 30, с. 359].

Перед проведением ритуала необходимо написать «Формулу-амулет [заключения] демона в колодку» (*Цзя гуй фу*) (ее рисунок прилагается к описанию ритуала (Рис. 4)), а затем сжечь заклинание и кисть, которой писали амулет. Во время проведения ритуала заготовленную заранее формулу-амулет сжигают, а образовавшийся пепел сдувают на голову больному человеку, выкрикнув фразу: «Оденьте колодку»!

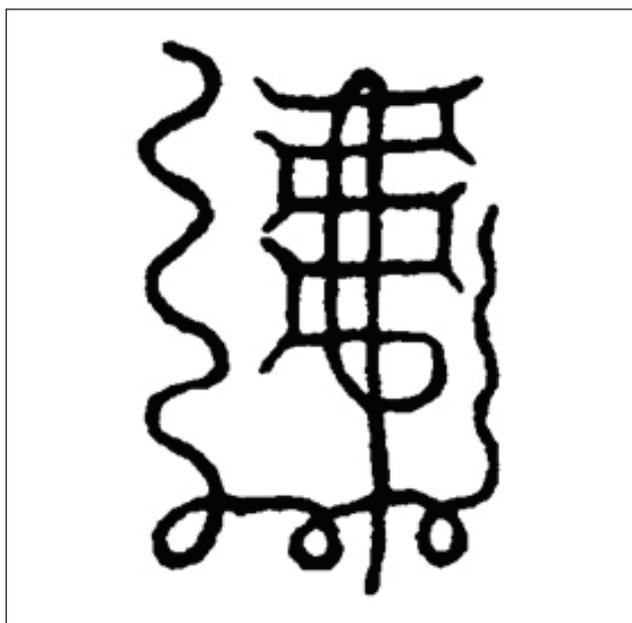

Рис. 4. Формула-амулет [заключения] демона в колодку.
Источник: [7, т. 30, с. 359].

В том случае, если одержимый не спешит отождествлять себя со своим демоном, то Наставник в Законе одалживает в ближайшей кумирне, посвященной божеству города (*Чэнхуан линмяо*), где живет больной, колодку. Обратившись лицом к северу, левой рукой пишет пальцем по воздуху пятый циклический знак (*чэнь*), и дует на одолженную колодку. После этого даос трижды повторяет ритуал связывания, одевание колодки и запечатывание демона. Затем вдыхает *ци* и дует на тыльную сторону шеи больного человека. Представляя, как божества-генералы одевают колодку на демона, даос выкрикивает: «Незамедлительно»! Одновременно с этим *фаши* одевает колодку на шею больного человека как на арестованного демона, усиливая тем самым эффект отождествления пациента с демоном [7, т. 30, с. 359].

4. «Метод Пяти ковшей для допроса демона с пристрастием».

После заключения демона в колодку, Наставник в Законе приступает к допросу с пристрастием завладевшего человеком духа. Сперва, обратившись лицом к северу, с тремя колючими прутиками терновника в руках, даос должен был трижды произнести соответствующую молитву-заклинание: «Покорнейше прошу [ниспослать мне] чистое дыхание-*ци* созвездия Пяти ковшей (*У доу*), в соответствии с указом императора Севера (Бэйди), для того, чтобы различить злых духов (*суй шэнь*). Немедленно накажите в соответствии с Законом, незамедлительно допросите с пристрастием брэнную оболочку демона. Под моим началом четыре [ведающих казнями духа] Лиши, восемь духов созвездия Цзиньган, великие генералы звезды Тяньган, [небесные помощники] духов Лиши четвертого сектора неба (*тянь дин*), великие духи-божества Небесной тюрьмы (*тянь юй да шэнь*) поспешно проведите допрос демона с пристрастием, чтобы [он] доложил сведения о себе (букв. “пытайте демона, чтобы он назвал [свое] имя”) (*као гуй тун мин*). Срочно выполняйте в соответствии с “Уставом и указами”!» [7, т. 30, с. 359].

После этого начинался допрос злого демона и пытки батогами, чтобы демон представился и рассказал, почему завладел телом живого человека. Одновременно с допросом демона, который *фаши* поручает божествам-генералам и различным духам-чиновникам гражданского и военного звания, Наставник стегал больного колючими прутиками терновника, принуждая его говорить за овладевшего им демона. Для этого даос набирал в рот дыхание-*ци* каждой

из пяти сторон света и дул на батога из терновника. Одним из прутиков он дотрагивался до больного человека, опуская ему на спину. Другими прутьями он касался ног больного. Во время «порки» даос вдыхал *ци* звезды Тяньган, и выкрикивал приказ божествам-генералам: «Бейте!» [7, т. 30, с. 359].

Если пациент не спешил отождествлять себя с демоном, которым он одержим, то, как отмечает Э. Дэвис, допрос мог превратиться в настоящую пытку. Если же наоборот, охотно вживается в роль демона, то процедура допроса могла свестись к чистому театру [4, р. 107].

Особенностью данного ритуала, согласно Мацумото Коити, является то, что дух мог выступить в свою защиту и оправдать совершенное им овладение телом человека. В случае вынесения судебного решения в пользу духа, он мог быть оправдан и, получив прощение у Нефритового императора, подняться на Небеса [6, р. 317-318]. Если же признавался виновным, то получал наказание, определенное «Сводом законов для демонов». Для исполнения наказания Наставник в Законе обращался с молитвой-заклинанием к Черному убийце Хэйша: «Обратившись лицом к северу, покорнейше прошу снизить небесным духом-лин совершенное дыхание-ци Черного убийцы Хэйша, держащего в руках железные батоги, и допросить демона с пристрастием, [заставляя] доложить сведения о себе. Допрашивайте демона, пока не изведете под корень, избивайте демона, пока не переломится его тело. Небеса перевернутся, земля расколется, человек живет, душа умершего на нет сойдет. Ритуал проведен в соответствии с установленным порядком. Срочно выполняйте в соответствии с “Уставом и указами”!» [7, т. 30, с. 359].

На основании рассмотренных фрагментов отчетливо прослеживается параллель ритуалов *као чжао* с уголовным судопроизводством эпохи Сун. Ритуалы *као чжао* проводятся в «соответствии с Законом» – вынесения судебного решения на основе даосских уставов (*люй*), указов (*лин*) и кодексов (*кэ*), в которых прописаны наказания, в зависимости от тяжести проступка, за нарушения и преступления, совершенные демонами, духами или самими наставниками (например, *Цзю чжэнь мин кэ*)⁴. Таким обра-

зом, как отмечает Э. Дэвис, *фаши* был скорее судьей, чем экзорцистом, и его титул «Наставник в Законе», независимо от его буддийского происхождения как такового, больше соответствовал функции судьи эпохи Сун, чем пропаганде Дхармы [4, р. 102].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая И.В. Тексты даосских стел как источник по истории женского монашества школы Цюаньчжэнь // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21-23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. В 2 т. Т. II. СПб.: Студия «НП-Принт», 2017. С. 67-68.

2. Зельницкий А.Д. Даосизм при династии Сун // История Китая с древнейших времен до начала XXI века в 10 т. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907-1279). М.: Наука-Восточная литература, 2016. С. 519-537.

3. Филонов С.В. Концепт «искупления вины» и его категориальный тезаурус в ранних даосских религиозных сочинениях // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск: Изд. АмГУ, 2015. С. 61-94.

4. Davis, E., 2001. Society and the supernatural in Song China. Honolulu: University of Hawaii Press.

5. Skar, L., 2004. Ritual movement, deity cults, and the transformation of Daoism in Song and Yuan times. In: Kohn, L. ed., 2004. Daoism handbook. Leiden-Boston: Brill, pp. 413-465.

6. Matsumoto Koichi, 2015. Daoism and popular religion in the Song. In: Lagerwey, J. and Marsone, P. eds., 2015. Modern Chinese religion. Song-Liao-Jin-Yuan (960-1368 AD). Vol. I. Leiden-Boston: Brill, pp. 285-327.

7. Чжун хуа Дао цзан («Китайский Даосский канон»). Пекин: Хуася чубаньшэ, 2004.

REFERENCES

1. Belaya, I.V., 2017. Teksty daoskikh stel kak istochnik po istorii zhenskogo monashestva shkoly Quanzhen [Texts of the Taoist steles as a source on the history of the female monkhood of Quanzhen school]. In: Dyakov, N.N. and Matveev, A.S. eds., 2017. Aziya i Afrika: Nasledie i sovremennost'. XXIX Mezhdunarodnyy kongress po istochnikovedeniyu i istoriografii stran Azii i Afriki, 21-23 iyunya 2017 g.: Materialy kongressa.

⁴ С текстом «Пресветлый кодекс от Совершенных [правителей] Девяти [небес]» (*Цзю чжэнь мин кэ*), оговаривающим наказания за проступки, совершенные самими даосами, можно познакомиться в статье С.В. Филовой, см.: [3].

V 2 t. T. II. Sankt-Peterburg: Studiya NP-Print, pp. 67-68. (in Russ).

2. Zel'nitskiy, A.D., 2016. Daosizm pri dinastii Sun [Taoism under Song Dynasty]. In: Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka v 10 t. T. IV. Period Pyati dinastiy, imperiya Sun, gosudarstva Lyao, Tszin', Si Sya (907-1279). Moskva: Nauka-Vostochnaya literatura, pp. 519-537. (in Russ).

3. Filonov, S.V., 2015. Kontsept «iskupleniya viny» i ego kategorial'nyy tezaurus v rannikh daoskikh religioznykh sochineniyakh [The concept of confession and its terminological thesaurus in early Taoist scriptures]. In: Rossiya i Kitay na dal'nevostochnykh rubezhakh: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya kul'tur.

Vyp. 11. Blagoveshchensk: Izd. AmGU, pp. 61-94. (in Russ).

4. Davis, E., 2001. Society and the supernatural in Song China. Honolulu: University of Hawaii Press.

5. Skar, L., 2004. Ritual movement, deity cults, and the transformation of Daoism in Song and Yuan times. In: Kohn, L. ed., 2004. Daoism handbook. Leiden-Boston: Brill, pp. 413-465.

6. Matsumoto Koichi, 2015. Daoism and popular religion in the Song. In: Lagerwey, J. and Marsone, P. eds., 2015. Modern Chinese religion. Song-Liao-Jin-Yuan (960-1368 AD). Vol. I. Leiden-Boston: Brill, pp. 285-327.

7. 中华道藏 [Taoist canon]. 北京: 华夏出版社, 2004. (in Chinese).

РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 94(47)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/37-45

Ю.С. Колчанова*

СОЦИАЛЬНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ ПЕРВОГО ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ИНЖЕНЕРОВ 1930-х гг.: ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье на архивных материалах реконструируется социальная генеалогия советских инженеров первого поколения, выясняется влияние первичной социализации, образовательных практик и участия в революционных событиях на социальное поведение и образ мыслей технических специалистов первых пятилеток, получивших образование в советских вузах. В фокусе исследования – инженеры оборонных заводов Западного Урала: старого казенного артиллерийского завода в Мотовилихе и нового авиадвигательного предприятия в Перми. Автор выдвигает гипотезу, согласно которой их участие в революционных событиях и гражданской войне явилось интегрирующим фактором в процессе овладения советской культурой. В статье формулируется вывод о том, что наследие первичной социализации сохранялось в поведенческих стратегиях советских инженеров.

Ключевые слова: биографический метод, советские инженеры, 1930-ые гг., картина мира, советская повседневность, социальная генеалогия

The social genealogy of the first generation of Soviet engineers in 1930s: the making of everyday life. YULIYA S. KOLCHANOVA (Perm State Institute of Culture)

Based on archival materials, the article reconstructs the social genealogy of the first generation of Soviet engineers educated in Soviet universities, revealing the influence of primary socialization, educational practices and participation in revolutionary events on their social behavior and the way of thinking. The study focuses on the engineers of the defense plants in the Western Urals: the old state artillery factory in Motovilikha and the new aircraft engine plant in Perm. The author makes a hypothesis that their participation in revolutionary events and Civil war was an integrating factor in the process of mastering Soviet culture. The article concludes that the legacy of primary socialization persisted in their behavioral strategies.

Keywords: biographical method, Soviet engineers, 1930s, soviet everyday life, worldview, social genealogy

В исторической концепции повседневности важную роль приобретает биографический метод. Речь идет об особых способах интерпретации коллективного опыта людей в терминах феноменологической школы, предложенных А. Шюцом, П. Бергером и Т. Лукманом [3;

* КОЛЧАНОВА Юлия Сергеевна, старший преподаватель кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры.

E-mail: jukolchanova@gmail.com

© Колчанова Ю.С., 2017

с. 18]. Проблема совмещения двух методов: биографического и феноменологического, становится актуальной для историков, желающих соединить теоретические модели с конкретным историческим материалом. Исследования, основанные на использовании названных методов, отличаются казуальностью рассматриваемых сюжетов, а также использованием для исторической реконструкции источников личного происхождения и материалов, содержащих автобиографические данные.

По мнению Н. Козловой, для изучения советской повседневности большим эвристическим потенциалом обладают так называемые «человеческие документы» или «заветные дневнички», авторами которых были простые советские люди, чья жизнь «неповторима и имеет смысл» [8, с. 28]. Автор предостерегает нас от не критичного подхода к таким «дневничкам» и предлагает не верить на слово всему, что там записано. Интерпретация воспоминаний и мемуаров требует определенного навыка работы с таким типом человеческих документов и умения читать между строк, находить социальную реальность там, где о ней вроде бы ничего не сказано. Эти истории жизни надо раскодировать, а не пересказывать¹. Называя авторов «дневничков», Н. Козлова понятие субъект «поменяла на актор» по той причине, что «субъектом почитают того, кто обладает сознанием волевым и рефлексивным, кто способен совершать сознательный выбор из альтернатив, реализуя возможности индивидуальной свободы. <...> Дело все в том, что большинство людей этим высоким требованиям не отвечают <...> Понятие «актор» наделяет этих людей активностью <...> Такой поворот в социальном исследовании интерпретируется – и вполне справедливо – как возврат к «забытому человеку» <...> человек может и не быть субъектом, но он всегда деятель» [8, с. 59-61].

¹ Монография Н. Козловой «Советские люди. Сцены из истории» выполнена в соответствии с принципами антропологического исследования. В ней анализируются единичные случаи. О своем выборе метода Н. Козлова написала: «М. Фуко неоднократно повторял, что сегодня вопросы всеобщего значения возможно рассматривать только в контексте обращения к их исторически единичным формам. Под этим углом зрения понимаешь то, что имел в виду К. Леви-Стросс, которого легко причислить к «махровым структуралистам»: «Всегда остается только одно – провести кропотливое изучение одного случая; единственное различие заключается в выборе «случая», составные элементы которого будут <...> относиться к шкале проектируемой модели или же к какой-то другой шкале» [8, с. 29].

В настоящей статье рассмотрим, как можно применить биографический метод к историческому исследованию поведения определенной социальной группы. В данном случае, к советским инженерам первого поколения – людям, закончившим вузы в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Речь идет об инженерном корпусе оборонных предприятий г. Перми и Мотовилихи. Для реконструкции социальной генеалогии советских инженеров эпохи сталинской индустриализации были использованы источники, содержащие автобиографические данные.

В конце 1920-х гг. в результате репрессивной политики советской власти была уничтожена и запугана старая, так называемая буржуазная техническая интеллигенция². В сталинской индустриализации участие принимали уже молодые инженеры, получившие образование в советской системе высшего или среднего технического образования. Их отцы не были инженерами. Значит, нельзя говорить о преемственности технического знания между двумя поколениями. Мотивация молодых специалистов, создававших советскую промышленность, была связана не с признанием престижа инженерной профессии в дореволюционную эпоху. Наоборот, после разгрома буржуазных спецов от этого престижа не осталось и следа. В промышленность 1930-х гг. пришли инженеры, чьи представления и ценности были частью формирующейся советской культуры *modernity*.

В настоящей статье речь идет о ситуации на заводе № 19 по производству авиамоторов в г. Пермь Свердловской области. В декабре 1934 г. на этом заводе произошел инцидент, повлекший за собой серию драматических, а затем и трагических событий, завершившихся четыре года спустя полным разгромом инженерного корпуса самого передового предприятия советской авиационной промышленности. На общезаводском митинге, организованном с целью еще раз заклеить убийц тов. Кирова – «подонков зинovieвской оппозиции» главный металлург завода З.А. Радин не вовремя вспомнил, что когда-то с оппозицией боролись «с книгой в руках». За-

² Судебный процесс по делу контрреволюционного «Союза инженерных организаций» («Промышленной партии») проходил в Колонном зале Дома Союзов в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. В качестве обвиняемых к суду были привлечены 8 человек [14, с. 43-44]. В результате этой репрессивной кампании заводы Свердловской области фактически остались без инженеров [2, с. 98-110].

водское начальство, присутствовавшее на митинге, тут же одернуло незадачливого оратора; партком через два дня исключил его из членов ВКП(б) [10, с. 476].

Инженер З.А. Радин был выходцем из черты оседлости, вполне возможно учился в хедере. Его отношение к книжному знанию, пусть и полученному из религиозной литературы, формировалось еще в детском и подростковом возрасте. Поэтому во фразе «с книгой в руках», произнесенной инженером Радиным на первый взгляд случайно, как в капле воды отразилась одна из характерных черт генезиса жизненного мира советских инженеров первого призыва: речь идет о воздействии на них личностного опыта, полученного в период первичной социализации. В данном случае это опыт мальчика из черты оседлости.

Если следовать логике, предложенной Х. Абельсом («Социальный порядок есть процесс, в котором прежний опыт сравнивается с новым и соединяется с ним в свободной от противоречий “теории”»), при описании жизненного мира необходимо брать во внимание не только пространственные, но и временные стороны конструирования и повседневности в целом, и жизненного мира, в частности [1, с. 78]. История личности в таком случае может быть описана как процесс накопления опыта, разделяемого с близким кругом сверстников.

Советское государство прилагало множество усилий для унификации социального опыта советских людей, принадлежащих к определенным группам и сообществам. Эти усилия дали результат только к середине 1960-х гг., когда была завершена институционализация социальной карьеры молодых людей, желающих получить социальный статус инженера. Была введена в действие «дорожная карта» с понятным маршрутом: городская школа, рабфак или техникум, политехнический институт, занятость на промышленном предприятии [9]. В середине 1930-х гг. процесс инженерной аккультурации отличался крайней быстротой. Среда, из которой выходили инженеры, отличалась большим социальным разнообразием [12, с. 775-789].

Захар Радин принадлежал к кругу людей, пришедших в советскую индустрию из мира еврейской бедноты – персонажей рассказов Шолом – Алейхема и Исаака Бабея.

Процитируем И. Уткина:

«И дед и отец работали. / А чем он лучше других? / И маленький рыжий Мотэле / Работал за двоих. / Чего хотел, не дали / (Но мечты его с

ним!) / Думал учиться в хедере, / А сделали – / Портным <...>

Трудно сказать про омут / А омут стоит / у рта / Всего / два погрома / И Мотэле / стал сирота [16, с. 161-164].

В еврейском местечке главным образовательным учреждением был хедер – школа, в которой единственным учебником был талмуд – священная книга иудеев, техникой – разучивание наизусть страниц и глав, методом – комментирование священного текста и способом поддержания дисциплины – розги и зуботычины. Так из подростков делали «людей книги» – правоверных иудеев. Сталин презрительно называл их «начетчиками и талмудистами». Михаил Соломонович Богуславский (начальник строительства завода горного оборудования в Новосибирске в начале 1930-х гг.) в своей автобиографии вспоминал: «Отец – портной, ремесленник. В семье было еще двое детей от первой жены отца (умершей), и трое детей от второй жены (моей матери). В пять лет я был отдан на обучение в домашнюю еврейскую школу («хедер»). В которой учился до восьми лет, до смерти матери. <...> Нередко огромная семья по целым дням сидела без хлеба, в ожидании пока заказчики отдадут отцу его грошовый заработок. <...> И первой экономией в бюджете семьи явился перевод меня из платной еврейской школы в бесплатную общественную школу для беднейших еврейских детей («талмуд-тора»), где кроме бесплатного обучения на еврейском и русском языках также бесплатно обмундировывали и кормили... Учеба в этой Талмуд-торе была сплошным мучением: <...> приходилось туда ходить, вставая еще до восхода солнца, причем за малейшее опоздание немилосердно били, приучая к «аккуратности» ...» [5, с. 364]. Кто-то навсегда воспитал в себе «непреодолимое отвращение к древнему языку и ненависть к бабушке, религии и богу» [5, с. 399]; кто-то вспоминал о годах, проведенных в хедере, даже с некоторой теплотой, но традиция священного отношения к тексту, к книге сохранилась у многих. Без учета этой традиции было бы трудно объяснить характер внутривнутрипартийной борьбы в двадцатые годы, когда конфликты по поводу политической стратегии и принципов хозяйствования, форм социальной организации были облачены в форму т.н. «литературных дискуссий», где противники использовали в качестве действенного оружия цитаты из классиков, без конца обращались к текстам, писанным в совсем иную историческую эпоху. И тогда неу-

дачное высказывание З.А. Радина вовсе не будет казаться случайным; оно укажет и на его происхождение, и на участие во внутривнутрипартийных схватках, как выяснилось тогда же, на стороне проигравших, и на опыт поколения, уже сходявшего с политической сцены. Не будет историческим анахронизмом параллель между книжными знаниями о жизни юных начетчиков 1920-х гг. и идеальным восприятием социального мира у «шестидесятников», вышедших из иной среды, но в той же степени отворачивающихся от жестокой российской реальности во имя призрачного идеала: ««Новые люди» 60-х годов были нетерпеливы и фанатичны: они проявляли исступленную веру в светлое будущее и были нетерпимы к тем, кто не разделял их радикальных воззрений. <...> В их системе ценностей существительное «прошлое» всегда употреблялось вместе с прилагательным «позорное»: бывшее по определению было только постыдным. Таков был краеугольный камень в построении их картины мира. Они мифологизировали будущее и, следуя установкам Николая Гавриловича Чернышевского, упорно старались переносить элементы будущего в настоящее. Однако эти прививки будущего, например, коммуны, не приживались в настоящем. Но неудачи в практических вопросах никак не сказывались на воодушевлении «шестидесятников» и не поколебали их идеалы. Исступленный фанатизм был превосходной защитой от реальной жизни с её насущными проблемами [19].

Борис Бергер, в середине 1930-х гг. работавший конструктором в опытно-конструкторском отделе завода № 172 имени Молотова в Перми, создатель артиллерийской системы МЛ – 15, также вырос в еврейской мещанской семье, его отец был часовым мастером в Житомире (Пермский государственный архив социально-политической истории, далее – ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 9). Не удивительно, что, рассказывая о своем детстве, и Бергер, и Богуславский обращали внимание на моменты, отражающие низкий социальный статус и ограниченные «чертой оседлости» жизненные горизонты, обусловленные происхождением и в дальнейшем контрастирующие с их приобретенным высоким инженерным статусом. Сегодня трудно представить себе, каким почетом было окружено в предреволюционной России звание инженера: личная независимость, высокий оклад жалования, поражающее воображение образование, красивый мундир, отличный от местных обывателей стиль жизни, зримое

воплощение прогресса. И все это соединялось в одном образе – инженера. Недостижимый идеал для еврейского мальчика из захолустного местечка. В новую жизнь он принес не только книжность, умение и желание играть в опасную игру с идеологическими формулами. Собственно, эта игра Бориса Бергера и сгубила: не так на кружке определил характер китайской революции, что-то сказал про диктатуру пролетариата, а нельзя было. Потом уже на следствии оправдывался, мол, не подготовился, плохо спал, артиллерийскую систему проектировал: «У меня были отдельные ошибки в руководстве кружком марксизма-ленинизма, являющиеся результатом непосещения мною консультаций при Горкоме партии и недостаточной подготовки к занятиям в силу невероятной моей загруженности на заводе» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 22об.). Но в ситуации 1936 г. идеологическая чистота уже стояла выше тактико-технических условий, действительно, удавшейся гаубицы – и дело кончилось исключением из партии, приговором и бессудным расстрелом в лагере.

Наряду с опытом комментирования священных текстов присутствовал и страх перед начальством: новыми городскими в синих коверкотовых гимнастерках, или партийных кителях с отложными воротничками, память о голодном и бесправном детстве и неуверенность в сегодняшнем дне.

Рядом с Борисом Бергером работал конструктор Александр Плоскирев – сын купца первой гильдии, расстрелянного в дни красного террора [7], признанный специалист, знающий толк в профессии и готовый прийти на помощь своим юным коллегам («Плоскирев внимательно относился к молодым специалистам, стремился разъяснить нам неясные вопросы» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 290)), при этом человек прижимистый, упрямец, готовый идти против течения: он не проголосовал на собрании за смертную казнь для обвиняемых на «процессе 16» в августе 1936 г.: «Плоскирев от голосования воздержался, заявив, что ему совесть не позволяет голосовать до тех пор, пока ему не будут известны детали дела» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14713. Л. 18об.).

Он знал, что за ним приглядывают и ждут удобного случая, чтобы прогнать с оборонного завода, но это его не остановило. Примерно также вел себя и Арон Баранов – сын комиссионера, совладельца паровой биржи. Родители отплатили ему получать гимназическое образование в Женеве, на инженера он учился в Цюрихе,

на механическом факультете Высшей технической школы (до него в ней учились Вильгельм Конрад Рентген и Альберт Эйнштейн), может быть, по этой причине в партийных дискуссиях не участвовал, товарищей на сталинистов и троцкистов не делил, попавшим в беду помогал, чем мог, явно преодолевая страх. На следствии вину не признал, ушел в лагерь несломленным [10, с. 477-478]. В критических обстоятельствах проявилось у них заложенное в детстве, или в ранней юности обостренное чувство собственного достоинства. Именно оно позволило Арону Баранову сказать на заседании парткома, что партия не может заставить его отказаться от собственного мнения или возникших сомнений: потребовать рассказать о них товарищам – да, наказать за них – вправе, но не более того: «Не может партия приказывать мне думать или верить, а может требовать, чтобы я правдиво сообщил ей, что думаю. В случае, если мои мысли антипартийные, меня можно переубеждать и по неисправимости исключить меня» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 66).

Все они – и выходцы из еврейских низов, и дети среднего класса прошли через горнило гражданской войны, кто-то, как тот же А. Баранов, в рядовых, кто-то выдвинулся в батальонные командиры, в штабные работники высокого ранга, кто-то комиссарил, кто-то, как Л.С. Татко – начальник группы цехов на заводе №19, успел послужить и у красных, и у Махно: командовал батареей, чего нисколько не стыдился и до поры до времени свысока относился ко всякого рода доносам, которые на него регулярно писали бдительные товарищи: «19 год является для Совласти самым тяжелым, и Татко сейчас же взвешивает обстоятельства и два месяца ходит в боях, командует батареей и лупит красных. Хотя он увильивает от этого и говорит, что он всегда воевал с белыми и т.п. Тогда как известно, что махновцы почти ежедневно дрались с красными. Сейчас это знает каждый беспартийный, каждый честный рабочий, а Татко тем более» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1186. Л. 15). Захар Радин и Иосиф Побережский (директор завода с высшим инженерным образованием) занимали высшие посты в РККА. Побережский воюет в Каракумских песках, в тех местах, где когда-то шел за всероссийской славой «белый генерал» Михаил Скобелев. Всероссийской известности не сыскал, но был отмечен орденами: «награжден двумя боевыми орденами «Красного знамени», орденом Ленина и орденом Красной звезды. Орденом Красного Знамени я награжден за

операцию, проводимую под моим руководством в песках Кара-Кума, вторым орденом награжден за освобождение Хивы» (ПермГАСПИ. Ф. 817. Оп. 1. Д. 47. Л. 453). Во время войны эти люди нашли новых друзей, им казалось, что навсегда. Выяснилось, однако, что боевой товарищ может при случайной встрече отвернуться и пройти мимо. Так поступил Ричард Пикель³, равнодушно скользнувший взглядом по спешащему ему навстречу Захару Радину. А когда-то они вместе командовали частями в 16-й армии на Польском фронте. Радин очень переживал, даже жаловался молодой жене: «Даже не поздоровался и отвернулся» (ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14399. Л. 94).

Те, кто читал книгу И. Нарского «Жизнь в катастрофе», без труда могут себе представить будни гражданской войны в тыловой Москве: голод, тиф, холод, расстрелы заложников, заградотряды, вылавливающие и пулей наказывающие мешочников, заводы, где едва теплилась жизнь, годами не убранные улицы, темень, налеты, обыски – все то, что называется катастрофой [11]. Юнцы, отправившиеся на фронт мировой войны, быстро изживали юношеские иллюзии, превращаясь в свирепых полевых командиров, или в жестоких хладнокровных большевистских проконсулов. Дневники Бабеля и роман Пастернака яркими красками рисуют это перерождение.

Так, ветеранов Гражданской войны, ставших спустя 10 лет инженерами завода №19, легко представить себе среди героев баллады М. Светлова «Пирушка» [13]. Действительно, литейным цехом на этом заводе руководил дипломированный инженер Иван Данишевский, зимой 1920-1921 гг. в должности начальника особого отдела 13-й армии Южного фронта принимавший самое активное участие в расправах над белыми офицерами и беженцами в Крыму. «Апогей внесудебных казней пришёлся на де-

³ Ричард Витольдович Пикель (1896-1936) – проходил по «Процессу 16» в августе 1936 г. как соучастник заговора Г.Е. Зиновьева. Из студентов. В 1924 г. перешел на работу начальника секретариата председателя Исполкома Коминтерна. В 1927 г. был исключен из партии как участник левой оппозиции. После публичного покаяния восстановлен. С октября 1934 г. работал директором учебного комбината на острове Шпицберген. В июле 1935 г. вернулся в Москву, в течение одиннадцати месяцев безуспешно пытался встать на партийный учет. Арестован в июне 1936 г. Пикель издал одну книгу по истории философии в 1924 г. «Великий материалист древности (Демокрит)».

кабрь 1920 г. Возглавляя чрезвычайную тройку, Данишевский с 6 по 14 декабря заочно осудил к расстрелу в Керчи 609 чел., в Феодосии с 3 по 30 декабря – 527 чел., в Симферополе 27 января 1921 г. – 10 чел. После завершения основных внесудебных расправ в Крыму Данишевский был награждён золотыми часами и переведён в столицу Украины, заняв в марте 1921 г. пост начальника Особого отдела Харьковского военного округа» [15, с. 95].

А затем им всем – бывшим полковым командирам и чекистам – пришлось садиться за парту, поступать или в авиационную академию им. Жуковского, или в Московское высшее техническое училище – и довоевывать уже в партийных боях пером, или голосом, если хватало темперамента, или голосованием, или посещением подпольных собраний оппозиции где-то на частных квартирах или секретных инструктажей в районных комитетах партии. Иногда дело доходило до кулаков [20]. Бывали случаи, когда спорщики хватались и за наганы: «Я участник парада 1927 года, – рассказывал И. Побережский. – На обратном пути, когда мы шли с парада вместе с заместителем директора №26 Абрамовым Семеном Петровичем, вышли на площадь к гостинице «Париж», видели толпу, шумящую на балконе. Мы обнаружили, что на балконе стоял Смилга, Мальцев (слушатель академии) и был, кажется, по фамилии такой – Малюта, и другие троцкисты – зиновьевцы, кричали лозунги: «Назад – к Ленину», «Да здравствуют вожди Троцкий и Зиновьев». Вход на балкон и в гостинице был закрыт. Мы пробрались с Абрамовым на второй этаж. Я правой рукой разбил окно и вытащил с балкона Смилгу; Мальцев пытался схватиться за ордена, я не давал, он выхватил маузер, я – наган, но стрельбы не было, нас своевременно развели. Я помню после этого на одном из собраний нас с Абрамовым называли сталинскими молодцами» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1186. Л. 8 об.).

В вузовских ячейках партийные схватки были особенно ожесточенными. В них оппозиция пользовалась большой поддержкой [21, с. 411].

Когда же время дискуссий закончилось, все они – и сторонники «Генеральной линии», и их оппоненты – перешли на работу в промышленность, стали сотрудниками в новом амбициозном деле – индустриализации СССР. Тогда же они познакомились с людьми из высших эшелонов власти. К партийной ячейке завода «Икар», где работал инженер А. Баранов, в 1923 г. был

приписан И.Н. Смирнов – народный комиссар почт и телеграфа СССР, в недавнем прошлом красный диктатор Сибири, прозванный «сибирским Лениным». В ячейке было едва ли больше дюжины членов, так что возможностей поближе узнать члена правительства у молодого инженера были. Через десять лет тот же Баранов станет постоянным шахматным партнером Бесо Ломинадзе – парторга завода № 24, а незадолго до этого первого секретаря Закавказского крайкома ВКП(б), потерпевшего поражение в аппаратных боях и переброшенного на низовую работу, до Закавказья работавшего по линии Коминтерна и заслужившего репутацию свирепого и грубого сталинского эмиссара. Ломинадзе расскажет своему собеседнику, как едва не состоялось его назначение «вождем» компартии США. Соприкосновение с верхами партии, конечно же, придаст уверенности молодым людям, только что вошедшим в советский истеблишмент.

И вот тут невольно задаешь себе вопрос, не о них ли писал Александр Воронский, в далеком прошлом большевик-подпольщик из рабочих, ставший редактором первого советского «толстого» журнала «Красная Новь»: «Вредно и опасно петь лишь одни дифирамбы этому поколению, что у нас делают постоянно, закрывая глаза на тревожное. <...> Что выйдет в итоге из этих новых реалистов, в конечном счете, зависит от социалистической революции на Западе и в России. При неблагоприятном обороте все это может выродиться в узкий американизм, в делячество «без всяких измов», в грюндерство худшего сорта. Отсутствие склонности к рефлексии при этом может превратиться в свободу от всякой идейности, а некоторое равнодушие к «музе мести и печали» – в черствое, жестокое отношение к бабкам и мужикам» [4, с. 121, 124].

Подумаем над этим вопросом. Среди советских инженеров были разные люди: добрые и злые, способные и не очень, хорошие администраторы и толковые конструкторы. К людям, встреченным на пути, они относились по-разному: кто-то спешил на помощь, кто-то отворачивался, а кто-то присоединялся к гонителям. Но было ли в их жизненном мире чувство сострадания к рабочим? Обратимся к фактам.

Главным детищем инженеров-моторостроителей, прибывших в районный город Пермь по путевке Промышленного отдела ЦК, которым тогда заведовал их сверстник, напоминавший воробушка, худенький и скромный Николай Иванович Ежов, стал завод №19 имени Стали-

на – самое современное предприятие советского авиапрома, построенное по американской лицензии. «Возьмите площадку завода № 19 – красивейшее место, культурный оазис в нашем городе», – восхищался секретарь городского комитета ВКП(б) (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1102. Л. 52). Рабочие, обслуживающие конвейер, были одеты в белые халаты. В цехах были расставлены горшки с цветами. «В технологию конвейера включены такие мероприятия, как рабочие в белых халатах, белые колонны, белое..., если выражаться грубо, то все в белой форме», – рассказывал директор завода И. Побережский (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1344. Л. 11.). Сняв чистые и белоснежные халаты, те же рабочие уходили в грязные, полуразрушенные бараки общего типа – там было их постоянное жилище. «Бараки у нас находятся в таком состоянии, что говорить об этом жутко <...> Здесь, т.т., вы найдете пьянство, воровство, хулиганство, разврат, проституцию, в конце концов, найдете вшивость и найдете разные другие инфекционные заболевания – кожно-венерические. Все это вы найдете в наших бараках», – так описывала их состояние работница завода №19 (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1100. Л. 298-299).

Вот этот контраст между производственными помещениями и жилищными условиями рабочих невольно заставляет вспомнить организацию пространства в немецких «трудовых лагерях»: газоны, клумбы, тщательно отмытые дорожки возле административного корпуса – и казармы, где в отмеренной тесноте ютились полуголодные заключенные.

Можно было бы предположить, что далеко не всех инженеров устраивала такая ситуация, но в их публичных выступлениях тема рабочей нищеты, убогих условий быта производственников не встретила мне ни разу.

Инструментальное отношение к людям, обслуживающим конвейер, обрабатывающим детали на импортных станках, землекопам, строителям как к рабочей силе несколько не мешало инженерам-партийцам и говорить «по-большевистски», и даже одеваться по-пролетарски, значит – небрежно, безвкусно, бедно. Такой стиль одежды можно рассматривать как способ презентации привилегированной группы населения, призванной смягчить, точнее – спрятать новую социальную дифференциацию.

Как показала Всесоюзная перепись населения 1937 года, в стране насчитывалось только 911790 человек с высшим образованием [6, с. 96]. Невозможно точно определить, какую

часть из них составляли инженеры. Предположим, что большинство. По своему социальному положению инженеры относились к служащим. В структуре служащих государственных предприятий общим числом 10340177 человек доля женщин составляла 34,2 % [6, с. 73]. На пермских предприятиях социальную группу инженеров составляли преимущественно мужчины.

Советский инженерный корпус в годы второй пятилетки состоял из двух неравных частей. Меньшинство принадлежало к выпускникам императорских университетов, технологических институтов и зарубежных политехников. Большинство же закончило советские вузы: МВТУ (Московское высшее техническое училище), Харьковский технологический институт, Академию им. Жуковского и др. Преимущественно это были молодые люди – партийцы или комсомольцы; некоторые с опытом участия в гражданской войне. Большая часть из них были выходцами из мещанской или рабочей среды [17, с. 10-15]. В эпоху сталинской индустриализации инженер как носитель технической культуры приобретает высокий социальный статус. После процесса Промпартии и гонений на «буржуазных» технических специалистов в 1928-1933 гг. (в 1932 г. секретарь Свердловского обкома ВКП (б) И.Д. Кабаков писал Сталину, что на уральских заводах не осталось специалистов) статус инженеров был восстановлен [2, с. 98-110]. Их награждают орденами, приглашают на совещания к вождям, предоставляют привилегии.

Жизненные миры советских инженеров первой формации, выпускников технических вузов в 1929-1930 гг., формировались в условиях гражданской войны, партийных дискуссий, но также и в процессе становления нового иерархического социального порядка. Они овладели большевистской речью, посредством которой могли интерпретировать существующую реальность в терминах классовой борьбы, или борьбы старого с новым, или просто, не раздумывая, повторять партийные лозунги. Такого рода языковые практики конструировали особую картину мира, общую для этой профессиональной группы. В ней отсутствовали и неудобные темы, вроде вопиющей бедности рядовых строителей нового строя и, за редким исключением, самостоятельная рефлексия и нравственные оценки. Образ социалистического строительства завораживал их, не позволяя разглядеть ни человеческих трагедий, ни социальных проблем, ни рождения из обломков старого мира

все того же Левиафана в партийных одеждах. Это общее рассуждение отнюдь не означает тождества их жизненных миров. У них было разное детство, и опыт семейный и школьный наложили свой несмываемый отпечаток на процесс субъективации.

Свое собственное место в новом социальном порядке советские инженеры первой формации видели в двух проекциях: идейной и бытовой – как героев и подвижников социалистической индустриализации, преданных советских работников, и как людей, заслуживших право на экономические привилегии: хорошую квартиру, высокий оклад, предметы советской роскоши. Это стремление к зажиточной жизни воспроизводило самые разные пласты коллективного опыта, разделяемого ими с семейным кругом в детские годы, с партийными сановниками много позже и с товарищами по профессии из Германии и США, с которыми они встречались во время продолжительных заграничных командировок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
2. Бакулин В.И., Лейбович О.Л. Рабочие, спецы, партийцы: о социальных истоках "Великого перелома" // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 98-110.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
4. Воронский А. Литературные портреты. Т. 2. М.: Федерация, 1928.
5. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989.
6. Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.
7. Забытые погосты Кунгура. Журналистское расследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iskra-kungur.ru/state/print:page,1,3482-zabytye-pogosty-kungura-zhurnalistskoe-rassledovanie.html>
8. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Европа, 2005.
9. Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
10. Лейбович О.Л. «Парторганизцию завода им. Сталина охватил психоз...» // Новое литературное обозрение. 2012. № 116. С. 470-489.

11. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М.: РОССПЭН, 2012.

12. Рыжковский В.В. Высшее специальное образование в 1880-1930-х гг. (медицина, сельское хозяйство, финансы и экономика) // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е гг.). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 775-809.

13. Светлов М.А. Ночные встречи: стихи. М.: Молодая гвардия, 1927.

14. «Свои дневники я рассматриваю как оценку рядового гражданина плененной России...»: Процесс «Промпартии» в дневнике инженера И.Я. Попова // Отечественные архивы. 1998. № 2. С. 42-73; № 3. С. 62-90.

15. Тепляков А.Г. Иван Данишевский: чекист, авиастроитель, публицист // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 94-97.

16. Уткин И. Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исайте и комиссаре Блох. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1971.

17. Шаттенберг С. Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2011.

18. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

19. Экштут С.А. Закат империи. От порядка к хаосу. М.: Вече, 2011.

20. Halfin, I., 2007. Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

21. Orlov, V., 1991. Накануне большого терпора: армия и оппозиция. Cahiers du monde russe et soviétique, Vol. 32, no. 3, pp. 409-423.

REFERENCES

1. Abels, H., 1999. Interaktsiya, identifikatsiya, prezentatsiya. Vvedenie v interpretativnyu sotsiologiyu [Interaction, identification, presentation. Introduction to interpretative sociology]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)
2. Bakulin, V.I. and Leibovich, O.L., 1990. "Rabochie, spetsy, partiitsy: o sotsial'nykh istokakh "Velikogo pereloma"" [Workers, specialists, party members: on the social origins of the "Great Break"], Rabochii klass i sovremenniy mir, no. 6, pp. 98-110. (in Russ.)
3. Berger, P. and Lukman, T., 1995. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii

znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moskva: Academia-Tsentr; Medium. (in Russ.)

4. Voronskiy, A., 1928. Literaturnye portrety [Literary portraits]. T. 2. Moskva: Federatsiya. (in Russ.)

5. Deyateli SSSR i revolyutsionnogo dvizheniya Rossii: Entsiklopedicheskii slovar' Granat [The figures of the USSR and the revolutionary movement of Russia: Granat encyclopedic dictionary]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. (in Russ.)

6. Zhiromskaya, V.B., Kiselev, I.N. and Polyakov, Yu.A., 1996. Polveka pod grifom "sekretno": Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda [Half a century with the stamp "secret": All-Union population census of 1937]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

7. Zabytye pogosty Kungura. Zhurnalistskoe rassledovanie [Forgotten graveyards of Kungur. Journalistic investigation]. URL: <http://iskrakungur.ru/state/print:page,1,3482-zabytye-pogosty-kungura-zhurnalistskoe-rassledovanie.html> (in Russ.)

8. Kozlova, N.N. 2005. Sovetskie lyudi. Stseny iz istorii [Soviet people. Scenes from history]. Moskva: Evropa. (in Russ.)

9. Kryshantovskaya, O.V., 1989. Inzhenery: stanovlenie i razvitie professional'noi gruppy [Engineers: the formation and development of a professional group]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

10. Leibovich, O.L., 2012. «Partorganizatsiyu zavoda im. Stalina okhvatil psikhoz...» ["Psychosis came upon the Party organization of the plant named after Stalin..."], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 116, pp. 470-489. (in Russ.)

11. Narskiy, I.V., 2012. Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg. [Life in the catastrophe: Everyday life of Ural region in 1917-1922]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

12. Ryzhkovskiy, V.V., 2012. "Vysshee spetsial'noe obrazovanie v 1880-1930-kh godakh (meditina, sel'skoe hozyaistvo, finansy i ekonomika)" [Higher special education in the 1880s and 1930s (medicine, agriculture, finance and economics)]. In: *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v*

Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody). Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 775-809. (in Russ.)

13. Svetlov, M.A., 1927. Nochnye vstrechi: stikhi [Night meetings: poems]. Moskva: Molodaya gvardiya. (in Russ.)

14. «Svoi dnevniki ya rassmatrivayu kak otsenku ryadovogo grazhdanina plennoi Rossii...»: Protsess «Prompartii» v dnevnike inzhenera I.Ya. Popova ["I consider my diaries as an opinion of an ordinary citizen of a captured Russia...": The process of "Industrial Party" in the diary of engineer I.Ya. Popov], *Otechestvennye arkhivy*, 1998, no. 2, pp. 42-73; no. 3, pp. 62-90. (in Russ.)

15. Teplyakov, A.G., 2012. Ivan Danishevskiy: chekist, aviastroitel', publitsist [Ivan Danishevsky: chekist, aircraft builder, publicist], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 360, pp. 94-97. (in Russ.)

16. Utkin, I., 1971. Povest' o ryzhem Motele, gospodine inspektore, ravvine Isaie i komissare Blokh [The story of the red-haired Motel, Mr. Inspector, Rabbi Isaiah and Commissioner Bloch]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe kn. Izd-vo. (in Russ.)

17. Shattenberg, S., 2011. Inzhenery Stalina: zhizn' mezhdru tekhniki i terrorom v 1930-e gody [Engineers of Stalin: life between technology and terror in the 1930s]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

18. Schütz, A., 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii [Semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moskva: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie». (in Russ.)

19. Ekshtut, S.A., 2011. Zakat imperii. Ot poryadka k khaosu [The twilight of the Empire. From order to chaos]. Moskva: Veche. (in Russ.)

20. Halfin, I., 2007. Intimate enemies. Demonizing the Bolshevik opposition, 1918-1928. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

21. Orlov, B., 1991. «Nakanune bol'shogo terrora: Armiya i oppozitsiya» [On the eve of the Great Terror: the army and the opposition], *Cahiers du monde russe et soviétique*, Vol. 32, no. 3, pp. 409-423. (in Russ.)

А.С. Ващук*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИВАТИЗАЦИИ В РОССИИ 1990-х гг. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются существующие в отечественной и зарубежной литературе точки зрения на социальные проблемы приватизации в России. Как заключает автор, в отечественной литературе водораздел в трактовках приватизации проходит преимущественно по линии идеологических взглядов авторов. Кроме того, отечественные неолиберальные авторы и зарубежные исследователи сходятся в оценке истоков приватизации, но частично расходятся в оценке ее социальных последствий.

Ключевые слова: историография, российская приватизация, социальная политика

Social aspects of Russian privatization of the 1990s in modern historiography.
ANGELINA S. VASCHUK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article examines the point of view on social problems of privatization in Russia that exist in Russian and foreign literature. The author concludes that opinions on privatization in Russian literature differ mostly due to ideological beliefs of the authors and that there is a consensus of Russian neo-liberal authors and foreign researchers in assessing the origins of privatization, while some division exists in assessing its social consequences.

Keywords: historiography, Russian privatization, social policy

В 2017 г. исполняется 100 лет со дня Октябрьской революции, которая создала идейно-политические предпосылки для создания государственной собственности в России путем национализации земли, промышленных предприятий и банков. Но в 2017 г. есть еще одна юбилейная дата: прошло 25 лет с того дня, как Верховный Совет Российской Федерации утвердил Программу приватизации государственного имущества, которое много лет в прошлом создавалось и укреплялось партийно-государственной властью. Уже более 25 лет российский человек обживаете и обустривается в новых социально-экономических условиях.

Исследование изменений в обществе, выявление особенностей социальных трансформаций в России в 1990-е гг. – одна из сложных задач исторической науки. Вместе с тем социальные аспекты российской приватизации исследованы в меньшей степени, чем экономические, хотя уже есть над чем подумать гуманитариям. Например, достаточна ли для историка такая временная дистанция, чтобы подвести итоги изучения радикальной российской реформы, определившей повороты судьбы советского поколения, а также и тех, кто родился в «лихие девяностые»? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в формате историографического анализа.

---

* ВАЩУК Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: va_lina@mail.ru

© Ващук А.С., 2017

Вряд ли кто-то станет возражать, что по проблемам приватизации уже имеется обширная литература. При такой ситуации любые отсылки будут неполными, поэтому, приступая к историографическому анализу заявленной проблемы, важно обозначить некоторые положения. Во-первых, в своем исследовании мы будем исходить из предмета и задач данной статьи. Во-вторых, в дискурс социальных проблем приватизации будет включено понятие социальной политики, которая понимается здесь как урегулирование различными способами и методами совместной жизни людей, где самым необходимым средством является наличие власти и интересов, а также ресурсов для их реализации. Главная сфера урегулирования совместной жизни – это направления и способы распределения материальных благ (см.: [4, с. 4-87]). В такой трактовке социальная политика предстает главным социальным направлением приватизационной реформы в переходный период. В-третьих, следует учитывать, что в исследовательском опыте отечественных историков, работающих в историографическом формате, присутствуют как классические схемы анализа (чаще всего типичные для диссертаций), так и поиск новых подходов. Специфику современной ситуации в области историографического жанра справедливо определили авторы проекта «Исторические исследования в России: тенденции последних лет»: «Современному исследователю, несмотря на все разнообразие форм внутрицеховой коммуникации, скорее всего, придется быть готовым к индивидуальному обретению знаний об историографическом процессе, к самостоятельному и тонкому прочтению результатов очевидного или неочевидного консенсуса дискурсов различных гуманитарных дисциплин» [9; 10, с. 9]. Здесь мы попытаемся построить свой обзор на выделении концептуальных подходов в литературе, определении главных исследовательских «точек» в области социального содержания приватизационной российской реформы, сравнении оценочных суждений российских и зарубежных авторов по определенным проблемам. Наконец, учитывая масштабы страны, важно рассмотреть изученность регионального изменения приватизации.

Важнейшим достижением российских и зарубежных исследователей феномена приватизации в России является быстрый выход на системный анализ реформы. В современной литературе обращает на себя внимание едино-

душие отечественных и зарубежных авторов в оценке исторического значения радикально-либерального преобразования: приватизация в России – это исходный пункт для анализа трансформации отношений собственности в переходной период. Этот основополагающий тезис, хотя и в разных вариациях, звучит примерно так: системная смена социального порядка началась с приватизации. Главными выразителями системного анализа являются ученые из Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара [21]. Причем такого рода суждения характерны как для ученых, так и для «отцов» российской приватизации¹ [22]. Следуя этой логике, в публикациях можно обнаружить тезис, отражающий суть «концепции неизбежности приватизации», которая родилась в недрах неолиберальных взглядов: «К началу 1990-х годов приватизация была предопределена уже потому, что государство к тому времени предельно ослабело, по сути, перестало существовать...» [22, с. 271-272].

Концепция неизбежности приватизации обнаруживается и в другом направлении, разрабатывающем идею формирования нового политического класса в позднем СССР. Так, именно в приватизации видит основной рычаг разрушения советского социального устройства А. Островский [16].

В российском информационном пространстве существует масса публикаций, в которых мнения относительно приватизации разделяются по идейно-политической линии. Примером может быть позиция представителей КПРФ, которые объясняют истоки российской приватизации исключительно влиянием внешнего фактора: «Была решена ключевая задача, поставленная воротилами мирового капитализма перед подконтрольной им российской «элитой»: молниеносно изменить не просто форму собственности, а социально-экономическую систему. При этом не были достигнуты обещанные властью цели» [7].

Позиции отечественных исследователей, отстаивающих тезис о неизбежности приватизации, совпадают с мнением ряда зарубежных авторов. «Ничто не вызывало столько страстей, как приватизация. Являясь водоразделом между капитализмом и социализмом, она влечет за собой изменения в политике, праве, морали и эко-

¹ Заметим, что труды А.Б. Чубайса и других организаторов для историка выступают в двух ипостасях: как источники и как первые очерки по истории приватизации неолиберального направления.

номике», – пишет Ослунд Андерс [15, с. 379]. В. Андреев говорит о том, что «...российская приватизация началась – в форме теневого вывода ресурсов с государственных предприятий – еще до распада СССР» [1]. О приватизации как основном «рычаге для перехода от советского социализма» пишет Стефан Коткин [24, р. 130]. Говоря о 1991-1992 гг., он подчеркивает «социальное давление» элиты на идейных вдохновителей приватизации, которое проявилось в гораздо большей степени, чем социальный протест против приватизации со стороны масс [24, р. 177]. Можно отчасти согласиться с мнением С. Коткина о том, что «большинство простых людей ожидало появления богатства в американском стиле в сочетании с социальным благополучием в европейском стиле. В конечном счете, именно радужные образы внешнего мира, транслированные гласностью, помогли уничтожить то, что осталось от их верности социализму» [24, р. 115].

Таким образом, приватизация по своей сути стала ядром реальной социальной политики в России в 1989-1994 гг., т.е. в период позднего социализма и перехода к постсоветской эпохе. Реформа выражалась в поддержке интересов зарождающейся социальной группы, как со стороны последнего генерального секретаря М.С. Горбачева, так и со стороны нового руководства страны в лице президента Б.Н. Ельцина. Об этом пишут и зарубежные авторы, и российские исследователи. При этом, выражая эту общую позицию, они часто расходятся во взглядах относительно последствий приватизации [8; 15; 16; 18; 21; 23; 24].

Приватизационный процесс в современной литературе чаще всего рассматривается в широком смысле, т.е. не только как технические процедуры продажи (передачи) активов из государственного сектора в частный, но как фундаментальный процесс становления частной собственности и формирования институциональных предпосылок для дальнейшего развития рыночной среды на общероссийском и региональном уровнях. Важно подчеркнуть, что есть работы, где главное внимание уделяется именно технологии приватизации [1; 21]. Они важны для понимания социального смысла проведенной приватизации в 1992-2000 гг. Однако подсчет средств, потраченных на разработку документов и проведение реформы может стать темой для новых исследований. Этот сюжет нуждается в специальном исследовании, которое поможет найти ответ на вопрос о стоимости

технологического обеспечения реформы для государства.

К важным достижениям исследователей мы относим постановку проблемы об особенностях российской приватизации. Очень актуальной для историков представляется точка зрения А. Островского, который в своей книге рассмотрел историю зарождения нового класса собственников в контексте возникновения идей приватизации среди неолиберальных интеллектуалов и части политической номенклатурной элиты, проделав огромнейшую исследовательскую работу в формате социальной истории [16]. А. Островский в своем исследовании ссылается на книгу В. Найшуля «Другая жизнь» [14]. Историк обращает внимание на ранние варианты разработки схем приватизации и дискуссии на эту тему.

Анализ экономической, социологической и политической литературы позволяет высказать следующий тезис, характеризующий основную черту современной историографии. Независимо от специальности исследователей, наблюдается стремление к системности изучения приватизации. Большинство авторов обращается к триаде «стабилизация – либерализация – реформа собственности», и эта формула становится классической для содержательного определения системных преобразований в российском обществе в переходный период, по крайней мере, на первой их стадии. Подобная точка зрения присуща и авторам, которые были практиками, то есть были непосредственно вовлечены в приватизацию, например, В.Р. Берман [3] и П.С. Филиппов.

Важной особенностью изучения российской приватизации является акцент на анализе событийно-фактической информации, которая призвана помочь читателю понять российскую специфику процесса [15, с. 389-391].

Относительно оценки социальных последствий приватизации в литературе складывается весьма парадоксальная ситуация, а именно – солидарность в признании быстрых или даже реактивных темпов приватизации, которые активизировали стремительную социальную поляризацию российского общества и формирование российской олигархии [2; 8; 20]. Д. Саттер, американский журналист, претендующий на историческое расследование, акцентирует внимание на таких сопутствующих реформе явлениях, как гиперинфляция и криминализация. Современная зарубежная и отечественная литература часто называет среди социальных последствий приватизации форми-

рование нового социального слоя – олигархии [20, с. 59]. Д. Стиглиц, сторонник постепенной трансформации с сохранением важных регулирующих функций государства, приходит к выводу, что для большинства населения бывшего Советского Союза экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем предо-стерегали прежние коммунистические лидеры [20]. Российская исследователь М.В. Иванова подчеркивает, что в частные руки передавались не только убыточные, но и наиболее развитые отрасли и предприятия. Это обстоятельство позволило сформироваться классу собственни-ков, который получил в распоряжение большую часть общенародной собственности [8].

В современной литературе в рамках анализа российской приватизации в фокусе исследова-телей оказывается политический фактор. И рос-сийские, и зарубежные авторы подчеркивают, что политика самым непосредственным образом усиливала противоречивость и нестабильность законодательной базы. В России отсутствовал единый правовой подход, одновременно дей-ствовали противоречащие друг другу норматив-ные акты, наблюдалась частая смена тактических установок и моделей, более того, в ряде конкрет-ных случаев принимались акты, дававшие той или иной стороне эксклюзивные права вне рамок законодательства, существовала практика отмене уже принятых решений [3; 8].

Одним из актуальных вопросов изучения приватизации в рамках социальной истории яв-ляется поиск ответа на вопрос: могло ли пер-вое реформаторское правительство, пришед-шее к власти в конце 1991 г., контролировать спонтанный процесс приватизации? Некоторые исследователи считают, что правительство не имело реальной возможности взять под опера-тивный контроль ход приватизации. При ко-ллапсе системы государственного контроля над предприятиями и отсутствии правовой базы частной собственности взятие и удержание контроля осуществлялись в значительной мере силовыми методами с использованием крими-нальных структур и подкупа государственных и партийных чиновников, традиционно отве-чавших за контроль над предприятиями [20]. Другие исследователи полагают, что власть и не хотела первоначально брать под свой контроль процесс стихийной приватизации. «Российские чиновники использовали свои позиции в госу-дарственной власти для реализации своих соб-ственных интересов» [24, р.125-126]. М. Виль-кобриский, до 1993 г. разделявший идею

приватизации, но после разочаровавшийся в либерализме, проводит в своей книге мысль о том, что правительство не хотело и не могло в 1989-1992 гг. контролировать приватизацию [5]. Еще одна точка зрения сводится к тезису о том, что государство не сразу приступило к правому регулированию приватизации [13, с. 58-60].

Важным представляется изучение регио-нального аспекта российской приватизации. Так, опыт Дальнего Востока уже начал изу-чаться в русле разработки более общих тем социально-экономической истории 1990-х гг. Можно отметить ничтожное количество работ, посвященных анализу спонтанной приватиза-ции в регионе до принятия государственной программы, что можно объяснить отсутствием массовых источников.

Первую попытку изучить историю прива-тизации в контексте формирования российско-го предпринимательства предприняла в своей докторской диссертации Л.А. Моисеева [12]. В рамках концепции государственной полити-ки провела исследование хода приватизации на Дальнем Востоке Е.К. Пилилян [17].

Важным для характеристики отношения дальневосточников к приватизации представ-ляется вывод о том, что в 1980-е гг., особенно в период перестройки, в регионе вызревали пред-посылки для сильнейшего бюрократического взрыва и наступления кризиса социальной по-литики советского типа [4, с. 461].

В контексте социальных характеристик при-ватизации в региональном измерении следует выделить два результата, полученных истори-ками. Первый – это определение доли форм собственности в промышленности в динамике и по регионам, которая строится на базе офици-альной статистики (в 1992-2000 гг.) [12; 13; 17]. В коллективной работе «Трансформация отно-шений собственности и сравнительный анализ российских регионов» приводится разбивка территории России по кластерам, например, по динамике процесса приватизации и изме-нению доли промышленных предприятий не-государственного сектора в общем количестве предприятий промышленности [21]. Второй результат заключается в разработке аспектов, связанных с политическими и экономическими особенностями Дальнего Востока. В частно-сти, реализация приватизационной политики началась в условиях проявления определенного дальневосточного сепаратизма [19, с. 200-206]. На микроуровне происходил спонтанный пере-вод государственных предприятий и имущества

в иные формы собственности (частно-государственные и частные, или же квази-коллективные и квази-частные). Одним из таких примеров частного государственного партнерства является история компании «Золотое звено» – первой частной компании в железнодорожном транспорте России, созданной на территории Хасанского района Приморского края [25].

Изучая приморский материал, мы сделали вывод о справедливости концепции «разрыва декларированных целей приватизации и реальной цели», суть которой высказали предшественники [21]. Однако следует уточнить, что появлению российских капиталистов, в том числе и в дальневосточном регионе, предшествовал стремительный разрыв между «горбачевской» идеологией рыночного социализма и хозяйственной практикой «дикого капитализма» в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [14].

Проанализированные работы, затрагивающие социальное содержание российской приватизации, демонстрируют, что в гуманитарном знании формируется междисциплинарный подход к данной проблеме. Обращение экономистов, политологов, историков к собственности (при любых ее трактовках) как основе любой системы хозяйства, свидетельствует о доминировании в литературе системного подхода к рассмотрению приватизации. Такой подход наблюдается одновременно как в российской, так и в зарубежной литературе. Кроме того, наблюдается схожесть взглядов зарубежных и российских авторов на спонтанную приватизацию, которую не смогли контролировать ни последнее советское, ни первое постсоветское правительства, а также на социальные последствия приватизации (обнищание населения, резкое социальное расслоение, формирование нового слоя предпринимателей и олигархии).

В отечественной литературе о приватизации формируется плюралистическая картина взглядов на социальные истоки реформы. Прямых трактовок с указанием на то, что приватизация была частью социальной политики в России в переходный период первого постсоветского правительства, в проанализированной нами литературе не нашлось. Тем не менее, приведенный анализ говорит о перспективности такого подхода. Среди малоизученных аспектов приватизации остаются вопросы отношения разных слоев российского общества, в том числе на отдельных территориях, к приватизации как основному направлению социальной политики на конкретных этапах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В. Российская приватизация: подходы и последствия // Вопросы экономики. 2004. №6. С. 57-78.
2. Анохина О.А. Российская приватизация в исследованиях зарубежных ученых // Современные научные исследования: теория, методология, практика. 2011. Т. 1. № 1. С. 156-162.
3. Берман В.Р., Филиппов П.С. История приватизации в России // История новой России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ru-90.ru/node/1142>
4. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (1945 – конец 80-х годов): дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1998.
5. Вилькобрисский М. Как делили Россию. История приватизации. СПб.: Питер, 2012.
6. Делягин М.Г. Светочи тьмы: физиология либерального клана. От Гайдара и Березовского до Собчак и Навального. М.: Книжный мир, 2016.
7. Зюганов Г.А. Приватизация – синоним беззакония // Красноярское время. 2010. 24 сентября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatizaciya-sinonim-bezzakoniya/>
8. Иванова М.В. К истории приватизации в России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. Вып. № 12. С. 3-8.
9. Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2003.
10. Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011.
11. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf>.
12. Моисеева Л.А. История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1985-2000 гг.: дисс. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004.
13. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток: Дальнаука, 2006.
14. Найшуль В. Другая жизнь. М.: Компьютерное издание, 1985.
15. Ослунд А. Строительство капитализма. Рыночная трансформация стран бывшего советского блока / под ред. И.М. Осадчей. М.: Логос, 2011.

16. Островский А.В. Кто поставил Горбачёва? М.: Эксмо, 2010.

17. Пилипян Е.К. К вопросу о новых функциях государства в период формирования предпринимательства на юге Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 2. С. 77-79.

18. Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 2008. № 3. С. 3-32.

19. Саттер Д. Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М., 2004.

20. Стиглиц Д. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Национальный общественно-научный фонд, 2003.

21. Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов // Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ier.ru/ru/publikacii/publication/730.html>

22. Чубайс А.Б. Россия: трудный путь к частной собственности. Очерки, интервью: в 3 т. Т. 1. СПб.: Норма, 2011.

23. Яковлева Е.В. Некоторые проблемы приватизации в России // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 4. С. 47.

24. Kotkin, S., 2001. *Armageddon averted: the Soviet collapse, 1970-2000*. Oxford: Oxford University Press.

25. Vashchuk, A.S. and Konyakhina, A.P., 2016. The modernization of Khasanskii Raion in the Russian Far East: potential, problems, and perspectives, *Asian Perspective*, Vol. 40, no. 3, pp. 435-454.

REFERENCES

1. Andreff, V., 2004. Rossiyskaya privatizatsiya: podkhody i posledstviya [Russian privatization: approaches and consequences], *Voprosy ekonomiki*, no. 6, pp. 57-78. (in Russ.)

2. Anokhina, O.A., 2011. Rossiyskaya privatizatsiya v issledovaniyakh zarubezhnykh uchenykh [Russian privatization in foreign studies]. In: *Sovremennye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika*, Vol. 1, no. 1, pp. 156-162. (in Russ.)

3. Berman, V.R. and Filippov, P.S. *Istoriya privatizatsii v Rossii* [The history of privatization in Russia]. URL: <http://www.ru-90.ru/node/1142> (in Russ.)

4. Vashchuk, A.S., 1998. *Sotsial'naya politika v SSSR i ee realizatsiya na Dal'nem Vostoke (1945 – konets 80-kh godov)* [Social policy in the USSR and its implementation in the Soviet Far East (1945 – late 1980s)], *dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk*. Vladivostok. (in Russ.)

5. Vil'kobrissskiy, M., 2012. *Kak delili Rossiyu. Istoriya privatizatsii* [How Russia was divided. The history of privatization]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

6. Delyagin, M.G., 2016. *Svetochi t'my: fiziologiya liberal'nogo klana. Ot Gaydara i Berezovskogo do Sobchak i Naval'nogo* [The lights of the darkness: the physiology of the liberal clan. From Gaidar and Berezovsky to Sobchak and Navalny]. Moskva: Knizhnyy mir. (in Russ.)

7. Zyuganov, G.A., 2010. *Privatizatsiya – sinonim bezzakoniya* [Privatization as a synonym for lawlessness]. URL: <http://krasvremya.ru/g-zyuganov-privatizatsiya-sinonim-bezzakoniya/> (in Russ.)

8. Ivanova, M.V., 2013. *K istorii privatizatsii v Rossii* [Towards the history of privatization in Russia], *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12, pp. 3-8. (in Russ.)

9. Bordyugov, G.A. ed., 2003. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – II. Sem' let spustya* [Historical studies in Russia - II. Seven years later]. Moskva: AIRO-XXI. (in Russ.)

10. Bordyugov, G.A. ed., 2011. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pyatnadsat' let spustya* [Historical studies in Russia - II. Fifteen years later]. Moskva: AIRO-XXI. (in Russ.)

11. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii*. T. 3. Kn. 5. *Obshchestvo i vlast' na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1960-1991 gg.* [The history of the Russian Far East. Vol. 3. Book 5. Society and power in the Russian Far East, 1960-1991.]. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2016. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/dv-history-2016.pdf> (in Russ.)

12. Moiseeva, L.A., 2004. *Istoriya formirovaniya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v 1985-2000 gg.* [The making of entrepreneurship in the Russian Far East, 1985-2000.], *dissertatsiya doktora istoricheskikh nauk*. Vladivostok. (in Russ.)

13. Moiseeva, L.A. and Vashchuk, A.S., 2006. *Istoriya predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse XX – nachale XXI v.* [The history of entrepreneurship in the Russian Far East in the late XXth – early XXIst century.]. Vladivostok: Dal'nauka. (in Russ.)

14. Nayshul', V., 1985. *Drugaya zhizn'* [Other life]. Moskva: Komp'yuternoe izdanie. (in Russ.)

15. Oslund, A., 2011. *Stroitel'stvo kapitalizma. Rynoch'naya transformatsiya stran byvshego*

sovetskogo bloka [Capitalism development. Market transformation of the countries of the former Soviet bloc]. Moskva: Logos. (in Russ.)

16. Ostrovskiy, A.V., 2010. Kto postavil Gorbacheva? [Who created Gorbachev?]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

17. Pililyan, E.K., 2008. K voprosu o novykh funktsiyakh gosudarstva v period formirovaniya predprinimatel'stva na yuge Dal'nego Vostoka v kontse XX – nachale XXI v. [On the new state functions in the period of the formation of entrepreneurship in the South of the Russian Far East (late XXth – early XXIst century)], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke, no. 2, pp. 77-79. (in Russ.)

18. Radygin, A., 2008. Rossiyskaya privatizatsiya: natsional'naya tragediya ili institutsional'naya baza postsovetskikh reform? [Russian privatization: a national tragedy or institutional base of post-Soviet reforms?], Mir Rossii, no. 3, pp. 3-32. (in Russ.)

19. Satter, D., 2004. T'ma na rassvete. Vozniknovenie kriminal'nogo gosudarstva v Rossii [Darkness at dawn: the rise of the Russian criminal state]. Moskva. (in Russ.)

20. Stiglits, D., 2003. Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii [Globalization: disturbing trends]. Moskva: Natsional'nyy obshchestvenno-nauchnyy fond. (in Russ.)

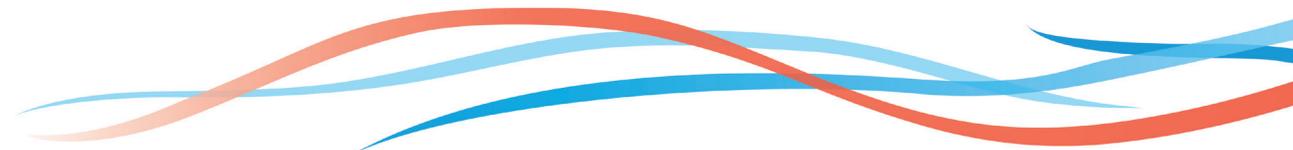
21. Transformatsiya otnosheniy sobstvennosti i sravnitel'nyy analiz rossiyskikh regionov [Transformation of property relations and comparative analysis of Russian regions]. URL: <https://iep.ru/ru/publikacii/publication/730.html> (in Russ.)

22. Chubays, A.B., 2011. Rossiya: trudnyy put' k chastnoy sobstvennosti. Ocherki, interv'yu: v 3 t. T. 1 [Russia: a difficult path to private property. Essays, interviews in 3 volumes. Vol. 1]. Sankt-Peterburg: Norma. (in Russ.)

23. Yakovleva, E.V., 2014. Nekotorye problemy privatizatsii v Rossii [Some problems of privatization in Russia], Gumanitarnye nauchnye issledovaniya, no. 4, p. 47. (in Russ.)

24. Kotkin, S., 2001. Armageddon averted: the Soviet collapse, 1970-2000. Oxford: Oxford University Press.

25. Vaschuk, A.S. and Konyakhina, A.P., 2016. The modernization of Khasanskii Raion in the Russian Far East: potential, problems, and perspectives, Asian Perspective, Vol. 40, no. 3, pp. 435-454.

М.А. Казаков, Д.Н. Беспалов*

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА –
ПРОБЛЕМА И РЕСУРС СОВРЕМЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются особенности современных подходов к феномену персонификации политического лидерства и их связь с феноменом медиатизации политики.

Ключевые слова: политическое лидерство, персона, персонификация власти

Personification of political leadership as an issue and resource of power. MIKHAIL A. KAZAKOV (N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod), DMITRIY N. BESPALOV (National Research University Higher School of Economics)

The article discusses the features of modern approaches to the phenomenon of personalization of the political leadership and their relationship with the phenomenon of the mediatization of politics.

Keywords: political leadership, person, personification of power

Современные проблемы политического лидерства по природе своей междисциплинарны и парадоксальны. Но какую бы из них в соответствии с реально действующим субъектом мы ни рассматривали, в каком бы измерении ни анализировали, всюду находим проявление политических отношений и интересов, функционирующих и воспринимающихся в фокусе социальных изменений. Лидеры – носители не только общих и частных связей, но одновременно и очагов, и пределов этих изменений. В первом случае, как ведущие, они «тот социокритический интеллектуальный страт, благодаря которому зажигается факел прогресса, магнетически притягивающий взоры людей к себе, организуя их на конкретные исторические деяния» [16, с. 77]. Причем, как заметил В.О. Ключевский, одни заводят, а другие выво-

дят их на покинутую временно историческую прямую.

Своевременное определение пределов этих путей, связанных с ними общественных изменений, проявляющихся в установках лидеров и населения на принятие тех или иных ценностей, оказывается сопряженным с изучением лидерства как субъекта трансформации. Понимание неопределенностей, возникающих здесь в разных областях общества, недопущение их концентрации на практике путем снижения до уровня, обеспечивающего его функциональные потребности, требует от лидеров создания институциональных границ реформ и собственной институционализации как «хабитуализации» и взаимной типизации опривыченных действий деятелями разного рода» (П. Бергер, Т. Лукман) [9, с. 146]. Это содержание второго случая.

* КАЗАКОВ Михаил Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: kazakov_mihail@list.ru

БЕСПАЛОВ Дмитрий Николаевич, кандидат политических наук, доцент кафедры информационной безопасности факультета бизнеса и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: dbespalov@hse.ru

© Казаков М.А., Беспалов Д.Н., 2017

Примечательны по этому поводу слова Д. Норта: «Несовместимость формальных правил и неформальных ограничений (что может быть результатом глубины культурного наследия, в рамках которого были выработаны традиционные способы разрешения проблем обмена) порождают трения, что могут быть ослаблены путем перестройки всех ограничений в обоих направлениях, и тогда будет достигнуто новое равновесие, значительно менее революционное, чем риторика перемен» [16, с. 10]. В этом отношении процесс эволюции отечественного политического лидерства, осознающего, что оно «является властью, осуществляемой «сверху вниз» [2, с. 5], пример его неразрывной связи с феноменом власти.

Она выражается в том, что структура этого лидерства не только шире иных его форм, создает определенный образ власти и общественного устройства, системы знаний и правил в нем, но и, будучи сосредоточением ценностей, установок, необходимых для внутреннего согласования интересов и самоорганизации, есть специфический тип отношения между субъектом и объектом, соответствующий ему род (качество) власти, проявляющих себя через деятельность персон и группы, находящихся на вершине социальной иерархии (Т. Боттомор) [26, р. 7], готовых к удержанию своих доминирующих позиций в обществе. В чем сила лидерства и одновременно его проблема.

В новейшей истории эта специфика наблюдается с момента возникновения связи, когда власть делегируется объектом субъекту отношения добровольно, а объект, реализуя в идеале право отбора и выбора выразителя/представителя своего интереса, закрепляет тем самым его статус и полномочия. В этом смысле политическое лидерство не только институт власти, детерминируемый отношениями ответственности перед электоратом (населением) за сделанный им выбор социального порядка. По Т. Парсонсу – один из основополагающих институтов политической системы, но и персонально деятельностное начало власти, реализующее себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое (властное) первенство [10, с. 11].

Первичное и несущее этого начала – личность лидера. Уже в Древнем Риме слово «*persona*» служило для обозначения специальной маски, используемой актером античного театра. С одной стороны, эта маска помогала ему: оборудованная специальным раструбом,

она усиливала звук голоса и доносила его до аудитории. С другой стороны, она скрывала лицо актера под личиной персонажа. Поучительно, что этимология слова *persona* (*per* – через, *sonus* – звук) отчетливо указывает и на атрибутивную, и двойственную (способствование – препятствование) природу личности.

Сущность индивидуального политического лидерства «триедина», что проявляет себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций, что позволяет сформулировать проблему выработки критериев зрелости (интегрированности) деятельности политических руководителей на основе оценки их личностной самостоятельности, статусного положения и доминирующих типов ценностно-смысловых ориентаций. Однако многое осталось за скобками. Неверное представление «не каждый человек – личность» рождало в древности героическое видение царей и полководцев, позже – сакрализацию монархов и вождей, что при отсутствии реальных правовых рычагов контроля деятельности генсеков и президентов до сих пор сохраняет за вождизмом право считаться сущностью персонифицированной власти, служит оправданию манипулятивных практик в современной политике. Из-за непрофессионализма отдельных членов организации, так или иначе отождествляемой с потенциальным лидером, системы демонстрируют признаки нестабильности при реализации тех или иных политик. Уже в этом контексте выработка адекватной концепции персонификации – путь интеллектуальной борьбы и взаимосвязи различных парадигм – с учетом превалирующего значения культуры и коммуникативных концепций.

Персонификация (от лат. *persona* «лицо», *facio* «делаю») – это персонализация с обратным знаком общения. Ее отличие – стремление человека быть самим собой, в соотношении с деятельностью. В персонификации происходит рост индивидуации человека, связи личности с самостью, высокими идеалами, Богом (К. Юнг), ослабление противостояния персоны и тени в личности человека, отказ от личностных фасадов. Протекающий по восходящей процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, увеличивает степень позитивности, эмпатичности и конгруэнтности человека (К. Роджерс). Коммуникативные процессы объясняют существование как персонализующего, так и персонифицирующего общения в социуме.

Персонализирующее общение, свойственное социальной структуре прежних обществ, уводит эмпирическую личность от оптимума ее полноценного функционирования. Персонализация как более органичный и интегративный процесс ближе современности. Его можно и нужно анализировать с позиций социологии. Там, где обыденное, ненаучное знание видит причины, политологи и социологи усматривают следствия, свидетельствующие о социальных сдвигах, процессах и тенденциях. «Наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой всего лишь частный случай более сложной антропологической реальности, а именно того, что человек есть живое существо, причем единственное, обитающее в искусственной среде» [13, с. 21]. Лидеры – не исключение, но для того, чтобы определиться с их новой политической миссией, в рамках которой лидерство и предстает персонализированной совокупностью социальных ролей, необходимо хотя бы обозначить главный нерв эпохи. Им является общемировой политический тренд – изменение роли государства и всех иных политических институтов, трансформации их сущности и форм, которые меняют не только структуру политического рынка, но и его эффективность в ответах на вызовы современности. Число реально противодействующих вызовам равно числу тех, «кто на законных основаниях осуществляет политическую власть» [18, с. 167].

Это лидерская группа. Те же, кто в нее не входят, противоборствуя между собой, используют в информационно-коммуникативном пространстве, по сути, одинаковые методы, понятия, техники. С той лишь разницей, что «на Западе» – «демократический метод – это такое институциональное устройство, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей», утверждал Шумпетер в 1942 г. [24, с. 524]. Он также говорил, что лидерство есть нечто значительно большее, чем личные качества человека, так же как функционирование и достижения этого метода в реальности гораздо важнее исполнения *общей воли*. Именно через раскрытие феномена лидерства можно прояснить то, откуда возникает идеология, что потом «возводится в ранг воли народа – не вытекает из их инициативы, но формируется... и это важнейшая часть демократического процесса» [24, с. 346].

В качестве теоретического подхода к феномену лидерства все шире используется синтез конструктивизма и инструментализма. Первый понимает лидерство как социальный конструкт, вынуждая аналитика не забывать об идейно-ценностной составляющей (П. Бергер, Т. Лукман, Ф. Барт, Б. Андерсон, П. Бурдьё, И. Гофман). Инструментализм позволяет в процессе социального конструирования выделять заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии (Э. Хобсбаум, Т. Рейнджер, Р. Уортман). Потенциал публичного лидерства здесь видится в качестве одного из ключевых ресурсов устойчивого развития общественно-политической жизни. Данный подход проработан и апробирован на российском материале.

В российской гуманитарной науке феномен персонализации в политике «предали гласности» еще в 1989 г., в нашумевшем тогда сборнике статей «Тоталитаризм как исторический феномен» [21]. В начале 1990-х гг. эта тема уже в разных форматах была заявлена в публикациях В.В. Ильина, Ю.А. Левады, А.С. Панарина, В.П. Пугачева, А.С. Соловьева, А.Б. Орлова, Е.Б. Шестопаля и других [7].

Разбор тенденций современного политического лидерства предполагает анализ системы условий и правил, их изменений, в соответствии с которыми происходит выдвижение, функционирование лидера в структурах власти и осуществление им своих полномочий. Посредством их слияния с индивидуальными качествами лидера осуществляется персонализация власти, лидерства [8, с. 113] – тенденция, воспроизводящаяся при определенных обстоятельствах и потому нуждающаяся в постоянной рефлексии. В массовом сознании «персонализация» воспринимается с момента взятия лидером какой-либо определяющей властной позиции (мэра, губернатора), ассоциации с ней возможностей достижения и трансляции узнаваемости «себя в мире». Однако это не персонализация, а персонализация, создаваемая ограниченностью индивидуума от других, обретением особой оболочки, что обозначает его как персону или маску. С ней он может долго жить и действовать, пока – в силу разных причин – он сам либо кто-то иной не догадается ее снять или «сорвать».

Когда же лидер сам (пусть исподволь) сдвигает маску по горизонтали или утончает роль персоны по вертикали – это некий старт персонализации, что в социальном контексте, как умно подметил О. Уайльд, означает: «Будь са-

мим собой. Прочие роли уже заняты». Сама постановка вопроса переводит проблематику лидерства, а шире элитизма, в плоскость исторической динамики и влечет за собой ряд новых вопросов. Один из них неоднократно ставила политология: может ли внутренняя эволюция сама по себе вывести лидерство или элиту к нормальному состоянию, сопоставимому с нуждами общества?

Современные теории лидерства все теснее связаны с феноменом медиатизации политики, где персонификация власти, сопряженная с уровнями восприятия и общественного мнения, влияет на политическое поведение социальных групп в соответствии со своими пределами. Персонификация сегодня невозможна без опоры на СМИ, Интернет, и, как следствие, на весь коммуникативный процесс. В частности именно поставляемый СМИ материал о месте и роли лидеров в стране создает субстанцию их образа, а потом и имиджа, получающего поддержку зрителей (избирателей). Такой алгоритм С. Пшизова считает российской спецификой.

Персонификация лидерства, имея своим источником многоликость власти, не исключает воздействия на ее формирование иных (в т.ч. негативных) форм власти и институтов, с учетом их цивилизационного контекста в закреплении власти. Как тенденция она «живуча», чередуя в основании то потребности субъекта власти в образе, отображающем связи ведущего и ведомых, то объективные вызовы организованных систем. В первом случае, выступая от имени группы (элиты), лидер осуществляет ее представительство (реальное или символическое) во взаимодействии с другими особыми группами, в том числе религиозного типа. Образ лидера при стечении обстоятельств становится элементом создания групповой идентичности. «Важнейший аспект ее оформления – персонификация в каком-либо личностном образе» [6, с. 75]. Во втором случае, к ним относится потребность в самоорганизации, упорядочении действия (поведения) иных элементов системы в целях обеспечения ее стабильности.

По мере усиления потребности системы и самих людей в сложно организованных коллективных действиях, их осознания в форме коллективных целей (идеологии), спецификация функций лидера и его структурное, институциональное обособление повышается. Субъективные аспекты такого выделения наглядны в переходных ситуациях (мандат на «чрезвычайное управление», конфликт «групп интересов»

и т.д.), когда сосредоточением исторического виража выступают индивидуальные способности, готовность человека к возложению и выполнению роли лидера, а также признание за ним права на руководство со стороны группы, организации, общества.

«Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [15, с. 33]. Концентрация власти в их руках нередко приводит к случаю, когда персонификация лидерства подменяется его персонализацией (вплоть до «культы личности») в условиях тоталитарного режима.

Институционализация лидерских позиций находит отражение в понятии «формального лидерства». Отмеченное рационализацией властных отношений, оно представляет собой приоритетное влияние некоего лица (группы) на членов организации, закреплённое в ее нормах/правилах и основывающееся на положении в общественной иерархии, месте в ролевых структурах. Однако, т.к. достижение этого полнокровный, системный процесс, связан он не только с профессионализацией, но и с персонификацией, в зависимости от времени и социокультурного контекста в цикличности политического развития «оборачивающейся» еще и деперсонификацией. На практике – это различные феномены, знаковые для политического процесса. Деперсонификация (с развенчанием мифов прежних вождей и их клиентелл) – примета переустройства России 1990-х гг. Персонификация в многообразии проявлений – черта политической жизни современной РФ.

Сегодня идет размывание прежних идеологий, партии превращаются в модель «catchallparty» с размытой социальной базой и еще менее четким идеологическим базисом. Изменяются и факторы, влияющие на электоральное поведение: избиратели принимают решения, основываясь не на рациональном обдумывании программы кандидата или партии, а на личной симпатии к человеку, выдвинувшему свою кандидатуру на выборах. В этой связи и появился термин «персонификация политики»: избиратель оценивает политического лидера не столько по конкретным решениям, сколько по личным характеристикам, испытывая симпатию или антипатию к его персональным ка-

чествам [12, с. 82]. Дж. Маццолини выдвигает тезис о том, что во многих демократических странах «персонафицированное лидерство» – главная черта современного политического процесса, именно оно влияет на политическое поведение людей [27, р. 17-20] в связи с изменениями институциональной среды политики, структурных компонентов лидерства, обусловленных культурой.

Сегодня, когда новый запрос на лидерство исходит со стороны Президента РФ и проявляется в линиях на омоложение корпуса публичных политиков, в интересе к личностям, которые могут принести новые идеи и сплотить региональные элиты [5, с. 6], персоналистский идентификатор¹ ясен и понятен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Когнитивные основания синергетики // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 65-108.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу / Пер. с англ. Г.М. Квашнина. М.: РАУ, 1992.
3. Беспалов Д.Н., Казаков М.А. Информационная война и обеспечение безопасности // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 6. С. 82-87.
4. Дахин А.В., Казаков М.А., Макарычев А.С., Семенов Е.Е., Стрелков Д.Г., Распопов Н.П. Перспективы стратегии публичной политики губернатора Нижегородской области: аналитические оценки, общественное мнение, тенденции. Аналитический доклад. Нижний Новгород: НИЦ СЭНЭКС, НИЦ «ЭОН», 2010.
5. Дахин А.В. Сценарии региональной модернизации в современной России: Практикум когнитивного моделирования. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014.
6. Евгеньева Т.В. Технологии социально-политических манипуляций. М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2010.
7. Ильин В.В., Панарин А.С., Бадковский Д.В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ, 1995.
8. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб: Питер, 2009.

9. Казаков М.А. Институционализация региональных политических элит в процессе реализации национальных интересов России: обобщение некоторых выводов исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 1. С. 146-150.

10. Казаков М.А. Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 1993.

11. Казаков М.А. Региональные элиты в политическом процессе России. Нижний Новгород: НГТУ, 2004.

12. Касамара В.А., Сорокина А.А. Персонафицированное лидерство: политические лидеры глазами российских и французских студентов // Общественные науки и современность. 2012. № 4. С. 81-94.

13. Кола Д. Политическая социология / Пер. с фр., предисл. А.Б. Гофмана. М.: Изд-во «Весь мир», «ИНФРА», 2001.

14. Никонов В.А. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015.

15. Норт Д. Институты, институциональные начала и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

16. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1999. № 3. С. 5-15.

17. Пугачев В.П. Управление свободой. М.: Изд-во Комкнига, 2005.

18. Пшизова С.Н. Спин-контроль в системе политических коммуникаций // Российские властные институты и элиты в трансформации: Материалы восьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Отв. ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2011.

19. Савельев Ю.Б. Критерии модернизации в 21 веке: эмансипационные ценности и социальное включение // Гуманитарии в XXI веке. В 2-х т. Т. 1. Нижний Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013.

20. Соловьев А.И. Медиакратия // Политология. Лексикон. М.: РОССПЭН, 2007.

21. Тоталитаризм как исторический феномен. М.: Философское общество СССР, 1989.

22. Урсу Н.С. Внутренний контур национальной безопасности // Национальная безопасность. 2012. № 1(18). С. 102-105.

23. Шепель В.М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Народное образование, 1999.

24. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995.

¹ Персоналистский идентификатор – структурный элемент исследуемой реальности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит личностный образ. В социально-политической сфере – это образ ключевого политического лидера.

25. Щербинина Н.Г. Мифо-героическое конструирование политической реальности России. М.: РОССПЭН, 2011.

26. Bottomore, T.B., 1976. Elites and society. Harmondsworth: Penguin Books.

27. Mazzoleni, G.A., 2000. A return to civic and political engagement prompted by personalized political leadership? Political Communication, no. 17, pp. 325-328.

REFERENCES

1. Arshinov, V.I. and Budanov, V.G., 2002. Kognitivnye osnovaniya sinergetiki [Cognitive basis of synergetics]. In: Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve. Moskva: Progress-Traditsiya, pp. 65-108. (in Russ.)

2. Blondel, J., 1992. Politicheskoe liderstvo: Put' k vseob'emlyushchemu analizu [Political leadership: towards a general analysis]. Moskva: RAU. (in Russ.)

3. Bepalov, D.N. and Kazakov, M.A., 2014. Informatsionnaya voyna i obespechenie bezopasnosti [Information war and security], Vestnik MGIMO-universiteta, no. 6, pp. 82-87. (in Russ.)

4. Dakhin, A.V, Kazakov M.A. et al., 2010. Perspektivy strategii publichnoy politiki gubernatora Nizhegorodskoy oblasti: analiticheskie otsenki, obshchestvennoe mnenie, tendentsii. Analiticheskiy doklad [Prospects for the strategy of public policy of the Governor of the Nizhny Novgorod region: analytical assessments, public opinion, trends. Analytical report]. Nizhny Novgorod: NITs SENEKS, NITs «EON». (in Russ.)

5. Dakhin, A.V., 2014. Stsenarii regional'noy modernizatsii v sovremennoy Rossii: Praktikum kognitivnogo modelirovaniya [Regional modernization scenarios in modern Russia: cognitive modeling workshop]. Nizhny Novgorod: NIU RANKhiGS. (in Russ.)

6. Evgen'eva, T.V., 2010. Tekhnologii sotsial'no-politicheskikh manipulyatsiy [Technology of socio-political manipulation]. Moskva: Natsional'nyy institut «Vysshaya shkola upravleniya». (in Russ.)

7. Il'in, V.V., Panarin, A.S. and Badovskiy, D.V., 1995. Politicheskaya antropologiya [Political anthropology]. Moskva: Izd-vo MGU. (in Russ.)

8. Isaev, B.A. and Baranov, N.A., 2009. Politicheskie otnosheniya i politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii [Political relations and political process in modern Russia]. Sankt-Peterburg: Piter. (in Russ.)

9. Kazakov, M.A., 2015. Institutsionalizatsiya regional'nykh politicheskikh elit v protsesse

realizatsii natsional'nykh interesov Rossii: obobshchenie nekotorykh vyvodov issledovaniya [Institutionalization of regional political elites in the process of realization of Russia's national interests: generalization of some research conclusions], Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta, Vol. 2, no. 1, pp. S. 146-150. (in Russ.)

10. Kazakov, M.A., 1993. Politicheskoe liderstvo: sovremennye problemy evolyutsii [Political leadership: modern problems of evolution], avtoreferat dissertatsii kandidata politicheskikh nauk. Moskva. (in Russ.)

11. Kazakov, M.A., 2004. Regional'nye elity v politicheskom protsesse Rossii [Regional elites in the political process of Russia]. Nizhny Novgorod: NGTU. (in Russ.)

12. Kasamara, V.A. and Sorokina, A.A., 2012. Personifitsirovannoe liderstvo: politicheskie lidery glazami rossiyskikh i frantsuzskikh studentov [Personalized leadership: political leaders through the eyes of Russian and French students], Obshchestvennye nauki i sovremennost', no. 4, pp. 81-94. (in Russ.)

13. Kola, D., 2001. Politicheskaya sotsiologiya [Political sociology]. Moskva: Izd-vo «Ves' mir», «INFRA». (in Russ.)

14. Nikonov, V.A., 2015. Sovremennyy mir i ego istoki [The modern world and its origins]. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (in Russ.)

15. Nort, D., 1997. Instituty, institutsional'nye nachala i funktsionirovanie ekonomiki [Institutions, institutional origins and the functioning of economy]. Moskva: Nachala. (in Russ.)

16. Nort, D., 1999. Institutsional'nye izmeneniya: ramki analiza [Institutional changes: the framework for analysis], Voprosy ekonomiki, no. 3, pp. 5-15. (in Russ.)

17. Pugachev, V.P., 2005. Upravlenie svobodoy [Managing freedom]. Moskva: Izd-vo Komkniga. (in Russ.)

18. Pshizova, S.N., 2011. Spin-kontrol' v sisteme politicheskikh kommunikatsiy [Spin control in the system of political communication]. In: Rossiyskie vlastnye instituty i elity v transformatsii: Materialy vos'mogo Vserossiyskogo seminarra «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiyskoy transformatsii». Sankt-Peterburg: Intersotsis. (in Russ.)

19. Savel'ev, Yu.B., 2013. Kriterii modernizatsii v 21 veke: emansipatsionnye tsennosti i sotsial'noe vklyuchenie [Criteria of modernization in the 21st century: emancipative values and social inclusion].

In: Gumanitarii v XXI veke. V 2-kh t. T. 1. Nizhniy Novgorod: Izd-vo NISOTs. (in Russ.)

20. Solov'ev, A.I., 2007. Mediakratiya [Mediacracy]. In: Politologiya. Leksikon. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

21. Totalitarizm kak istoricheskiy fenomen [Totalitarianism as a historical phenomenon]. Moskva: Filosofskoe obshchestvo SSSR, 1989. (in Russ.)

22. Ursu, N.S., 2012. Vnutrenniy kontur natsional'noy bezopasnosti [The inner circuit of the national security], Natsional'naya bezopasnost', no. 1(18), pp. 102-105. (in Russ.)

23. Shepel', V.M., 1999. Chelovekovedcheskaya kompetentnost' menedzhera. Upravlencheskaya antropologiya [Manager's competence in

humanities. Managerial anthropology.]. Moskva: Narodnoe obrazovanie. (in Russ.)

24. Shumpeter, Y., 1995. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [Capitalism, socialism and democracy]. Moskva: Ekonomika. (in Russ.)

25. Shcherbinina, N.G., 2011. Mifogeroicheskoe konstruirovaniye politicheskoy real'nosti Rossii [Mytho-heroic construction of political reality in Russia]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

26. Bottomore, T.B., 1976. Elites and society. Harmondsworth: Penguin Books.

27. Mazzoleni, G.A., 2000. A return to civic and political engagement prompted by personalized political leadership? Political Communication, no. 17, pp. 325-328.

А.С. Кошель*

СИСТЕМА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ РАБОТНИКОВ ВЕДУЩИХ ВУЗОВ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье рассматривается зарубежный опыт повышения квалификации работников высших учебных заведений как способ повышения международной конкурентоспособности ведущих вузов. Автор обосновывает возможность применения мирового опыта для повышения конкурентоспособности вузов Российской Федерации.

Ключевые слова: вуз, повышение квалификации, профессиональная компетентность, качество образования

Faculty development system in leading universities as a way to enhance international competitiveness: international experience. ALEXEY S. KOSHEL (Far Eastern Federal University)

The article examines the foreign experience of faculty development in higher education institutions as a way to enhance international competitiveness of leading universities. The author substantiates the possibility of applying global experience to improve the competitiveness of Russian universities.

Keywords: higher education institution, faculty development, professional competence, quality of education

Интеграция российских вузов в мировое образовательное сообщество заставляет обратить внимание на опыт зарубежных образовательных центров по повышению квалификации своих работников. В решении обозначенной проблемы зарубежные страны, признавая важнейшую роль высшего образования в обеспечении социально-экономического развития общества, придают первостепенное значение подготовке кадров для высшей школы, включая постоянное повышение уровня их профессиональной компетентности.

В большинстве зарубежных вузов повышение профессиональной квалификации учитывается как положительный фактор при заключе-

нии контракта и принятии на должность после испытательного срока, перезаключении контракта и продлении срока пребывания в должности, переаттестации на квалификационный разряд (regrading) и повышении в должности, а также при периодических оценках сотрудников (staff review). При этом зарубежные вузы посредством целенаправленной политики поощряют сотрудников к всестороннему развитию профессиональных навыков и непрерывному поиску возможностей дополнительного профессионального развития.

Во многих зарубежных вузах функционирует система предоставления сотрудникам рекомендаций по выбору направлений и курсов

* КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич, кандидат политических наук, доцент Департамента социальных и психологических наук Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: koshel.as@dvfu.ru

© Кошель А.С., 2017

повышения квалификации и профессионального развития, основанных или на потребностях самих сотрудников, или на навыках и знаниях, которые необходимы сотруднику для эффективной работы. Информация, на основе которой составляются рекомендации в области повышения квалификации для различных категорий сотрудников, получается путем анализа данных, собираемых в ходе регулярно проводимых оценок персонала, а так же на основании консультаций сотрудника со своим руководителем и обеспечивающим деятельность сотрудника работником управления человеческих ресурсов вуза.

Повышением квалификации сотрудников университета обычно занимается специальное подразделение (такое, как Оксфордский Институт Обучения (The Oxford Learning Institute) или Отдел обучения и развития Управления человеческих ресурсов (HR's Learning & Development) в Принстонского университета). Как правило, такое подразделение находится в ведении управления человеческих ресурсов университета либо работает в тесном контакте с ним. В некоторых вузах подразделение повышения квалификации сотрудников работает с факультетами, департаментами или группами, предоставляя им специализированные курсы, ориентированные на конкретные потребности.

Сотрудникам зарубежных вузов могут быть предоставлены оплачиваемые отпуска для прохождения повышения квалификации и профессионального развития. Например, в Берлинском университете все сотрудники имеют право получения такого отпуска сроком на 10 дней каждые 2 года. В Йельском университете руководитель может предоставить сотруднику оплачиваемые отгулы для посещения курсов или семинаров повышения квалификации, при условии, что они связаны с его нынешней работой или работой, которую он стремится получить в будущем.

Большинство курсов и семинаров, организуемых подразделениями вузов, отвечающими за повышение квалификации, обычно бесплатны для сотрудников. Продолжительность такого рода занятий может варьироваться – от одного часа до шести-семи полных дней. Большая часть мероприятий повышения квалификации – семинары, рабочие группы или тренинги длительностью в несколько часов или один-два дня. Более длительных курсов немного, и они в основном направлены на профессорско-преподавательский состав с опытом работы.

К последним относится, например, курс «Диплом послевузовского образования по обучению и преподаванию в высшем образовании» (Postgraduate Diploma in Learning and Teaching in Higher Education) в Оксфорде – годовой курс для опытных академических преподавателей (опыт работы не менее трех лет).

Форма предлагаемых курсов различается: помимо традиционных и онлайн-курсов, предлагаются также смешанные курсы (blended), которые сочетают оба варианта.

Целевая аудитория курсов и семинаров разнообразна: существуют курсы, открытые для всех категорий сотрудников, и курсы, ориентированные на конкретную группу – педагогический, административно-управленческий, научно-исследовательский и вспомогательный персонал, а также курсы для новых сотрудников.

Курсы, предлагаемые всем категориям сотрудников, дают знания и навыки, которое нужны для эффективной работы в любой области: межличностные и письменные коммуникации, развитие языковых навыков, деловое письмо, навыки презентации и самопрезентации; мотивация и доверие; управление проектами, управление временем, управление конфликтами; повышение эффективности работы, работа в команде; личностное развитие.

Для профессорско-преподавательского состава предлагаются курсы, ориентированные на развитие навыков преподавания и педагогического мастерства (курсы лекторского мастерства и дидактики, подготовка к проведению экзаменов; развитие голосовых навыков и навыков представления, навыки презентации; особенности обучения студентов с трудностями обучения, например, дислексией, инвалидностью по зрению, слуху и т.п.), навыков руководства и контроля (работа в малых группах, руководство студентами и магистрантами), навыков создания курсов, административных навыков в академической среде. Помимо этого, есть курсы, ориентирующие преподавателей на дальнейшее развитие карьеры.

В качестве примера комплексного подхода к повышению квалификации различных категорий сотрудников вуза можно привести программы повышения квалификации для преподавателей, реализуемые Оксфордским институтом обучения Оксфордского университета. Для исследователей – аспирантов и докторантов – предлагается программа «Подготовка к обучению и преподаванию в Оксфорде», для начинающих преподавателей – «Развивающее

обучение и преподавание» (Developing learning and teaching), для недавно назначенных академических преподавателей, исследователей-докторантов с опытом преподавания – «Подготовка образовательного сообщества» (Teaching fellowship preparation). Наиболее длительным является годичный курс для академических преподавателей с опытом работы не менее трех лет, заканчивающийся получением диплома послевузовского образования по обучению и преподаванию в сфере высшего образования.

Для административно-управленческого персонала предлагаются курсы по развитию лидерских и организационных способностей, созданию команды и управлению ею, управлению производительностью, работе с клиентами, стратегическому планированию, управлению проектами, изменениями, риск-менеджменту, правовым аспектам руководства и управления университетскими процессами и т.д. Эти курсы часто рекомендуются не только административно-управленческому персоналу, но и вообще всем сотрудникам, в том числе научно-педагогическим, которые выполняют какие-либо административные обязанности. В качестве примера можно привести программу развития управленческих навыков (Management Development Certificate Program) Принстонского университета, которая рассчитана на три года и включает пять обязательных курсов и три курса по выбору.

Еще одним интересным примером является серия программ по развитию лидерских навыков в Гарварде. В нее входят программы, ориентированные на управленцев и администраторов различных уровней, в том числе высшего звена, они также предназначены для всех сотрудников, которые контролируют по крайней мере одного постоянного сотрудника, и некоторых категорий административно-вспомогательного персонала. Программы используют оценочные инструменты, упражнения в больших и малых группах и тематические исследования для развития лидерских навыков участников, получения полного представления о своих сильных сторонах как лидера и потребностях развития, обучения навыкам влияния на работу подчиненных и повышения ее эффективности.

Курсы для научно-исследовательского персонала посвящены, в основном, развитию навыков исследовательской работы, подготовки, написания и публикации научных работ, вопросам получения финансирования для исследований и управления полученными финансами, по-

лучению ученой степени (PhD) и дальнейшему развитию карьеры.

Есть также курсы или семинары, ориентированные на сотрудников, выполняющих определенные функциональные обязанности, например, для членов приемной комиссии или сотрудников, занимающихся периодически проходящей оценкой персонала.

Сотрудникам зарубежных вузов также доступно повышение квалификации по иностранному и английскому языку (в том числе для иностранцев) и в области информационных технологий. Эти курсы могут предлагаться как подразделением, ответственным за повышение квалификации сотрудников университета, так и непосредственно самими языковыми и компьютерными подразделениями.

В отдельную категорию курсов можно выделить социально-ориентированные курсы, которые, прежде всего, рекомендуются для новых работников вузов, но не ограничиваются ими. Сюда относятся курсы и семинары по вопросам здоровья и безопасности, подготовки к уходу на пенсию, по проблемам равных возможностей (прежде всего, по проблеме сексуальных домогательств), по вопросам равенства и разнообразия, обучающие особенностям работы в этнически, культурно, религиозно и пр. разнообразной среде.

Помимо этого, обычно в вузах также существует программа развития карьеры, которая предлагает сотрудникам консультирование по вопросам карьерных возможностей, направлений и дальнейших шагов развития карьеры и т.п., тренировочные занятия с наставником, а также некоторые курсы, дающие полезные для этого навыки (например, «Написание резюме и сопроводительных писем», «Подготовка к интервью» и т.п.).

Большая часть курсов и программ других подразделений университета помимо курсов отдела повышения квалификации сотрудников являются для сотрудников платными. Во многих университетах существуют программы образовательных грантов или образовательной поддержки, которая покрывает часть стоимости оплаты обучения (в разных университетах от 50% до 85%) по подходящим программам. Сюда относятся программы получения какой-либо степени, сертифицированные программы, а также отдельные курсы, не относящиеся к получению степени. В большинстве случаев, чтобы получить финансирование, курсы, выбранные сотрудником, должны быть связаны с его ра-

ботой, но, например, в Гарварде цели личностного развития также могут быть достаточным основанием для получения гранта. В некоторых вузах, например, в Йельском университете, подобная программа распространяется также на курсы и программы других образовательных учреждений (Программа возмещения платы за обучение на курсах и программах вне Йельского университета, Tuition Reimbursement Program for Non-Yale Courses and Programs).

У сотрудников также существует возможность повышения квалификации в качестве вольнослушателей любых курсов, обычно при условии получения разрешения лектора и если это не мешает их работе. В Принстоне подобная форма повышения квалификации платная, хотя сертифицированные преподаватели могут получить письменный сертификат о прослушанных курсах. Помимо этого, сотрудники могут пройти повышение квалификации в других образовательных учреждениях, связанных с Университетом.

Наконец, во многих университетах существуют онлайн-ресурсы, которые предоставляют сотрудникам возможность обучения на курсах через Интернет (например, lyndaCampus в Гарварде, который содержит 2000 видео-уроков на различные темы, или бесплатные онлайн-курсы, дающие доступ к курсам Йельского колледжа).

Хотя она и не ориентирована непосредственно на сотрудников Принстона, следует отметить программу повышения квалификации Принстонского университета для преподавателей «Программа стипендий в середине карьеры» (Mid-Career Fellowship Program). Данная программа создана в результате соглашения между Принстонским университетом и рядом общественных колледжей штата Нью-Джерси и позволяет профессорско-преподавательскому и административному персоналу учреждений-участников пройти расширенное обучение по своим дисциплинам и принять участие в специально разработанной программе профессионального развития. Слушатели программы развивают понимание преподаваемых ими предметов, консультируются у выдающихся ученых в разных областях, обмениваются опытом с преподавателями других колледжей.

Программа включает:

- Посещение курсов – слушатели посещают один или два курса по своей или родственной дисциплине в течение академического года с получением оценки или зачета. Также по желанию они могут

неформально (без оценки) посещать любые дополнительные курсы, одобренные инструктором.

- Семинар стипендиатов – в дополнение к прослушиванию курсов все слушатели участвуют в годовом семинаре (примерно два раза в неделю), где рассматриваются вопросы преподавания и проблемы современного образования. Акцент ставится на практическом применении педагогических идей и решении конкретных повседневных проблем. На семинаре слушатели обсуждают написание работ на темы по своему выбору, которые они сдают в конце обучения.

Подводя итог можно сказать, что в зарубежных вузах создана эффективная система непрерывного образования работников, направленная на решение задач повышения конкурентоспособности самих университетов на рынке образовательных услуг. Эта система построена на следующих базовых принципах: формирование эффективных механизмов непрерывного образования и совершенствования на протяжении всего периода профессиональной деятельности сотрудника; опережающий характер повышения квалификации с учетом перспектив развития образовательной отрасли; гармоничного сочетания различных форм повышения квалификации, дающих возможность в наибольшей степени учитывать индивидуальные интересы и потребности работников вузов; дифференциация содержания повышения квалификации с учетом стажа работы, уровня подготовки, типа образовательных учреждений, в которых они заняты, и современной социокультурной обстановки.

Использование позитивного опыта зарубежных вузов может весьма существенно повысить международную конкурентоспособность и многих российских университетов, которые претендуют на высокие позиции в рейтингах международной конкурентоспособности вузов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аниканова Н.А. Институт образования в ориентирах качественной подготовки специалистов. Новочеркасск, 2006.
2. Барабанова С.В., Лефтерова О.И. О роли государства и права в инженерном образовании // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 16. С. 28-31.
3. Вяземский Е.Е. Современная система образования в Великобритании // Проблемы современного образования. 2010. № 6. С. 68-84.

4. Дюжакова М.В. Педагогическое образование в условиях развития миграционных процессов. Воронеж, 2010.

5. Заир-бек Е.С. Анализ европейских моделей повышения квалификации учителей как источник развития непрерывного педагогического образования в педагогическом университете // *Universum: Вестник Герценовского университета*. 2011. №9. С. 36-45.

6. Козлова Е.В., Ирхина И.В. Особенности повышения квалификации научно-педагогических кадров вузов в Великобритании: исторический и политический аспекты // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2012. №18. С. 164-167.

7. Павленко В.В. Система подготовки ученых в России и за рубежом // *Интернет-журнал «Эйдос» [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2008/1016.htm>

8. Borchard, C., 2002. Hochschuldidaktische Weiterbildung - Akzeptanz und Wirkung : eine Analyse am Beispiel des Bausteinprogramms WindH - Weiterbildung in der Hochschullehre, seiner Konzeption und Evaluation. Hamburg: Lit.

9. Hutmacher, W., 1997. Key competencies for Europe. Report of the Symposium (Berne, Switzerland, March 27-30, 1996). A secondary education for Europe project. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407717.pdf>

REFERENCES

1. Anikanova, N.A., 2006. Institut obrazovaniya v orientirakh kachestvennoy podgotovki spetsialistov [Education in the context of quality training goals]. Novocherkassk. (in Russ.)

2. Barabanova, S.V. and Lefterova, O.I., 2013. O roli gosudarstva i prava v inzhenernom obrazovanii [On the role of the state and law in engineering education], *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, Vol. 16, no. 16, pp. 28-31. (in Russ.)

3. Vyazemskiy, E.E., 2010. Sovremennaya sistema obrazovaniya v Velikobritanii [Modern

education system in the UK], *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, no. 6, pp. 68-84. (in Russ.)

4. Dyuzhakova, M.V., 2010. Pedagogicheskoe obrazovanie v usloviyakh razvitiya migratsionnykh protsessov [Pedagogical education in the context of developing migration processes]. *Voronezh*. (in Russ.)

5. Zair-bek, E.S., 2011. Analiz evropeyskikh modeley povysheniya kvalifikatsii uchiteley kak istochnik razvitiya nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya v pedagogicheskom universitete [Analysis of European models of teacher development as a source of development of continuous pedagogical education in a pedagogical university], *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, no. 9, pp. 36-45. (in Russ.)

6. Kozlova, E.V. and Irkhina, I.V., 2012. Osobennosti povysheniya kvalifikatsii nauchno-pedagogicheskikh kadrov vuzov v Velikobritanii: istoricheskiy i politicheskiy aspekty [The features of faculty development in the UK: historical and political aspects], *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 18, pp. 164-167. (in Russ.)

7. Pavlenko, V.V. Sistema podgotovki uchenykh v Rossii i za rubezhom [Scientific training in Russia and abroad]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2008/1016.htm> (in Russ.)

8. Borchard, C., 2002. Hochschuldidaktische Weiterbildung - Akzeptanz und Wirkung: eine Analyse am Beispiel des Bausteinprogramms WindH - Weiterbildung in der Hochschullehre, seiner Konzeption und Evaluation [Distant learning in university – acceptance and effect: the case of the block program WindH – continuing education in university, its conception and evaluation]. Hamburg: Lit. (in German)

9. Hutmacher, W., 1997. Key competencies for Europe. Report of the Symposium (Berne, Switzerland, March 27-30, 1996). A secondary education for Europe project. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/ED407717.pdf>

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СУДЬБЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

УДК 93/94

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74

Н.А. Троицкая*

КОМИССАР ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДОКУМЕНТАМИ

Статья содержит обзор документов фонда комиссара Временного правительства по делам Дальнего Востока, хранящегося в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (г. Владивосток). Доступ к документам фонда был длительное время ограничен, что препятствовало их использованию в исследованиях. Сохранившаяся деловая переписка представителя Временного правительства с центром и местными органами власти позволила восстановить ход революционных преобразований 1917 г. в отдаленном регионе Российской империи, а также определить реальные права и возможности комиссара, как организатора работы по созданию нового аппарата управления территорией. На основе анализа содержания документов пересматривается оценка личности и роли комиссара А.Н. Русанова.

Ключевые слова: архивные документы, Дальний Восток, революция 1917 г., Временное правительство, комиссар, А.Н. Русанов

The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: reflections on the archival documents. NATALIA A. TROITSKAYA (Russian State Historical Archives of the Far East)

The article presents an overview of the archival documents from the funds of the Provisional Government's Commissar in the Russian Far East (Russian State Historical Archives of the Far East, Vladivostok), the access to which had long been restricted for researchers. The business correspondence of A.N. Rusanov with the center and local authorities made it possible to outline the rights and possibilities of the commissar and to reconstruct the course of the revolutionary reforms of 1917 in a remote region of the Russian Empire. Based on the analysis of the archival documents, the author revises the evaluation of Rusanov's personality and his role in the revolutionary events.

Keywords: archival documents, Russian Far East, Revolution of 1917, Provisional Government, commissar, A.N. Rusanov

История революции 1917 г. и установления Советской власти на Дальнем Востоке – традиционная тема в советской региональной историографии, проработанная школой, созданной академиком А.И. Крушановым [13]. В то же время история первой половины 1917 года оста-

---

* ТРОИЦКАЯ Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.

E-mail: rgiadv@vladivostok.ru

© Троицкая Н.А., 2017

валась в рамках историко-партийного шаблона: скупые факты местной жизни лишь иллюстрировали отдельные положения.

Глобальные изменения, произошедшие в стране за последнюю четверть века, позволяют освободиться от стереотипов и схематизма, без политического давления взглянуть на реальные факты и попытаться глубже понять прошлое. Необходимость пересмотра подходов к изучению революции была озвучена в 1997 г. на научной конференции в пленарном докладе доктора исторических наук, профессора Дальневосточного государственного университета Э.В. Ермаковой, которая отметила односторонность подхода к истории Февральской революции и бедность введенной в научный оборот источниковой базы, главным образом, материалов периодической печати [5, с. 116]. Участники конференции признали необходимым пересмотреть трактовки некоторых событий и явлений. Быстрым ответом на этот вызов стала монография Т.Я. Иконниковой, посвященная событиям на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны, включая 1917 – начало 1918 гг. Отдельная глава книги посвящена политическим событиям 1917 – начала 1918 гг. в центре страны и отношению к ним в Приамурском крае [8, с. 315-324].

За прошедшие годы наметилась тенденция к появлению интересных работ дальневосточных историков, посвященных сложнейшему периоду отечественной истории. Однако развернувшаяся юбилейная кампания показала, что в обществе по-прежнему отсутствует представление о реальных событиях, о том, чем и как жили примерно миллион наших соотечественников на далекой приграничной территории. Анализ учетных документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ) показывает слабое проявление интереса к выявлению источников, что лишает надежды на скорое появление объективных, политически не ангажированных исследований. Убежденность во всемогуществе Интернета в данном случае ошибочна, если не сказать вредна. Необходима кропотливая работа по сбору и анализу фактического материала из источников разных видов и происхождения. Завершение эпопеи по перемещению крупнейшего хранилища документов по истории Дальнего Востока в г. Владивосток дает возможность еще раз взглянуть на события столетней давности «глазами» управленческих структур и, возможно, найти ответы на некоторые волнующие нас сегодня вопросы.

Наряду с другими, в РГИА ДВ сохранился фонд «Комиссара Временного Правительства по делам Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644.). Учитывая стремительность развития революционных событий, в нем главным образом представлена телеграфная переписка. Сложная история формирования фонда и ограничение доступа к нему до конца 1980-х гг. препятствовали работе исследователей. В настоящее время документы фонда позволяют увидеть повседневную деятельность комиссара, понять его функции, оценить роль и возможности в управлении регионом. В этом и состоит цель данной работы, актуальность темы которой подтверждает публикация статьи исследователя П.Н. Гордеева в одном из последних номеров ведущего исторического журнала России [3].

Как известно, 2 марта 1917 г.¹ управление страной взяло на себя Временное правительство. До созыва Учредительного собрания, которому предстояло избрать новую демократическую власть на основах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, российской государственности требовались определенная система органов управления на местах и люди, способные взять на себя руководящие функции. Как писала в марте 1917 г. газета «Известия», «нужны органы власти, которые были бы готовы пойти навстречу новым условиям жизни». И они появились в результате народной, в широком смысле слова, инициативы. Организованная общественность на местах, не дожидаясь распоряжений из центра, создавала советы, всевозможные комитеты безопасности, профессиональные союзы, нацеленные, прежде всего, на сохранение порядка [21, с. 336-341]. В то же время на местах продолжали действовать ведомственные структуры имперского периода (казенные и акцизные палаты, горное, водное управления, государственных имуществ и т.п.). Наблюдать за этой деятельностью и направлять ее должны были специальные ставленники Временного правительства – комиссары. Товарищ министра внутренних дел С.М. Леонтьев назвал их «органами надзора за законностью действий местного самоуправления» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 251).

Комиссары должны были оперативно информировать центр о положении дел на местах, способствовать предотвращению беспорядков, анархии, сохранению безопасности, а также регулировать деятельность стихийно возникавших общественных органов самоуправления и

¹ В статье все даты 1917 г. даны по старому стилю

сохранившихся управленческих структур. В целом, суть их функций лучше всего может быть обозначена термином «попечительство» или надзор и обеспечение «правильного партийного курса».

Естественно, что власти необходимы были опытные и авторитетные кадры. Дальний Восток, как и любой другой регион, предъявлял свои требования к носителям власти: полномочия власти в этом крае должны быть велики, а осведомленность как можно шире. Выбор пал на члена IV-й Государственной Думы Александра Николаевича Русанова. В начале марта он был назначен комиссаром Временного правительства по делам Дальнего Востока. В литературе встречаются две даты назначения: 8 и 9 марта 1917 г., связываемые с учреждением Временным правительством Комитета по управлению Сибирью [9, с. 318]. Однако, судя по поздравительной телеграмме из Николаевска на Амуре от 6 марта, назначение состоялось несколько раньше (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 14-15). Позднее, в одной из депеш в министерство внутренних дел, Русанов писал: «В начале марта, на совещании сибирских депутатов, сибирских комиссаров под председательством Щепкина мне даны полномочия «по выяснению всех вопросов, связанных с настоящим положением края и принятию необходимых, в зависимости от местных условий, мер для устройства управления на новых началах» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 348-349). Так определил функции дальневосточного правительственного комиссара непосредственно министр – председатель князь Г.Е. Львов. Главной же задачей посланника Временного правительства было обеспечение в регионе порядка и спокойствия. К месту назначения в г. Хабаровск комиссар добирался по КВЖД более 10 дней. О дате прибытия – 25 марта – сам Русанов сообщил телеграммой в министерство внутренних дел (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 24. Л. 20). По пути следования посланник правительства выступал на стихийных митингах на станциях, из-за чего чуть не лишился голоса. Говорить учитель-депутат А.Н. Русанов умел, не случайно современники называли его «Керенским в дальневосточном масштабе» [2, с. 33]. Правда, возникает вопрос, насколько хорошо жители края знали в то время Александра Федоровича, чтобы сделать такое сравнение? В дороге правительственный комиссар получал телеграммы от дальневосточников: и с поздравлениями и приветствиями, и с заботами и проблемами.

Чем ближе был Приамурский край, тем больше было ожиданий у населения, встречавшего комиссара, как знающего, справедливого, заботливого руководителя, способного дать «руководственные указания» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 2). Толпы встречающих Александра Николаевича в Хабаровске были так велики, что не все желающие смогли даже приблизиться к новому руководителю, «затерлись в толпе», как об этом позднее скромно сообщили члены делегации Хабаровского китайского общества взаимного вспомоществования (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 71).

Трудно судить об искренности отношения населения лично к А.Н. Русанову. Предположим, что приветствовали именно «комиссара Временного Правительства» – представителя и носителя нового справедливого управления. Однако бесспорно, что и личность Александра Николаевича заслуживала уважения. К сожалению, в документах фонда биографический материал практически отсутствует, а в историографии А.Н. Русанову внимания уделено немного. При этом в предлагаемых исследователями фрагментах жизнеописаний «комиссар» закрыл собой человека. Чаще всего упоминание фамилии и должности комиссара Временного правительства сопровождается негативными характеристиками, относящимися к деятельности правительства в целом.

Первым жизненный путь Александра Николаевича описал хабаровский краевед А.М. Жуков, чья газетная публикация стала «конспектироваться» последующими исследователями [7]. Более глубокий анализ и свою оценку деятельности комиссара Временного правительства на Дальнем Востоке предложила Т.Я. Иконникова [9, с. 22-31], однако главной ее целью было доказательство беспомощности комиссара в решении краевых проблем в 1917 г. Впрочем, в условиях информационной недостаточности при попытке восстановить образ человека трудно оставаться в рамках объективности.

Родился А.Н. Русанов 7 мая 1881 г. в Брянском уезде, в семье земского врача. Выпускник Санкт-Петербургского университета, с 1906 г. связал себя с дальневосточной окраиной, где стал работать преподавателем естественной истории в Хабаровском реальном училище. Проявил себя в общественной жизни города, будучи председателем Общества содействия народному просвещению, общественным директором краевого музея [22, с. 222]. Активность его была осознанной и вряд ли конь-

юнктурной. В октябре 1912 г. А.Н. Русанов включился в выборную кампанию в IV-ю Государственную Думу и был избран депутатом от Приморской области. В связи с этим приказом Приамурского генерал-губернатора от 1 ноября 1912 г. учитель Хабаровского реального училища коллежский асессор А.Н. Русанов был уволен в отставку (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 648. Л. 129а).

В Думе он вместе с другими региональными депутатами вошел в состав Сибирской парламентской группы, под руководством забайкальского депутата агронома Н.К. Волкова, А.Н. Русанов стал ее секретарем. В составе группы не было представителей правее кадетов, при этом партийно-политические пристрастия самого Русанова были не вполне определенными. Появившаяся в составе прежней Думы Сибирская группа за небольшой срок развила довольно широкую инициативную деятельность по вопросам введения земства в восточных районах страны, переселения и землеустройства казаков, крестьян и инородцев, развития экономики, в частности, рыбопромышленности, страхования рабочих, развития народного образования [19, с. 445-449]. С началом Первой мировой войны А.Н. Русанов включился в деятельность Всероссийского союза земств и городов, в организацию поддержки армии и патриотического настроения населения. Им был получен существенный опыт работы и определенный авторитет в общероссийском масштабе. Думается, именно поэтому кандидатура Русанова на роль комиссара дальневосточного региона устроила министерство внутренних дел Временного правительства.

Знакомство с документами убеждает, что первый комиссар Дальнего Востока изначально понимал невозможность в одиночку в масштабах отдельного региона справиться с породившими революцию проблемами. К выпавшей на его долю миссии он отнесся как к трудному и ответственному поручению, суть которого состояла в посредничестве между правительством и населением, в создании и налаживании совместной работы местных органов власти. Кредо А.Н. Русанова, неоднократно повторенное в его телеграммах на места, выражено предельно просто: «создавая новое, не разрушать хода жизни». Народ еще недавно стал гражданином, и понимание свободы у всех было разным. Именно поэтому необходимо соблюдение законов, даже принятых свергнутой властью, пока не будут созданы новые. «Всякий беспорядок

выгоден только врагам» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 45. Л. 7).

В литературе встречаются суждения о том, что А.Н. Русанов, будучи признанным авторитетом в регионе, обладал необъятной властью [14, с. 139]. Архив канцелярии комиссара позволяет усомниться в справедливости данного положения. В момент его назначения отсутствовали нормативно-правовые акты, определявшие полномочия комиссара. Власть только осознала необходимость их проработки. Все инструкции А.Н. Русанов получал по телеграфу, в объеме, соответствующем способу передачи: в телеграмме министерства объявлялось, что правительственный комиссар наделялся правами и обязанностями генерал-губернатора. К слову, именно так и воспринимали новую должность бывшие чиновники на местах, называя ее носителей «комиссарами по делам управления генерал-губернаторством» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 10. Л. 11). Однако, реальные права Приамурского генерал-губернатора были гораздо шире, чем прописано в нормативном акте (см.: [3, с. 65-73]). Поэтому по некоторым вопросам, как например, о допуске иностранного каботажа, комиссар должен был получать дополнительно разрешение от правительства (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 105-106). И главное, в отличие от предшественника, новый руководитель не имел в своем распоряжении финансов.

Ликование встречи завершилось серьезной работой, потребовавшей от руководителя большой моральной и физической силы и выдержки. Прежде всего, комиссару А.Н. Русанову нужна была поддержка надежных помощников. Ими стали известные общественные деятели Дальнего Востока журналист Николай Петрович Матвеев, врач Николай Васильевич Кириллов, учитель Семен Антонович Писаревич и др. Опорой в повседневной жизни, «машиной управления», была канцелярия комиссариата, во главе с управляющим делами. Эта роль выпала старому, «не менее 10 лет», знакомцу Русанова – помощнику бухгалтера Управления строительством Восточной Амурской железной дороги В.В. Граженскому. Он и его коллега Федор Иванович Чупряев были временно откомандированы с важного объекта, и время от времени Управление пыталось их возвратить на строительство.

Василий Владимирович Граженский (1883-1920) – художник, журналист, общественный деятель, также баллотировавшийся на выборах

в IV-ю Государственную Думу, обладал незаурядными качествами организатора, был сторонником законности и порядка. В постоянных разъездах комиссара по краю управляющий оставался его правой рукой, самостоятельно и оперативно принимал необходимые решения по второстепенным вопросам. К сожалению, ему практически не нашлось места в трудах историков революции. Биографические материалы о Василии Граженском собраны и сохранены художниками [12, с. 76-78], отметившими, что его участие в футуристическом объединении «Зеленая кошка» было своеобразным прикрытием политической деятельности [17, с. 10-12].

В состав канцелярии комиссара первоначально входили секретарь, он же заведующий изданием газеты «Приамурские известия» Б.Г. Перлин², переписчицы М.А. Перниц и Е.В. Суханова, журналист В.Д. Скорик, курьером и сторожем служил А. Одзял. Содержание всего штата в месяц практически равнялось жалованью одного чиновника особых поручений канцелярии генерал-губернатора (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 2. Л. 68об., 105об.).

Реализация поставленных перед комиссаром задач подразумевала непосредственное участие в мероприятиях, благо большинство из них проходило в Хабаровске. А.Н. Русанов присутствовал на многочисленных съездах, совещаниях и собраниях организующегося населения. Возможно, ему это доставляло удовлетворение, однако признаем и объективную необходимость публичного представительства человека, олицетворявшего новую демократическую власть. Документы свидетельствуют о бесконечных поездках комиссара по краю: Николаевск на Амуре, селения Нижнего Амура, Благовещенск, Владивосток, Иман и т.д. Чтобы разобраться в проблемах и найти решение, комиссар-учитель Русанов считал необходимым изучить вопрос непосредственно на месте, однако масштабы территории и неразвитость инфраструктуры лишали его такой возможности. К примеру, на перманентные просьбы о приезде в Анадырский уезд он ответил, что это технически невозможно и он «лишен возможности разобраться во всех деталях дел в виду отдаленности» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 45. Л. 62). В особо острых случаях Русанов зывал к такту и разумности управленцев на местах. Естественно, что при всей ответственности и добросовестности, комиссару часто не удавалось выполнить задуманное. Например, получив персональное

поручение от правительства встретить во Владивостоке американское посольство во главе с сенатором Рутом, он не сумел выбраться из глубинки. Американцев встречали и провожали на экспрессе в Петроград Приморский областной комиссар А.Ф. Милеев и представители Владивостокского городского Совета (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 146, 182).

Областной комиссар, как звено вертикали власти, появился в регионе еще до прибытия в край правительственного комиссара. 17 марта правительство назначило Приморским областным комиссаром председателя Владивостокского комитета общественной безопасности отставного полковника И.А. Ющенкова, проявившего инициативу и активность в становлении новых органов власти (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 4. Л. 94; Д. 21. Л. 1). Областные (губернские) комиссары наделялись правами военных губернаторов. В других областях Дальнего Востока (Амурской, Камчатской и Сахалинской) кандидатуры еще предстояло определить, опираясь на поддержку населения. Проблема опять-таки состояла в отсутствии кадров «интеллигентных сил» и в партийно-политических противоречиях, усилившихся по мере развития революции.

В телеграмме от 14 апреля министерство внутренних дел потребовало от Русанова «скорейшей организации нормального управления»: избрания областных (губернских), уездных и волостных комиссаров. При этом предусматривалось обязательное согласование кандидатур с комитетами безопасности и утверждение Временным правительством. Однако нормативные документы – положение о местной власти – Временное правительство обнародовало только 25 сентября 1917 г. [6, с. 328]. К этому времени в регионе смогли окончательно определиться с кандидатурами областных комиссаров. Амурским был утвержден юрист Н.Г. Кожевников, Сахалинским – врач В.М. Порватов, Камчатским – агроном И.Ф. Голованов, Приморским – инженер А.Ф. Милеев.

Уездные комиссары по положению получили права крестьянских начальников, волостные – старшин. Формирование этого низшего звена шло несколько проще, кадровый голод привел к замещению должностей комиссаров чиновниками прежней администрации, учителями, купцами и предпринимателями. Особенно тяжелым положение было в северных малонаселенных районах Приморской области, к тому же большую часть года оторванных от внешнего мира. Любопытно, что комиссары не освобождались

² Затем эту должность занял Ф.И. Чупряев.

от основной деятельности, вероятнее всего, что как представители власти они не получали содержания. Вот и возникали такие противоречивые ситуации, к примеру, как назначение Гижигинским уездным комиссаром начальника радиостанции в Наяхане Ф.Т. Шатинского. Для реализации своих полномочий он должен был перебраться за 100 верст, в Гижигу, но начальник Приамурского почтово-телеграфного округа ходатайство о 2-х месячном отпуске отклонил. В результате во главе уезда остался бывший начальник В.Г. Осмоловский, а местный комитет возглавил бывший председатель Союза Михаила Архангела купец И. Адолин (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 30. Л. 31). Избрание на управленческие должности бывших чиновников способствовало расцвету произвола и мздоимства. Новыми руководителями нередко становились люди случайные, бесцеремонные и просто невежды, а главное – не признававшие революционных изменений. Естественно, это вызывало протесты населения, а следовательно и перманентную смену действующих лиц. «Выборные должны служить народному делу не за страх, а за совесть, не ради собственных выгод, а на пользу народа и по правде» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 11. Л. 324-325). Однако уже в мае министерство указывало А.Н. Русанову на то, что частая смена комиссаров неизбежно подрывает авторитет власти (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 19).

Конечно же, деятельность управленческих структур, созданных в революционном порыве (советов, исполнительных комитетов и тому подобных демократических организаций) была более результативной и реальной. Это творчество не было однозначным и прямолинейным, но оно началось сразу же после получения информации об отречении императорской династии. Во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, где были сильны городские думы, инициативой масс создавались комитеты по охране порядка, комитеты общественной безопасности, комитеты народного спокойствия, советы депутатов и т.п. [10, с. 90-91]. В этом ряду, несомненно, должен быть назван и Николаевск на Амуре, где 4 марта на городском митинге под руководством инженера П.П. Крынина был создан временный исполнительный комитет, которым были приняты «все меры к сохранению спокойного течения жизни» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 14-15). В состав комитета вошли представители общественных, профессиональных организаций, советов офицерских и солдатских

депутатов, рабочих и крестьянских депутатов. После пополнения его выборными представителями от всех сельских, волостных комитетов и горнорабочих комитет преобразовался в Сахалинский областной комитет.

Все общественные структуры местного управления первоначально объединяли людей разного социального положения, сторонников разных политических взглядов. Гласными городских дум, членами и даже руководителями комитетов безопасности становились социалисты, включая большевиков. В ряде случаев отмечается совмещение в одних руках власти областного комиссара и председателя комитета безопасности. Внутри органов самоуправления появились выборные должности комиссаров, возглавивших отделы народного спокойствия и безопасности, общих дел, продовольственного, юридического, финансового и т.п. (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 19-26). Правительственный комиссар по делам Дальнего Востока прилагал немало сил к объединению деятельности всех структур в целях оптимизации управления краем. В решении экономических и внешнеполитических вопросов он учитывал мнение профессионалов царского времени, таких как начальник горного управления инженер В.В. Мурзаков, чиновник по дипломатической части М.П. Куренков, переселенческие чиновники Б.Н. Клепинин, М.С. Веденский и др. Для характеристики личности А.Н. Русанова, умеренного социалиста, важен его подход к деятельности Советов рабочих, крестьянских, солдатских депутатов. В конце июня 1917 г. он писал о назревшей потребности присутствия в комиссариате представителей краевой революционно-демократической организации (Далькрайисполкома) для координации действий «по наиболее важным принципиальным вопросам» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 16. Л. 98).

Осознавая кризисную ситуацию лета 1917 г., А.Н. Русанов счел своим долгом лично включиться в работу органов самоуправления. Он принял участие в выборах по новому положению в Хабаровскую городскую думу, а в августе, на 2-м съезде Советов Дальнего Востока, был избран членом Далькрайисполкома. 16-17 августа провел совещание областных комиссаров и представителей городских управ по выборам в Учредительное собрание, видимо, еще надеясь на изменение политической ситуации [10, с. 134].

Однако стремительность развития событий в стране и лавина региональных проблем, об-

рушившихся на комиссара, заметно уменьшили его позитивный настрой. Изменилось и отношение Временного правительства к должности комиссара. Из наблюдающего он стал отвечающим за все. Когда в июле А.Н. Русановым была получена телеграмма министра внутренних дел И.Г. Церетели с грозными обещаниями репрессивных мер за возможные беспорядки и анархию (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 398-399), он прямо заявил о непреодолимом желании избавиться от тягостного бремени, т.к. «изначально никаких функций по управлению не брал» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 348-349). Таким образом, комиссар сам ответил на поставленный в данной статье вопрос: реальной властью он не обладал, а пытался, опираясь на опыт прошлого и инициативу масс, создать аппарат управления и привлечь людей, способных в нем работать. Новая демократическая власть России должна была пройти через горнило практической работы, это была необходимая школа управления. Документы фонда убеждают в объективности утверждения современных историков о том, что классическая формула «двоевластия» не работает в политической жизни дальневосточного региона в 1917 г. [18, с. 136-137]. Реальными полномочиями обладали чрезвычайные органы власти переходного периода, созданные демократически настроенной общественностью [11, с. 384]. Задача представителя Временного правительства состояла в наблюдении и координации их деятельности.

В связи с этим нуждается в корректировке оценка деятельности комиссара Временного правительства как неэффективной и беспомощной. Бесспорно, что по документам одного фонда сложно высказать окончательное мнение, но они заставляют изменить сам подход. Во-первых, многочисленные поездки и выступления А.Н. Русанова не прошли даром. В регионе, где было сосредоточено большое количество вооруженных людей и бесправных трудящихся, кровопролитных выступлений и погромов не отмечено. Правительственный комиссар большое внимание уделял изданию и распространению пропагандистской литературы, информированию населения о действиях власти посредством газеты «Приамурские известия» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 165). Даже инкриминируемые ему аресты высших должностных лиц местной власти были не столько карательным средством, сколько защищали людей от возможной расправы (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 46. Л. 19-26).

Сын земского врача, А.Н. Русанов немало сделал для того, чтобы земские органы управления реально появились на Дальнем Востоке. Со времени работы в Государственной Думе он разделял убеждение членов Сибирской группы в том, что земство и самоуправление единственно обеспечивают правильную постановку и безостановочное развитие народного образования [18, с. 449]. Комиссар непосредственно занимался проведением в жизнь «земских» решений Временного правительства от 15 апреля, 21 мая и 17 июня 1917 г. Он все время торопил власть, подчеркивая, что население края жаждет введения земств путем закона (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 3). Роль Русанова в этом процессе была так заметна, что позволила С.И. Лазаревой назвать введение земства главной задачей комиссаров Временного правительства [16, с. 139]. Слаженную работу земства на Дальнем Востоке в 1917 г. наладить не удалось. Но, даже потерпев неудачу, А.Н. Русанов остался верен своим идеалам. В 1918-1919 гг. он продолжит службу в Приморской областной земской управе.

Одной из болевых точек в регионе было состояние рыбопромышленности, где при отсутствии стабильной власти остро проявился извечный конфликт интересов населения, казны и предпринимателей, включая иностранцев. Причем решение нужно было находить в кратчайшие сроки естественного хода рыбы. Русанов, опираясь на думский опыт работы, лично потратил массу времени на подготовку и проведение в мае в Николаевске на Амуре съезда рыболовов. Конечно же, разрешить конфликт не удалось, поскольку невозможно примирить непримиримое, но острота противоречий на какое-то время была снята. В отчете в министерство им было отмечено, что в рыбной промышленности «особенных осложнений в наступившем сезоне не предвидится» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 25. Л. 165).

Другим важным мероприятием, проведенным при непосредственном участии Русанова, был первый съезд учителей Дальневосточного края, прошедший 5-10 апреля 1917 г. в г. Хабаровске (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 8. Л. 21-21об. и др.). На нем были подняты существеннейшие вопросы общественной жизни страны и региона, намечены перспективы развития системы образования в будущем. Однозначно был решен острейший вопрос о секуляризации школы. Опять-таки, можно бросить упрек комиссару, что этот съезд, как впрочем и другие, не дал

ощутимых результатов, а был площадкой для дебатов. Но именно в этой «школе» выростали практики государственного управления, воспитатели нового поколения.

Все направления деятельности комиссара требовали огромной отдачи и были непосильны для одного, даже очень работоспособного человека. Не удивительно, что были вопросы, на которые он не мог или не хотел найти ответа. Тем более, при неустойчивом общественном отношении к переменам, к новой власти, к вопросам будущего страны. Сохранилась записка членов Хабаровского биржевого комитета, направленная напрямую Председателю Совета министров, в которой утверждалось, что комиссар «не усваивает возложенных на него задач» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 33. Л. 96).

В событиях осени 1917 г. А.Н. Русанов сумел найти для себя приемлемое политическое решение. Совместно с Далькрайисполкомом он осудил выступление большевиков, как государственный переворот. При этом именно на него было возложено принятие решения об обнародовании полученных из центра телеграмм [14, с. 45-46]. Пока Русанов колебался, ждал «более точных» сведений, солдаты и рабочие на митингах открыто заявили об упразднении комиссаров и переходе власти к Советам. Отметим, что комиссар продолжал исполнять свои обязанности в регионе еще полтора месяца после падения власти Временного правительства.

Набиравшая в регионе силу партия большевиков наметила проведение в декабре 1917 г. 3-го съезда Советов с целью признания власти Совета народных комиссаров [15, с. 38]. В этой ситуации Русанов, верный идее соборности, и, возможно, долгу, решил созвать съезд земских и городских представителей. По его словам, побудили его на этот шаг «полная неосведомленность о том, что происходит в центре, отсутствие надежд на скорый созыв Учредительного собрания, ... серьезность внешнего политического положения Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 70). На деле, в ночь с 11 на 12 декабря, получилось собрать небольшое совещание, при 9 участниках [10, с. 157]. На призыв комиссара прибыли хабаровчане А.А. Скуратов и М.А. Тимофеев; Г.И. Иванченко, Н.С. Губонин, Н.Ф. Дьяченко из Имана; А.И. Рыслев и В.Н. Маньков из Амурской области; В.Г. Горшков и А.М. Краснощеков из Никольска-Уссурийского. Последний, познакомившись с составом участников и задачами совещания, его покинул. Единствен-

ным документом для обсуждения стало заявление правительственного комиссара о передаче власти Временному бюро земств и городов (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 1. Л. 54-55). Во главе бюро стал председатель Хабаровской городской думы эсер М.А. Тимофеев. По мнению Т.Я. Иконниковой, А.Н. Русанов осознано выходил из игры [8, с. 322]. Хабаровский Совет в эту же ночь посадил комиссара и его помощника под домашний арест и предъявил обвинения. Избранные члены Временного бюро успели уехать в Благовещенск [15, с. 39].

Начавший работу 3-ий съезд Советов Дальнего Востока провозгласил власть Советов в регионе. В числе первых вопросов было отношение к власти Временного правительства и его дальневосточному комиссару. Однако ни съезд, ни созданная им комиссия не сочли возможным осудить А.Н. Русанова и В.В. Граженского как контрреволюционеров. Согласно сохранившемуся в фонде отрывку обвинительного документа, комиссару предъявили обвинения в покровительстве царским чиновникам, жандармам и контрразведке, в гонениях на социалистов, в своеволии и «насаждении» учителей и т.п. (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 53. Л. 21-21 об.). Однако доказательств, подтверждающих преступную деятельность комиссара и его помощника, не нашлось. Они были освобождены. А.Н. Русанов уехал во Владивосток, позднее, в 1921 г., эмигрировал в Шанхай. Всю свою жизнь оставаясь учителем, он продолжил на чужбине заниматься любимым делом, основав реальное училище. 13 июля 1936 г. Александр Николаевич Русанов умер вдали от родины [22, с. 222].

В.В. Граженский также продолжил политическую деятельность в Приморском областном земстве. 19 июня 1920 г. во время переговоров с интервентами он погиб на станции Иман вместе с большевиком П. Уткиным [1, с. 437-438].

Институт комиссаров Временного правительства был упразднен решением 2-го Всероссийского съезда Советов [20, с. 7]. Началась другая история страны, в которой были свои герои. Оценка действий многих из них в современности изменилась, зачастую несправедливо, на противоположную. Неизбежно так бывает, если оценивать жизнь незаурядного человека, следуя сиюминутным политическим установкам, создавать мифы, герои которых не живые люди, а лозунги. Так произошло и с комиссаром А.Н. Русановым, «неэффективным руководителем», «болтуном», «противником большевиков», «не умеющим схватывать хозяйственные

вопросы». Пытаться увидеть в нем харизматичного лидера, способного вывести всю страну из тупика, некорректно, ведь такого не нашлось во всем Временном правительстве. Через хоровод изученных документов проступил живой человек, умный, профессионально подготовленный, принципиальный, но готовый к компромиссу. Взвалив на себя груз ответственности, он сумел выполнить то, что требовали время, совесть, власть. При этом, взявшись за новое и архисложное дело, учитель А.Н. Русанов больше потерял, чем приобрел. Но остался верен себе, долгу и смыслу жизни, как он их понимал.

«История запишет Ваше имя» – согласимся с этой фразой из обращения рабочих-железнодорожников к правительственному комиссару Русанову (РГИА ДВ. Ф. Р-1644. Оп. 1. Д. 53. Л. 1), в память о людях, в столь непростое время взваливших на себя бремя управления страной и сохранения спокойствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска. Хабаровск, 2007.
2. Геласимова А.Н. Плечом к плечу. Записки учительницы. Хабаровск, 1958.
3. Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59-78.
4. Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. Владивосток, 1999.
5. Ермакова Э.В. Революции 1917 года в дальневосточной историографии // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы междунар. научн. конференции. Хабаровск, 1997. С. 115-118.
6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
7. Жуков А.М. Дальневосточный Керенский // Тихоокеанская звезда. 1996. 9 октября.
8. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999.
9. Иконникова Т.Я. Учитель, депутат, комиссар, эмигрант... Заметки о А.Н. Русанове // Россия и АТР. 1998. № 2. С. 22-31.
10. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 г. и гражданской войны. Владивосток, 2003.
11. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. Южно-Сахалинск, 2008.

12. Кандыба В.И. История становления и развития художественной жизни Дальнего Востока. 1858-1938. Владивосток, 1985.

13. Крушанов А.И. Победа советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье. Владивосток, 1983.

14. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период гражданской войны 1917-1922 гг. Хабаровск, 2005.

15. Куцый Г.С. Становление советской власти в Приморье. Владивосток, 1977.

16. Лазарева С.И. Роль и место А.Н. Русанова в общественно-политической жизни Дальнего Востока в начале XX в. // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России. IV-е Гродековские чтения. Ч. 1. Хабаровск, 2004. С. 137-141.

17. Мастера кисти и резца. Хабаровск, 2000.

18. Ромас А.А. К проблеме двоевластия Февральской революции 1917 г. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории. Материалы междунар. научн. конференции. Хабаровск, 1997. С. 136-137.

19. Сибирский ежегодник. Томск, [1914].

20. Сонин В.В. Великий Октябрь и становление советской государственности на Дальнем Востоке. Владивосток, 1987.

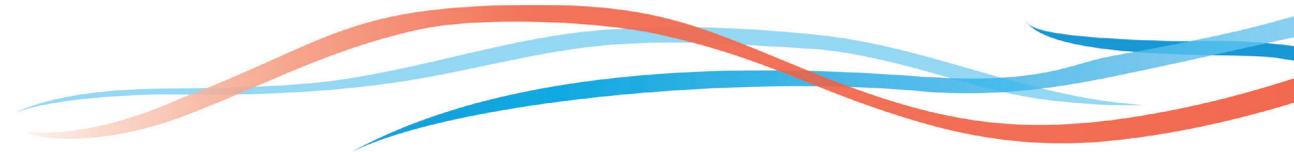
21. Тригуб Г.Я. Буржуазно-демократические преобразования системы местного управления на Дальнем Востоке России в 1917 г. // Дальний Восток России в системе международных отношений в АТР: история, экономика, культура. Владивосток, 2006. С. 336-342.

22. Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Китае. Владивосток, 2002.

REFERENCES

1. Burilova, M.F., 2007. Obshchestvo starogo Khabarovska [Society of the old Khabarovsk]. Khabarovsk. (in Russ.)
2. Gelasimova, A.N., 1958. Plechom k plechu. Zapiski uchitel'nitsy [Shoulder to shoulder. Notes of a teacher]. Khabarovsk. (in Russ.)
3. Gordeev, P.N., 2017. Komissariat Vremennogo pravitel'stva nad byvshim ministerstvom dvora [The commissariat of Provisional Government over the former Ministry of the Court], Rossiyskaya istoriya, no. 2, pp. 59-78. (in Russ.)
4. Dal'niy Vostok Rossii: iz istorii sistemy upravleniya. Dokumenty i materialy [Russian Far East: from the history of government system. Documents and materials]. Vladivostok, 1999. (in Russ.)

5. Ermakova, E.V., 1997. Revolyutsii 1917 goda v dal'nevostochnoy istoriografii [Revolution of 1917 in the Far Eastern historiography]. In: Evolyutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoy i rossiyskoy istorii. Materialy mezhdunar. nauchn. konferentsii. Khabarovsk, pp. 115-118. (in Russ.)
6. Eroshkin, N.P., 1983. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moskva. (in Russ.)
7. Zhukov, A.M., 1996. Dal'nevostochnyy Kerenskiy [Far-Eastern Kerensky], Tikhookeanskaya zvezda, 9 oktyabrya. (in Russ.)
8. Ikonnikova, T.Ya., 1999. Dal'nevostochnyy tyl Rossii v gody pervoy mirovoy voyny [Russian Far East in the rear of the First World War]. Khabarovsk. (in Russ.)
9. Ikonnikova, T.Ya., 1998. Uchitel', deputat, komissar, emigrant... Zаметki o A.N. Rusanove [Teacher, deputy, commissar, emigrant... Notes on A.N. Rusanov], Rossiya i ATR, no. 2, pp. 22-31. (in Russ.)
10. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoj voyny [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. Russian Far East during the Revolutions of 1917 and Civil war]. Vladivostok, 2003. (in Russ.)
11. Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneyshikh vremen do nachala XXI stoletiya [The history of Sakhalin and the Kuril Islands from ancient times to the beginning of the 21st century]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2008. (in Russ.)
12. Kandyba, V.I., 1985. Istoriya stanovleniya i razvitiya khudozhestvennoy zhizni Dal'nego Vostoka. 1858-1938 [The history of formation and development of the art life in the Russian Far East, 1858-1938]. Vladivostok. (in Russ.)
13. Krushanov, A.I., 1983. Pobeda sovetskoy vlasti na Dal'nem Vostoke i v Zabaykal'e [The victory of Soviet power in the Russian Far East and Transbaikalia]. Vladivostok. (in Russ.)
14. Kuz'min, V.L. and Tsipkin, Yu.N., 2005. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoj voyny 1917-1922 gg. [The Socialist-Revolutionaries and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil war, 1917-1922]. Khabarovsk. (in Russ.)
15. Kutsiy, G.S., 1977. Stanovlenie sovetskoy vlasti v Primor'e [The making of Soviet power in Primorye]. Vladivostok. (in Russ.)
16. Lazareva, S.I., 2000. Rol' i mesto A.N. Rusanova v obshchestvenno-politicheskoj zhizni Dal'nego Vostoka v nachale XX v. [The role and place of A.N. Rusanov in the social and political life of the Russian Far East at the beginning of the XXth century.]. In: Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii. IV-e Grodekovskie chteniya. Ch. 1. Khabarovsk, pp. 137-141. (in Russ.)
17. Mastera kisti i reztsa [Masters of a brush and chisel]. Khabarovsk, 2000. (in Russ.)
18. Romas, A.A., 1997. K probleme dvoevlastiya Fevral'skoj revolyutsii 1917 g. [Towards the problem of the dual power of the February Revolution of 1917]. In: Evolyutsiya i revolyutsiya: opyt i uroki mirovoy i rossiyskoy istorii. Materialy mezhdunar. nauchn. konferentsii. Khabarovsk, pp. 136-137. (in Russ.)
19. Sibirskiy ezhegodnik [Siberian yearbook]. Tomsk, [1914]. (in Russ.)
20. Sonin, V.V., 1987. Velikiy Oktyabr' i stanovlenie sovetskoy gosudarstvennosti na Dal'nem Vostoke [Great October and the making of Soviet statehood in the Russian Far East]. Vladivostok. (in Russ.)
21. Trigub, G.Ya., 2006. Burzhuazno-demokraticheskie preobrazovaniya sistemy mestnogo upravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii v 1917 g. [Bourgeois-democratic transformations of the system of local government in the Russian Far East in 1917]. In: Dal'niy Vostok Rossii v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR: istoriya, ekonomika, kul'tura. Vladivostok, pp. 336-342. (in Russ.)
22. Khisamutdinov, A.A., 2002. Rossiyskaya emigratsiya v Kitae [Russian emigrants in China]. Vladivostok. (in Russ.)

Т.З. Позняк*

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1917-1918 гг.**

Статья посвящена деятельности «социалистической» Владивостокской городской думы в 1917-1918 гг., которая отражает все политические перипетии развития революционного процесса в стране и региональные особенности восприятия их различными партийными и общественными силами. Автор приходит к выводу, что социалистическая дума Владивостока представляла попытку альтернативного варианта развития революции в России – так и не достигнутый компромисс разных партий и слоев населения и создание коалиционной власти.

Ключевые слова: русская революция 1917, гражданская война, Владивосток, городская дума, местное самоуправление

The Russian Revolution and the activity of Vladivostok City Duma, 1917-1918.
TATIANA Z. POZNYAK (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the activities of the «socialist» Vladivostok City Duma in 1917-1918, that reflects the development of the revolutionary process in Russia and the perception of the revolution by various parties and social groups in the region. The author comes to the conclusion that the «socialist» Duma of Vladivostok represents the example of an alternative way of the development of the revolution in Russia, which could be built on the compromise of different parties and social groups and the creation of a coalition government.

Keywords: Russian revolution of 1917, Civil war, Vladivostok, city Duma, local government

Тема Русской революции поистине неисчерпаема, и, хотя в отечественной и зарубежной историографии накоплен огромный багаж знаний о причинах, характере и последствиях этого эпохального исторического явления, в ней остается немало «белых пятен». В частности, малоизученными аспектами остаются влияние революции на повседневную жизнь населения, региональные особенности восприятия революционных событий разными общественными и политическими силами и пр.

Цель данной статьи – проследить реакцию местного общества и разных партий на основные политические события в стране, а также региональные особенности революционного процесса на примере выборов и деятельности Владивостокской городской думы (ВГД). Основными источниками исследования послужили документы городской думы и управы – протоколы заседаний, делопроизводственная переписка, а также материалы местной прессы. Наряду с обобщающими монографиями по ука-

* ПОЗНЯК Татьяна Зиновьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №17-81-01009.

© Позняк Т.З., 2017

занному периоду и исследованиями о деятельности правых социалистов [3; 5], частично уже рассмотрены выборы в ВГД и ее политическая деятельность в период революции [6; 8; 9], однако тема нуждается в более детальном изучении. Хронологические рамки статьи выходят за пределы революционного 1917 г. неслучайно: результатом революции стало избрание в 16 июля 1917 г.¹ «социалистической» городской думы, она проработала до выборов 29 (16) декабря 1918 г., когда была избрана новая дума, либерально-буржуазная, приступившая к работе в январе 1919 г. Между этими выборами состоялись еще выборы 27-28 (14-15) июля 1918 г., результаты которых были отменены из-за нарушений. Б.И. Мухачев пишет, что по решению Дальсовнаркома Владивостокский Совет 5 июня 1918 г. лишил думу ее полномочий, но она продолжала действовать в подполье без должного кворума [6, с. 167]. Г.Я. Тригуб, не рассматривая историю разгона думы, пишет только, что чехословацкий переворот 29 июня 1918 г. способствовал восстановлению ее деятельности [8, с. 135; 9, с. 64]. Эти данные нуждаются в уточнении. Результаты перечисленных выборов и деятельность «социалистической» думы и будет предметом статьи.

Февральская революция 1917 г. была встречена по всей стране, в том числе во Владивостоке, однотипными процессами – мобилизацией и консолидацией общественных сил, их самоорганизацией, демократизацией общественной жизни. Политические и общественные силы начали объединяться в партии и разного рода организации – Советы, КОБы, союзы – на разнообразной основе – профессиональной, этнической, экономической и пр. Эти события и процессы в регионе хорошо освещены в научной литературе [3, с. 89-90; 4, с. 82-83; 7, с. 159; 9, с. 113].

В регионе, как и во всей стране, сложилась ситуация сосуществования старых органов вла-

сти – гражданских и военных – и новых властных структур – КОБов, Советов, областных комиссаров с подчинением им части существующих административных органов. Автор солидарна с И.В. Нарским, который оценивает это время как период «многовластия бесчисленных учреждений и организаций, бестолковая конкуренция которых на деле означала безвластие, паралич управления и контроля за происходящим» [8, с. 35]. Термин «многовластие» более адекватно отражает сложный процесс сосуществования – сотрудничества и конфронтации – нескольких властных структур, в каждой из которых существовал уникальный баланс партийных сил. Эти структуры иногда координировали свои действия, иногда действовали по собственному усмотрению, невзирая на протесты других претендентов на власть. Во Владивостоке, как и в других городах страны, многовластие стало следствием того, что после падения «старого режима» начался процесс создания новой системы управления, все политические силы стремились к власти, но поскольку ни одна из них не обладала единодушной поддержкой всего населения, они вынуждены были вступать в коалиции. Одновременно некоторые из политических сил, стремясь получить полную власть, вводили своих представителей в каждую из властных структур и пытались занять в них ключевые позиции. Все партии были одновременно и союзниками, и противниками, у каждой был и собственный интерес, и общий, их объединял общий враг – самодержавие, но разделяли разно понимаемые характер, цели и движущие силы революции. Этот процесс в России вписывается в общую схему развития революций: любая революция набирает силу и способна достичь победы только при создании революционных коалиций между разными политическими силами (с разными целями и даже с идейными разногласиями) против общего врага, только сплочение всего общества способно сокрушить структуру «старого режима» [6, с. 59-60, 69-73, 328; 11, с. 38-39]. В России в целом, и на дальневосточной окраине в частности, на первых этапах для борьбы со старым режимом меньшевики и эсеры, пользовавшиеся наибольшей популярностью в массах, вступили в коалицию с кадетами (Партией народной свободы), ставшими основными выразителями либерально-буржуазных идей, к коалиции примкнули и большевики.

Что же представляла собой и как работала в этих условиях Владивостокская городская

¹ До издания декрета СНК от 24 января (6 февраля) 1918 г. о введении западноевропейского календаря, согласно которому первый день после 31 января 1918 г. надо было считать не 1-м, а 14-м февраля, даты в статье даны по старому стилю, а после декрета – по-новому (старый стиль в скобках), или сделана соответствующая пометка. Это сделано для удобства читателя: в части работ, посвященных этому периоду, используются разные датировки и иногда без пояснения, кроме того, в документах эпохи также присутствует неразбериха, связанная с непониманием некоторыми учреждениями декретов СНК или поздним введением декрета в действие.

дума? К началу революции в городе действовала дума, избранная в 1915 г., в выборах участвовали цензовые элементы, платившие оценочный сбор с недвижимости или владевшие торговыми предприятиями; действовала мажоритарная система выборов, когда голосование шло за отдельных кандидатов, а не за списки, и в городскую думу проходили лица, набравшие большее число голосов. Выборы 1915 г. в городскую думу отразили конфликт между центром города и его окраинами, жители которых были недовольны уровнем благоустройства и условий жизни и считали, что городские финансы расходуются неравномерно и интересы окраин постоянно ущемляются.

Комплекс законов и положений, принятых Временным правительством, обеспечил стране основу для самых демократичных на тот момент в мире выборов разных уровней, избирательные права получило, за редким исключением, все совершеннолетнее население страны обоюбого пола. Выборы во Владивостокскую городскую думу отразили все преимущества и недостатки новой демократической системы выборов. В 1917 г. городская дума избиралась не просто на основе всеобщих, равных, тайных и прямых выборов, но и по новой системе пропорциональных выборов по спискам, когда число мест в выборном органе зависит от количества набранных списком голосов, и кандидаты от списков, набравших мало голосов, также представлены в думе, но меньшим числом гласных [9, с. 127-128].

Результаты выборов 16 июля 1917 г. отразили радикализацию настроений населения, усиление влияния социалистических партий в войсках и профсоюзах. Наибольшее число голосов – 83,17 % набрал список №13 от Советов рабочих и солдатских депутатов (СРСД), эсеров и социал-демократов, получивший в думе 84 из 101 места гласных. Их основной оппонент – Партия народной свободы (ПНС) (список №12) – сумел провести в думу только 4 гласных. Остальные группы были представлены еще меньшим числом гласных: 3 чел. прошли от списка №1, 2 чел. – от №5 (от жителей окраин), и по одному – от списков №3 (от поляков города), №4 (Союз квартиронанимателей), №6 (Внепартийный список), №8 (от корейского населения), №11 (Владивостокского профессионального технического союза), №14 (Национальный блок), №15 Список общественных прогрессивных работников, №16 (Союз моряков торгового флота Дальнего Востока) (Рос-

сийский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 36).

На результатах выборов отразилось изменение системы выборов и доминирование малоимущих избирателей, руководимых, скорее, ненавистью к имущим слоям населения и собственными интересами, чем соображениями о пользе для города. Старые идеи городского благоустройства и новые лозунги установления конституционной демократии не сработали, ни гласные прежнего состава думы, ни кадеты не смогли предложить населению города, уставшему от тягот военного времени, ничего из того, что оно хотело услышать. Это был катастрофический провал еще и потому, что население проголосовало не за местных общественных деятелей, старожилов города, многие из которых входили в городскую думу на протяжении нескольких десятков лет и немало сделали на общественном поприще, а за «новые силы», часто представленные малоизвестными в городе людьми. Большую часть списка №13 составляли недавно прибывшие во Владивосток из эмиграции эсеры, меньшевики и большевики. На результатах не сказалась даже весьма актуализированная в тот период этническая мобилизация: «национальные списки» смогли провести незначительное число кандидатов.

Новая «социалистическая» дума была избрана летом 1917 г., поэтому повестка ее заседаний отразила не политическую консолидацию российского общества первых месяцев революции в борьбе против «старого режима», а нарастание классового раскола. Работа ВГД отразила время, когда коалиция разнородных партийных сил начала распадаться и дума стала одним из игроков в борьбе за власть. С первых дней работы думы стало понятно, что выборная коалиция социалистов носила временный характер, уже к первому думскому заседанию 11 августа 1917 г. список №13 распался на фракции социал-демократов и эсеров, хотя по вопросам повестки дня они выступали пока единым фронтом.

Судя по протоколам первого заседания, меньшевики и эсеры не были готовы к возможности контролировать думу и не определились заранее, кого на какую должность будут выдвигать. Меньшевик А.Ф. Агарев сначала прошел на должность председателя думы, но на следующем заседании снял свою кандидатуру, выставился на должность городского головы и был избран. Оба раза на безальтернативной основе. Эсера К.С. Токунова избрали председателем

думы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 56, 59, 63об.-64). ПНС даже не пыталась выставлять своих кандидатов на должности, а при голосовании по кандидатурам от социалистов воздерживалась.

Бурные обсуждения в думе политических вопросов отражали конфронтацию в обществе и плюрализм мнений. 16 августа 1917 г. кадеты выступили против поддержки резолюции ЦИК Совета о Стокгольмской конференции, посчитав, что это является сугубо партийным вопросом социал-демократов и не относится к деятельности думы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 59-59об.). Когда же на заседании 18 августа 1917 г. М.Н. Вознесенский от фракции ПНС предложил отправить от думы телеграмму поддержки Временному Правительству, социалистическое большинство забаллотировало его предложение, не согласившись ни с текстом, ни с идеей телеграммы только Временному правительству, предложив послать телеграммы ЦИК Совета и Временному правительству, поручив составить их текст президиуму. При этом прозвучали и предложения не посылать телеграмму «Правительству, которое себя еще ничем не проявило» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 64об.-65).

«Проверкой политической позиции» гласных и яркой иллюстрацией разногласий между социалистами и кадетами в думе стало принятие резолюции о Корниловском выступлении [7, с. 160-161]. 6 сентября 1917 г. была зачитана телеграмма Московской городской думы, принятая в ночь на 29 августа 1917 г. с призывом к стране, «вверившей Временному Правительству свою судьбу, ... встать как один человек против попытки насильнического захвата власти, вовлекающего Родину во все ужасы братоубийственной гражданской войны на фронте и по всему лицу земли русской...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 68). Городской голова А.Ф. Агарев в своей речи определил «Корниловский мятеж» как вступление России «в полосу гражданской войны», «заговор против Российской Революции, против завоеваний революционного народа», «травля революционной демократии». Он предложил послать в ЦИК Совета, Временному правительству, в Петроградскую и Московскую городские думы резолюцию о полной готовности Владивостокской думы «поддерживать Временное Правительство в его борьбе с контрреволюцией» и предложил думе признать Исполком Совета в качестве единственного органа власти во Владивостоке (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 68об.-69).

На окраине страны в условиях нехватки информации реакция местных социал-демократов и эсеров на «Корниловский мятеж» оказалась такой же, как в столицах. Каковы бы ни были причины и характер этого выступления, его последствия были однозначными – оно способствовало еще большей поляризации населения в условиях и без того существовавшего раскола. Постановка в городской думе вопроса о «Корниловском мятеже» обнажила негативизм социалистов в отношении кадетов. Местные социал-демократы и эсеры потребовали от представителей партии ПНС отмежеваться от ее руководства, в противном случае и они зачислялись в «контрреволюционеры». Кадетов привела в растерянность такая бескомпромиссная постановка вопроса, а главное – они не чувствовали за собой никакой вины за «мятеж». Поставленные перед выбором: предавать свою партию и идеи или вступать в конфликт с местными левыми силами и примерять на себя ярлык контрреволюционера, они заняли половинчатую позицию – осудили выступление Корнилова, но не согласились с передачей всей власти Советам. Речи кадетов отражали настроения части общества – согласие признать любую сильную власть, исходившую из центра, и надежда на то, что это будет не Советская власть (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 69об.-71).

Однако социалистические партии – позиции меньшевиков, эсеров и большевиков пока совпадали – настаивали на передаче всей полноты власти Советам, рассматривая создание однородной власти как единственный путь «спасения от анархии», кадеты же, по их мнению, если они «искренне хотят доведения революции до конца», должны примириться с этим (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 71). Дискуссии в думе о Корниловском выступлении продемонстрировали, что период коалиции местных социалистов и кадетов закончился, хотя и в дальнейшем правые социалисты несколько раз пытались достичь компромисса с либерально-буржуазными силами города, обвиняемые за это большевиками в мелкобуржуазности, реакционности и соглашательстве [4, с. 109, 111-113].

Октябрьский захват власти в Петрограде был поддержан местными большевиками и исполкомом Совета [4, с. 122-126; 7, с. 163]. Правые социалисты Дальнего Востока, как и в центре страны, были против этого. Дальневосточная краевая конференция правых эсеров, проходившая в Хабаровске 31 октября – 3 ноября 1917 г., высказалась против захвата власти Советами и

за передачу власти Учредительному собранию (далее – УС) [5, с. 46]. Смена власти и издание первых декретов СНК изменило соотношение политических сил во Владивостоке: при переизбрании 5 (18) ноября 1917 г. по требованию солдат и рабочих Исполкома Владивостокского Совета большинство в нем получили большевики (18 чел.), кроме них избрали 11 эсеров (преимущественно левых), 8 беспартийных и 3 меньшевика, что обеспечило принятие исполкомом 16 (29) ноября решения о проведении в жизнь постановлений Советской власти² [3, с. 148-149; 5, с. 47].

При этом события в столице и эти решения исполкома Совета почти не отразились на работе городской думы: в октябре-ноябре 1917 г. гласные обсуждали только экономические проблемы, 9 октября дума, еще уповая на Временное правительство, отправила телеграмму с просьбой «издать специальный для гор. Владивостока закон, дающий право Городской Управе издавать обязательное постановление, устанавливающее определенную квартирный максимум, превышение которого дает управе право реквизиции для отвода помещений нуждающимся в квартирах», а 28 ноября 1917 г. уже самостоятельно приняла постановление «О реквизиции помещений» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 15-15об., 30). Опасаясь пьяных бунтов, 30 ноября 1917 г. ВГД издала два постановления: «О ликвидации оставшихся на водочных заводах и в торговых заведениях всех водочных изделий и спиртовых морсов (настойки)» и «По борьбе с пьянством в гор. Владивостоке» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 767. Л. 32-33).

Последствия Октябрьского переворота на работе думы сказались в начале декабря 1917 г., когда произошел раскол между леворадикальными и умеренными социалистами. На заседании ВГД 5 декабря председатель думы зачитал телеграмму Иркутской городской думы о репрессиях против членов Учредительного собрания. О каких событиях шла речь в телеграмме? 26 ноября 1917 г. Председатель СНК В.И. Ленин подписал декрет «К открытию Учредительного собрания», по которому для его открытия требовался кворум в 400 делегатов, тем самым отсрочив начало его работы. 28 ноября в Петрограде 60 делегатов – в основном правых эсеров – пытались начать работу УС, а в помещении Синода состоялось собрание чинов-

ников высших государственных учреждений с докладами об УС, но в зал вошли представители ВРК и красногвардейцы и арестовали участников.

Речи гласных – меньшевиков и эсеров – показывают, что принимать решения им приходилось в условиях недостатка информации, недоверия к большевикам, подозрения в недемократичности действий СНК в отношении кадетов и возможности дальнейшей подобной же участи для их партий. С протестом против репрессий в отношении депутатов УС от фракции эсеров выступил член управы Б.А. Косминский. Он озвучил ходившие в то время в стране обвинения в адрес большевиков в заключении тайных договоров и «соглашателстве с немецкой буржуазией» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 102-102об.).

В унисон ему выступил и А.Ф. Агарев: «С первых дней русской революции во всех программах социалистических партий выдвигался лозунг «Созыва Учредительного собрания». ... В выборах участвовали все партии. Местные б-ки во время выборов выставили лозунг: «хлеба, мира и своевременного созыва Учредительного собрания». Всем нам казалось, что Учредительное собрание решит вопрос о власти. Но вот начали раздаваться отдельные голоса б-ков, что если Учредительное собрание не санкционирует декретов совета народных комиссаров, то оно будет разогнано. Совет Народных Комиссаров молчит по вопросу... Мы узнали, что частное совещание Членов Учредительного собрания не было допущено. Вы помните царское самодержавие, как оно расправлялось с депутатами. Все же в таких случаях оно считало необходимым выпустить лживое объяснение о причинах арестов. До сих пор страна не знает, почему Члены Учредительного собрания арестованы. ... Я надеюсь, что ВГД единогласно присоединится к протесту против насилий и покушений на завоевания революции ...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 102об.-103). С эсерами и меньшевиками солидаризировались представители ПНС.

Однако большевики, примкнувшие к ним левые эсеры и представители союза квартиронимателей объясняли аресты депутатов их контрреволюционной деятельностью, подчеркивая, что в условиях революции и гражданской войны «нет места демократическим законам и репрессии неизбежны», и поскольку «за большевиками весь народ», именно они представляют революцию. Иркутская же телеграмма – «плод

² В одной из работ даты приведены по старому стилю, в другой – по новому.

контрреволюции» и, поддерживая ее, дума Владивостока вступает на этот же путь. Большевик Рабизо заявил, что решение, на котором настаивают меньшевики и эсеры, «будет посмешищем всего Владивостокского пролетариата». Его поддержал еще ряд ораторов (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 103-103об.).

Ответ Агарева леворадикальной части гласных отразил разногласие среди социалистов 1917 г.: меньшевики и эсеры, в отличие от большевиков, скептически относились к перспективам социалистической революции в России, а следовательно большевики, не отражая мнения большинства населения, не имели права захватывать власть и проводить социалистические преобразования, их действия были контрреволюцией и вызвали гражданскую войну, а единственными способами удержания власти для меньшинства будут террор и насилие (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 103об.-104).

К концу прений на заседание пришел большевик А.Я. Нейбут и заявил, что не было никаких оснований для постановки вопроса о репрессиях против УС: «... по чисто техническим причинам открытие УС 28 ноября не могло состояться. Вопрос не об аресте Членов УС, а определенных лиц, замешанных в Корниловщине. Теперь пытаются использовать эти аресты, чтобы создать соответствующее общественное мнение. Корнилов – изменник. Партия к-д до самого последнего времени защищала этого генерала. ... Главари этой партии и Родзянко подготовляли сдачу Петрограда. Советы спасли нас от этого позора, который готовила партия Народной измены. Разве Ваш «Голос Приморья» не пел хвалебные гимны Корнилову». Последние его обвинения вызвали протестующие крики «ложь» со стороны кадетов, но Нейбут продолжал: «Мы еще не имеем сведений из Петрограда. Здесь ставится вопрос не об УС, а о Советах, которые создали свое Правительство. Вот почему Агареву хлопали представители партии к-д. Демократическая Дума должна поставить вопрос, против кого она направляет свой протест. Я думаю, что ВГД протеста не вынесет, так как для этого нет серьезных оснований» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 104-104об.).

Однако его выступление не переломило ситуации. Дума подавляющим большинством – 42 голосами за, 7 против, при 7 воздержавшихся осудила «нарушение неприкосновенности личности членов УС, как всенародных избранников, независимо от их политических убежде-

ний» и потребовала «немедленной передачи всей власти единственному правомочному органу – УС, прекращения всех репрессий против отдельных членов УС, к каким бы партиям они не принадлежали, восстановления полной свободы печати и неприкосновенности личности и жилища и опубликования тех условий со стороны Германии и Австро-Венгрии, которые послужили поводом для перерыва переговоров о перемирии, а равно и тех условий, которые выставлены центральными державами в настоящее время» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 104об.-105).

Поняв, что этот бой проигран, семь большевиков подписали заявление протеста. Не имея возможности доминировать в думе, они вышли из нее (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 746. Л. 105). 1 января 1918 г. «эсеры центровики» решили отделиться от «максималистов, как справа, так и слева», определив свою платформу: законной властью в стране признавалось Учредительное собрание, произошедшая революция не социалистическая, а народно-трудовая [1: 16 (3) января]. 10 января 1918 г. заявили о выходе из думы левые эсеры. Эти демарши стали началом острого размежевания социалистического лагеря и очередным обострением борьбы за власть в городе. С начала января большевики развернули кампанию в прессе по дискредитации городской думы. По городу прокатилась волна собраний профсоюзов и комитетов воинских частей, поддерживавших разгон УС и обвинявших городскую думу в контрреволюции с требованием ее разгона или переизбрания [2, 9, 12, 13, 14, 16, 17, 20, 21 января]. Большевики и кадеты на страницах своих газет упрекали большевиков в грязных технологиях: они наполняли залы собраний своими сторонниками – членами союза грузчиков, красногвардейцами, которые либо срывали собрания криками и шумом, либо создавали большинство, голосующее как угодно большевикам. Последние категорически отрицали подобные обвинения [1: 17 (4) мая; 2, 9, 14 янв.].

25 января 1918 г. Владивостокская организация РСДРП(б) постановила: вменить «в обязанность своей советской фракции поставить и поддержать вопрос об издании декрета об упразднении городской думы» [4, с. 142]. Дальнейшие события в литературе изложены по-разному. А.И. Крушанов пишет, что 31 января 1918 г. Исполком Совета распустил городскую думу, заменив ее муниципальной секцией при Совете [4, с. 142], а Б.И. Мухачев – что Испол-

ком Совета лишил думу властных полномочий 5 июня 1918 г. [7, с. 164, 168]. Судя по местным газетам, резолюции о роспуске думы Советом принимались 25 февраля 1918 г. [1: 3 марта] и 2 мая (19 апреля) 1918 г. (опубликована в газете «Крестьянин и рабочий» 3 мая), однако реализация на практике этого решения состоялась 5 мая (22 апреля) 1918 г. [1: 11 мая (28 апреля)].

В январе же после выхода большевиков и левых эсеров из состава городской думы оставшаяся часть гласных – в большинстве меньшевики и правые эсеры, с одной стороны, желая соответствовать демократическим ценностям и не желая уподобляться большевикам – «узурпаторам», с другой – под давлением травли, развязанной оппонентами, решили объявить выборы нового состава думы. Это была попытка подтвердить легитимность думы как претендента на власть в городе. 15 января 1918 г. на заседании думы городской голова поставил вопрос о доверии думе и решении управы предложить сложить полномочия думы добровольно. Мнения гласных разделились, возражавшие настаивали, что дума избрана до 1 января 1919 г., а политические настроения населения меняются почти еженедельно и предложили провести не выборы, а референдум (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 3-5об). Голосовались оба варианта, и большинством голосов (25 – за, 8 – против, при 9 воздержавшихся) прошло постановление провести перевыборы. Дума избрала комиссию по организации выборов (Б.А. Косминский, В.А. Розенблюм, П.Ф. Чернявский) «с предоставлением ей права пополнять свой состав представителями от политических партий, от организаций и от групп, от которых поступят кандидатские списки» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 5об.; Д. 840. Л. 1). Дальнейшие события показали, что в условиях политической нестабильности, экономической разрухи организовать выборы в короткие сроки без нарушений было невозможно. Всю первую половину 1918 г. дума регулярно рассматривала вопросы организации выборов, констатировала невозможность их провести и переносила сроки: 15 января 1918 г. выборы назначили на 18 февраля, 19 января перенесли на 25 февраля (по старому стилю), 19 апреля – на 2 июня, 12 июня – на начало июля, 5 июля – на 20-21 июля, 15 июля – на 27-28 июля (по новому стилю) (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 25, 43об., 56об.-57; Д. 837. Л. 4-5, 12).

Конец февраля – начало марта 1918 г. ознаменовались очередным обострением полити-

ческой обстановки в городе. 3 марта 1918 г. IV чрезвычайным съездом Советов был ратифицирован Брестский договор о мире. Обнародование СНК декларации о выходе России из войны напрямую ударило по экономическому состоянию Дальнего Востока: союзные державы в ответ закрыли границы и запретили вывоз товаров и продовольствия из Маньчжурии в Россию через все пропускные пункты в Амурской, Приморской и Забайкальской областях на неопределенное время. Во Владивостоке, не имевшем достаточно собственного продовольствия, сразу стала ощущаться его нехватка [1: 1 марта]. Резолюции протеста против заключения Брестского мира, кроме ПОЗУ и ВГД, вынесли собрания меньшевиков и эсеров Владивостока, Никольско-Уссурийская городская и земская управы, множество союзов [1: 1, 7 марта].

Введенный Советами рабочий контроль на промышленных и торговых предприятиях вызвал недовольство их владельцев и части служащих, а последовавшие аресты представителей Ново-гостинодворской и Шестовской биржевых артелей, биржевого комитета, почтовой и телеграфной конторы, Добровольного флота еще больше накалили атмосферу. По городу прокатилась волна протестов разных обществ и профсоюзов, консулов, земства и городского самоуправления против насилия Советов. Забастовки объявили союз торговли и промышленности, почтово-телеграфные чиновники, служащие Добровольного флота и пр. Представители городского самоуправления выступали в качестве переговорщиков, созывали согласительные комиссии, пытаясь разрешить конфликтные ситуации. Однако позиция Советов была непреклонной [1: 3, 7, 8, 9, 15 марта]. Рефреном со страниц меньшевистских газет звучали слова «России не нужна диктатура. Ей нужна народная авторитетная власть», и единственной властью на местах должно быть земство, а в городе – городское самоуправление [1: 9, 12 марта].

В начале марта от звания гласного отказался М.Н. Вознесенский в знак протеста против нерешительности городского головы и управы, а через несколько дней по постановлению комитета ПНС и остальные гласные от этой партии [1: 8, 12 марта]. Мартовское обострение борьбы за власть в городе проходило на фоне роста преступности, антисанитарии, эпидемии тифа и других заразных болезней, дефицита средств в городской кассе. 28 (15) марта 1918 г. на экстренном заседании думы городской голо-

ва фактически расписался в бессилии изменить ситуацию в городе и предложил принять обращение к населению и в первую очередь к рабочим – поддержать думу и отказать в поддержке Исполкому Совета [1: 30 (17) марта].

5 апреля (23 марта) 1918 г. Агарев выступил с открытым письмом, обвинив Исполком Совета в развале финансовой системы, и с призывом бросить борьбу за власть и помочь думе и управе исправить ситуацию в городе [1: 5 апреля (23 марта)]. В этом же номере газеты «Далекая окраина» было опубликовано сообщение о нападении грабителей на японскую торговую контору Исидо 4 апреля (22 марта), использованное в качестве предлога для высадки на следующий день японского и английского десантов.

5 апреля в городе высадили японский десант и было расклеено обращение адмирала Като о дружественности намерений и основной цели десанта – защите жизни и собственности японских подданных. Иностранцы десанты вызвали шквал протестов общественных организаций, партий. ВГД, ПОЗУ, Исполком Совета приняли резолюции протеста и направили их в адрес японского командования, консульского корпуса [1: 6 апреля (24 марта)].

Подобное единодушие, казалось бы, должно было побудить к новой консолидации политических сил и коллективным действиям, однако большевики в очередной раз продемонстрировали отказ от компромиссов и коалиций. Городская дума и управа пошли на соглашение с местной буржуазией: для организации действенной охраны и борьбы с преступностью дума согласилась на образование исполнительной комиссии по делам милиции, в нее вошли представители биржевого комитета, Лиги благоустройства Владивостока, общества содействия торговли и промышленности, Советов и других общественных организаций. Торгово-промышленные круги выделили средства на милицию [1: 7 апреля (25 марта)], (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 71, 85-85об.).

19 (6) апреля 1918 г. дума приняла воззвание к населению с объяснением мотивов решения о досрочном переизбрании думы, которое в этот же день было опубликовано. В нем говорилось о необходимости «создать авторитетную власть» и разрешить «спор о том, за кем большинство населения» путем всенародного голосования, при этом население должно «дать обязательство признать этот орган, который будет рожден новыми выборами. Только таким путем может быть разрешен самый больной для

нашей жизни вопрос о власти...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 837. Л. 54-55.), [1: 21 (8) апреля].

В середине апреля Крестьянский съезд в Никольске-Уссурийском принял решение об упразднении земства, большевики преподносили его как торжество Советской власти, меньшевики – как «катастрофу», контрреволюционный шаг по разгону органов, избранных на основе всеобщих, прямых, тайных и равных выборов [1: 18 (5) апреля; 20 (7) апреля]. Действия Совета и большевиков были направлены на устранение многовластия на местах и исполнения директив СНК, тот факт, что часть партийных и общественных сил не разделяли их решений, не волновала ни ЦК партии, ни местных большевиков. 24 (12) апреля 1918 г. в областную земскую управу явились представители Советов и потребовали передачи дел избранной на съезде ликвидационной комиссии. Председатель А.С. Медведев и все члены управы категорически отказались сдать дела, заявив о непризнании решений крестьянского съезда. На следующий день вооруженный отряд красногвардейцев был введен в здание управы, и та прекратила работу [1: 25 (12) апреля].

Вслед за земским, наступил черед городского самоуправления: следующие несколько дней местные газеты яростно критиковали городскую думу и управу за бессилие и неспособность справиться с разрухой, безработицей, преступностью, и предрекали ее разгон [1: 28 (15) апреля, 10 мая (27 апреля)].

5 мая (23 апреля) 1918 г. в кабинет городского головы вошли представители Совета и объявили о прекращении работы городского самоуправления [1: 11 мая (28 апреля)]. Более 53 общественных организаций приняли резолюции протеста против разгона думы, город готовился к манифестации, а исполком Совета развесил объявления с призывом ко всем рабочим «оставаться спокойными и быть в полной готовности на заводах, не участвовать в выступлении и не поддаваться на провокации». Выступать только по требованию исполкома» [1: 14 (1), 16 (3) мая, 17 (4), 18 (5), 19 (6), 21 (8) мая]. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 60-62).

Фактически в течение мая-июня в городе параллельно действовали два городских самоуправления. Несмотря на захват Советами думы, управы, затем городского банка и ломбарда, старая дума в условиях отсутствия доступа к городским финансам и своим помещениям не могла исполнять свои функции, но собралась на заседания 11 мая и 12 июня 1918 г. (н.ст.) для

обсуждения текущего момента и организации выборов новой думы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 43-45, 60-62). «Коллектив городского хозяйства», несмотря на трудности с подбором кадров и сопротивление части городских служащих, приступил к работе [1: 17 (4), 18 (5) мая; 6, с. 166].

Политические события развивались стремительно, не успел город вспомнить о разгоне городского и земского самоуправлений и последовавших протестах, как 29 июня 1918 г. (н.ст.) во Владивостоке произошел чехословацкий переворот, а на заседании 30 июня городская дума приветствовала его. Гласные обсудили вопросы о перевороте, Сибирском Правительстве, попытке городского самоуправления создать коалиционную власть и перевыборах городской думы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 46-52), [3, с. 239, 252; 6, с. 167]. Очередная попытка городского самоуправления достичь компромисса с «цензовыми элементами», ЦБ профсоюзов и большевиками по созданию коалиционного правительства провалилась, и те, и другие проявили «непримиримость». Результаты переговоров городской думе Агарев доложил на заседании 5 июля 1918 г. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 56-56об.).

27-28 (14-15) июля 1918 г. состоялись выборы в городскую думу, 29-30 (16-17) июля городская избирательная комиссия подвела их итоги. Наибольшее число голосов набрали кандидаты от списка №17 ЦБ профсоюзов, находившихся под влиянием большевиков, – 53 гласных (52,5%), на втором месте – список №10 Демократический блок социалистических партий и профсоюзов (меньшевики и эсеры) – 22 чел. – 21,8%, на третьем – №9 (ПНС и организации на принципе народовластия) – 17 чел. (16,8%). Все остальные списки вместе набрали всего 7 мест в думе (7%), в том числе по одному месту – №2 (Чуркооператив), №5 (от корейского населения), №8 (Еврейский национально-демократический список), №14 (от украинцев), №18 (от союза моряков торгового флота); по два места получили списки №1 Союз домовладельцев и общества содействия торговли и промышленности и №4 (от жителей окраин Первая речка, Куперовская и Голубиная пади, Матросская слободка). Семь списков набрали столь мало голосов избирателей, что не смогли провести ни одного кандидата в гласные (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 836. Л. 8-12).

Результаты демонстрируют изменения в общественных настроениях. Социалистические

партии одержали победу, но их популярность в сравнении с выборами 16 июля 1917 г. снизилась с 83,17% до 74,3%, а вот списки №9 ПНС и №1 Союз домовладельцев и Общества содействия торговле и промышленности вместе нарастили свои позиции с 4% до 18,8%. На этих выборах слабо сработала в качестве избирательной платформы защита интересов окраин, вероятными причинами были выдвижение от окраин нескольких списков. Малоимущее население в условиях политического размежевания общества предпочло голосовать не за них, а за левые партии. Попытка сыграть на национальных чувствах проживавших в городе украинцев, поляков, евреев, корейцев также не удалась, хотя уже в годы Первой мировой войны наблюдалась мобилизация по этническому признаку, усилившаяся во время революции и гражданской войны (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 840. Л. 175-179об.).

Выборы 27-28 июля 1918 г., подготовка к ним, выборные практики и их результаты являются наглядной иллюстрацией революционного творчества масс, стремления списать все на обстоятельства времени и вольного отношения к законам. В результате, с одной стороны, политической нестабильности и экономической разрухи, осложнивших организацию выборов, с другой, несоблюдения законов о выборах избирательной комиссией и думой, озабоченных, скорее, предоставлением возможности народным массам выразить свою волю, чем соблюдением законодательных норм, выборы были признаны недействительными. На нарушение законов в ходе выборов было подано несколько жалоб: две – гласного думы А.Ф. Лаговского и одна – председателя ПОЗУ А.С. Медведева (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 837. Л. 8, 11-11об., 21). 12 августа (30 июля) 1918 г. Окружной суд настаивал, что если учитывать «условия момента», то «все положение о выборах теряет свое значение и вместо закона – устанавливается административное усмотрение, совершенно исключающее возможность правильного производства выборов» и определил: «Произведенные 27 и 28 июля н.с. 1918 г. выборы гласных Владивостокской Городской думы, как неправильные во всей их совокупности, отменить» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 837. Л. 29-32).

Поскольку суд результаты выборов отменил, остаток лета и осень 1918 г. продолжал работать старый состав городской думы, гласные – большевики и кадеты в думу не вернулись, но она функционировала, сосредоточившись на эконо-

мических проблемах. К сожалению, небольшой объем статьи не позволяет рассмотреть хозяйственную деятельность «социалистической» думы, которая упорно, но часто безрезультатно пыталась решить проблемы наполнения городского бюджета, повышения жалования городским служащим, организации работы обширного городского хозяйства, включая заботы об обеспечении жильем, продовольствием населения города, здравоохранении, образовании, безопасности и борьбы с преступностью, социальной помощи неимущим, благоустройстве и санитарном состоянии города, незаконным захватом городских земель. Огромный вал проблем в условиях политической нестабильности и финансовой разрухи в стране непосильным грузом лег на плечи городского самоуправления, а критика справа и слева и отказ оппонентов от консолидации сил лишь осложняли положение.

Последний раз политические вопросы рассматривались «социалистической» думой на внеочередном заседании 21 (8) ноября 1918 г. Репрессии, сопровождавшие приход к власти Колчака, вызвали среди гласных думы столь же активный протест, как и разгон УС. Не владея полной информацией, ВГД посчитала «своим долгом в самой решительной форме осудить дерзкое покушение на верховную власть...» (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 145).

Последний раз «социалистическая» дума собралась накануне выборов – 22 (9) декабря 1918 г. На выборах 29 (16) декабря 1918 г. наибольшее число голосов избирателей набрал список №3 от партии Народной Свободы и несоциалистических организаций, от него прошло в думу 55 чел. (54,5%), второе место было за списком №7 от блока социалистических партий и профессиональных союзов, стоящих на платформе народовластия – 31 гласный (30,6%), третье – список №4 беспартийного демократического трудового блока – 7 гласных (6,9%), остальные списки провели в думу в общей сложности – 8 гласных: по одному чел. – списки №5 (Владивостокской Еврейской общины) и №6 (Украинского блока) и по два – №1 (населения Ново-Корейской слободки), №2 (группы сионистов и беспартийных евреев) и №8 (ЦБ профсоюзов) (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 847. Л. 1-9).

На результатах выборов сказалось, по мнению социалистов, «вопиющие нарушения свободы предвыборных действий в отношении трудовых слоев населения» (РГИА ДВ. Ф. 28.

Оп. 1. Д. 847. Л. 36-37). ЦБ профсоюзов накануне выборов – 26 (13) декабря – на конференции постановило снять с выборов свой список №8 и призвало рабочих «к организованному бойкоту» выборов. Однако избирательная комиссия список не сняла, мотивировав поздними сроками подачи заявления об этом, и часть избирателей за список проголосовала (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 844. Л. 22). Возможно, результаты выборов отразили и усталость населения от социалистических экспериментов Советов и не слишком большие достижения старой «социалистической» думы. 21 (8) января 1919 г. состоялось первое заседание новой думы (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 794. Л. 171; Д. 847. Л. 21, 23-24).

Деятельность социалистической думы Владивостока отражает все политические перипетии 1917-1918 гг. и борьбу за власть между разными партиями в городе. Социалистические партии сделали городскую думу площадкой политических дискуссий и борьбы за власть, хотя Партия народной свободы, будучи в меньшинстве, лишь проговаривала свою позицию по острым вопросам и не могла оказать хоть какое-то влияние на принимаемые решения. Учитывая присутствие на заседаниях многочисленной публики, дума использовалась как трибуна для агитации и пропаганды. Владивостокская Дума реагировала на все основные политические события – Стокгольмская конференция, Корниловское выступление, репрессии против членов Учредительного собрания и его разгон, высадка японского и английского десантов, чехословацкий переворот во Владивостоке, приход к власти Временного правительства Автономной Сибири и Колчака. При отсутствии реакции думы на Октябрьский переворот, репрессии против членов УС в декабре 1917 г. были восприняты гласными – правыми социалистами как посягательство на идеалы демократии, контрреволюция и узурпация власти большевиками.

На первом этапе революции наличие общего врага – «старого режима» – обеспечило консолидацию разных партийных и общественных сил: единым фронтом выступали социалистические партии, не наблюдалось острых конфликтов и с кадетами. Отношения социалистов с ПНС обострились после Корниловского выступления, разлад же внутри социалистического лагеря в думе случился после репрессий большевиков против Учредительного собрания. Большевики и левые эсеры покинули городскую думу в знак протеста против ее «контрреволюционного» решения о поддержке УС, а

в начале марта ряды гласных покинули кадеты, протестуя против нерешительности городского самоуправления. В думе остались меньшевики, правые эсеры, представители окраин и трудовой интеллигенции, тем не менее и в меньшинстве она продолжила работу.

ВГД выступала в качестве одного из претендентов на власть в городе и как одна из арен борьбы за власть между разными партиями. Фактически социалистическая дума Владивостока представляла попытку альтернативного варианта развития революции в России – так и не достигнутый компромисс разных партий и слоев населения и создание коалиционной власти. Главные достоинства правых социалистов – склонность к компромиссам, нежелание применять насилие и репрессии в отношении противников, стремление избежать обвинений в узурпации власти – фактически обернулись против них. В условиях политического и экономического кризиса, усталости населения от безвластия и возвращения «маятника истории» от либеральных настроений к надеждам на сильную авторитарную власть, вероятно, именно сосредоточение власти в одних руках было единственно возможным выходом из создавшейся ситуации. К иному варианту – широкой коалиции разных партийных сил, судя по действиям леворадикалов и кадетов, а иногда и самих правых социалистов, ни одна из партий не была готова. Большевики и правые эсеры Владивостока не смогли преодолеть своего неприятия буржуазии, кадеты же – понять и принять необходимость социальных реформ и уступок «трудовым слоям населения», радикальные социалисты, вероятно, под влиянием директив из центра, перешли от сотрудничества с правыми социалистами к установлению своей власти. Демократическая альтернатива вряд ли могла победить в той России – в расколотой стране, не готовой к компромиссам, взаимному доверию и восприятию позиции политических противников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Далекая окраина. 1918.
2. Известия Советов рабочих и солдатских депутатов. 1918.
3. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 2003.
4. Крушанов А.И. Победа Советской власти на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 – апрель 1918 г.). Владивосток, 1983.
5. Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период

гражданской войны 1917-1922 гг. Хабаровск, 2005.

6. Малия М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира. М., 2015.

7. Мухачев Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 – июле 1918 гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Сб. науч. трудов. Т. III. Владивосток, 1998. С. 158-168.

8. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. М., 2001.

9. Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004.

10. Тригуб Г.Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России в период гражданской войны и интервенции // Ойкумена. 2007. №3 (4). С. 64-80.

11. Скочпол Т. Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая. М., 2017.

REFERENCES

1. Dalekaya okraina, Vladivostok, 1918 (in Russ.)
2. Izvestiya Sovetov rabochih i soldatskih deputatov, Vladivostok, 1918 (in Russ.)
3. Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'nii Vostok Rossii v period revolyutsii 1917 goda i grazhdanskoi voiny [History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. Russian Far East during the Revolutions of 1917 and Civil war]. Vladivostok, 2003. (in Russ.)
4. Krushanov, A.I., 1983. Pobeda Sovetskoj vlasti na Dal'nem Vostoke i v Zabaikal'e (1917 – aprel' 1918 g.). [The victory of Soviet power in the Russian Far East and Transbaikalia (1917 – April 1918)]. Vladivostok. (in Russ.)
5. Kuz'min, V.L. and Tsipkin, Yu.N., 2005. Esery i men'sheviki na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoi voiny 1917-1922 gg. [The SRs and Mensheviks in the Russian Far East during the Civil war of 1917-1922]. Khabarovsk. (in Russ.)
6. Maliya, M., 2015. Lokomotivy istorii. Revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira [Locomotives of history. Revolutions and the formation of the modern world]. Moskva. (in Russ.)
7. Mukhachev, B.I., 1998. Politicheskaya deyatel'nost' Vladivostokskoi gorodskoi dumy v

martse 1917 – iyule 1918 gg. [The political activity of the Vladivostok City Duma in March 1917 – July 1918]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka*. T. III. Vladivostok, pp. 158-168. (in Russ.)

8. Narskiy, I.V., 2001. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917-1922 gg.* [Life in the catastrophe: Everyday life of Ural region in 1917-1922]. Moskva. (in Russ.)

9. Trigub, G.Ya., 2004. *Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii i vzaimootnosheniya ee organov s gosudarstvennoi vlast'yu (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX v.)* [Formation of the local

government system in the Russian Far East and its relationship with state authority (late XIXth – early XXth century)], *dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk*. Vladivostok. (in Russ.)

10. Trigub, G.Ya., 2007. *Mestnoe samoupravlenie na Dal'nem Vostoke Rossii v period grazhdanskoi voyny i interventsii* [The local government in the Russian Far East during the Civil war and intervention], *Oikumena*, no. 3 (4), pp. 64-80. (in Russ.)

11. Skocpol, T., 2017. *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii. Sravnitel'niy analiz Frantsii, Rossii i Kitaya* [States and social revolutions. A comparative analysis of France, Russia and China]. Moskva. (in Russ.)

Н.А. Беляева*

ТАМОЖЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИАМУРЬЯ В 1917 г.: ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На основе архивных документов в статье рассматривается внутренняя жизнь таможенных учреждений Приамурья, уделяется внимание противоречиям между профессиональной и общественной стороной жизни работников таможни. Автор анализирует усилия департамента таможенных сборов, таможенных инспекторов и управляющих таможнями, направленные на борьбу с падением служебной дисциплины, преодоление раскола, сохранение авторитета таможенной службы в условиях революционного кризиса.

Ключевые слова: Приамурье, революционный кризис, таможенные учреждения, общественная жизнь, профсоюзы

The customs offices of Priamurye in 1917: public and professional life. NATALIA A. BELYAEVA (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

Based on archival documents, the article deals with the internal life of customs offices of Priamursky region, focusing on the contradictions between the professional and public sides of the life of customs employees. The author analyzes the efforts of the customs fees department, customs inspectors and customs administrators aimed at combating the violations of labour discipline and maintaining the authority of the customs service in the conditions of the revolutionary crisis.

Keywords: Priamurye, revolutionary crisis, customs offices, social life, trade unions

История таможенного дела в начале нынешнего века все более превращается в самостоятельное научное направление. В контексте экономической истории активно изучается тарифная политика [3], с точки зрения истории права – правовое регулирование таможенной деятельности [2; 6]; с точки зрения истории государства – таможня как один из институтов государства [4]. Все эти проблемы раскрываются на общероссийском и региональном материале и хронологически охватывают весь период существования российского государства. Наименее изученной на сегодняшний день остается

история таможенных учреждений и таможенной деятельности периода революции и гражданской войны.

Отдельные сюжеты этой многогранной темы отражены в исследованиях финансовой политики белых правительств [10], истории борьбы с контрабандой [7; 9]. Некоторые аспекты истории таможенной службы освещались в отечественной историографии с точки зрения становления таможенной системы советского государства [8]. К сожалению, можно назвать лишь несколько современных публикаций, в которых рассматривается собственно функциони-

---

* БЕЛЯЕВА Наталья Анатольевна, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: minava204@rambler.ru

© Беляева Н.А., 2017

рование и положение таможенных учреждений в условиях гражданской войны [1; 5].

Данная статья посвящена истории таможенных учреждений Приамурского края в 1917 г. При этом особое внимание уделено новым явлениям в жизни строго централизованного и бюрократически организованного таможенного ведомства, которые проявили себя в буквальном смысле с первых дней существования нового республиканского государства.

Исследование выполнено на основе архивных документов из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: Хабаровского и Владивостокского таможенных участков, Владивостокской, Благовещенской и Хабаровской таможен. Часть документов извлечена из фонда Приамурского таможенного округа. Несмотря на то, что округ еще в 1912 г. прекратил свое существование, уступив место таможенным участкам как органам местного таможенного управления, в фонде сохранились некоторые документы, относящиеся к событиям 1917-1918 гг.

Большинство выявленных документов относится к таможенному делопроизводству: циркуляры департамента таможенных сборов и участковых таможенных инспекторов, распоряжения и приказы управляющих таможнями, рапорты таможенных чиновников, протоколы собраний и съездов местных отделов Всероссийского союза таможенных служащих. Все они позволяют увидеть новые явления в жизни таможенных учреждений, показать процесс преодоления противоречий между задачами таможни как государственного института и общественной активностью отдельных членов «таможенной семьи».

К началу революционных событий таможенные учреждения на территории Приамурья (таможни 2-го класса, таможенные заставы и посты) входили в состав Хабаровского и Владивостокского таможенных участков и подчинялись таможенным инспекторам. Таможни 1-го класса (Владивостокская и Николаевская-на-Амуре), находились в ведении департамента таможенных сборов и подчинялись участковым инспекторам лишь в инспекционном отношении. В годы Первой мировой войны приамурские таможни продемонстрировали способность работать в экстремальных условиях. Речь идет прежде всего о Владивостокской таможне, на плечи которой легло обеспечение бесперебойной работы Владивостокского порта.

В первые месяцы становления новой республиканской государственности таможенное ве-

домство пыталось приспособиться к изменившимся условиям, чтобы не допустить хаоса на границе и перебоев в пропуске грузов. Многие направления деятельности таможенных учреждений сложились еще в период мировой войны: запреты и ограничения на ввоз отдельных категорий товаров, в первую очередь товаров воюющих с Россией государств; льготные условия пропуска грузов военного назначения; распространение преференций на торговлю новых государств, присоединившихся к Антанте. Все эти направления отражены в распоряжениях Временного правительства, министра финансов Временного правительства, циркулярах и распоряжениях департамента таможенных сборов [11]. Они касались исключительно профессиональной сферы, которая оказалась в прямой зависимости от общественной жизни, появившейся в таможенных учреждениях с первых дней новой эпохи.

Следует заметить, что многие шаги департамента таможенных сборов носили упреждающий характер. Еще 28 февраля 1917 г. на заседании временного комитета членов Государственной думы были назначены комиссарами по Министерству финансов И.В. Титов и В.А. Виноградов. Телеграфируя об этом во Владивосток и Хабаровск директор департамента С.А. Гринвальд и вновь назначенные комиссары просили «всех членов ведомства незамедлительно возобновить текущую работу в учреждениях Министерства финансов» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 411. Л. 44).

Руководители таможенных учреждений – таможенные инспекторы и управляющие таможнями – с пониманием отреагировали на призыв руководства. Уже 6 марта в приказе по Владивостокской таможне управляющий И.К. Ковалевский призывал чиновников отнестись с доверием к новому правительству и «приложить все старания как к сохранению общего порядка ..., так и к исполнению священного долга перед родиной в смысле спокойного и энергичного продолжения каждым возложенных на него служебных обязанностей, памятуя, что наша таможня призвана служить на оборону государства» (РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 411. Л. 44 об.).

7 марта таможенный инспектор Н.Н. Котлов посетил Хабаровский комитет общественной безопасности (КОБ) и от имени чинов вверенного ему участка заявил о полном доверии лицам, стоящим «во главе нового строя», о своей

солидарности «с устанавливаемым порядком и полной готовности приложить все силы к службе на пользу и благо дорогой Родины» (РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 26).

Подавляющее большинство таможенных чиновников также положительно восприняли рождение республиканской власти. Однако изменение политических условий не могло не сказаться на морально-психологической обстановке в таможенной среде. Первая проблема, которая отчетливо обозначилась в условиях революции, – падение дисциплины. Уже 11 марта 1917 г. Хабаровский таможенный инспектор направил всем подведомственным учреждениям циркуляр «О новых условиях работы». Наряду с обоснованием отношения к новой власти, письмо содержит обращение к определенной части сотрудников, которых инспектор призывает проникнуться пониманием важности в данный момент «нашей службы» для нашего отечества и «с полным доверием к старшим» (выделено мной – прим. авт.) исполнять свои обязанности, «ибо только при таких условиях возможна дружная успешная работа, и мы окажемся наиболее полезными слугами для нашей родины» (РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 26-26об.). Можно было бы не акцентировать внимание на этом фрагменте, если бы через две недели, 25 марта 1917 г., инспектор не обратился со специальным посланием к таможенным досмотрщикам Хабаровского участка.

Поводом для письма стали участвовавшие случаи неповиновения досмотрщиков «законным требованиям управляющего». Инспектор реагировал на появление первых признаков разрушения традиционных для таможенного ведомства отношений старших и младших служащих, выразившееся в нарушении служебной дисциплины и субординации. Из текста письма следует, что в таможенных учреждениях Хабаровского участка появились некие «темные личности», которые стараются «вооружить» младших служащих «против начальствующих лиц» (РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 27). Подчеркивая, что нарушители дисциплины должны немедленно увольняться, инспектор на первый раз ограничился переводом «зачинщиков смуты» на другие таможенные посты, уволив лишь двух, мотивируя это нежеланием «омрачать светлые дни провозглашения свободы и гражданского равенства на нашей дорогой Родине и приняв во внимание принесенное им своим непосредственным начальникам извинение» (РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 27).

Следует заметить, что состав таможенных досмотрщиков в годы Первой мировой войны претерпел серьезные изменения: многие были призваны из запаса в действующую армию, а освободившиеся вакансии занимались людьми случайными, не знавшими ни особенностей службы, ни тем более регламентирующих ее документов. Понятно, что малообразованные, имеющие временную работу, в условиях усилившегося давления, новые сотрудники таможенных учреждений были подвержены разным влияниям и весьма своеобразно понимали провозглашенную свободу. На этом обстоятельстве в обращении делается особый акцент: «Свобода, досмотрщики, не одно и то же, что произвол. Быть свободным гражданином, это не значит, что каждый может делать все, что ему вздумается. И свободное государство управляется на основании законов, соблюдение которых требуется несравненно строже, чем в государствах несвободных. ...Вникните в это и не слушайте тех, которые стараются вооружить вас против начальствующих лиц... Воздержите ваших товарищей от нарушения дисциплины и не присваивайте себе прав, которые вам не даны законом, чтобы не подорвать к себе доверия в смысле разумного понимания вами свободы» (РГИА ДВ. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 27).

На основании этого и других документов можно представить всю сложность процессов, которые «запускаются» внутри государственных учреждений – с одной стороны их демократизация, разрушение бюрократической иерархии, допущение элементов общественного контроля в деятельности таких «строгих бюрократических» учреждений, как таможенные, с другой – вмешательство в управление, давление на чиновников, превращавшееся подчас в фактическое сведение счетов с «бывшими».

Наиболее ярко эти процессы проявились в Благовещенской таможне, коллектив которой в течение первой половины марта 1917 г. заседал почти ежедневно. Первое собрание, на котором были выбраны представители досмотрщиков для защиты их интересов «перед высшим начальством», состоялось 6 марта 1917 г. (РГИА ДВ. Ф. 1306. Оп. 2. Д. 543. Л. 2). Стремясь не упустить контроль над ситуацией, управляющий таможней В.А. Орликов на собрании 8 марта поставил вопрос о доверии себе и получил поддержку 109 чел. из 115 присутствовавших. Выразив доверие управляющему, собрание одновременно признало «нежелательным сочленом корпорации служащих Благове-

щенской таможи» пакгаузного и корабельного смотрителя А.П. Цытовича, отличавшегося, по мнению большинства, бестактными и грубым отношением не только к сослуживцам, но и к горожанам. Собрание потребовало от управляющего уволить чиновника. В «сгустившейся атмосфере», как отмечал позже В.А. Орликов, он был вынужден уступить, хотя считал такое решение результатом «свободы страстей» – вопрос в отношении прослужившего 25 лет в ведомстве чиновника не мог быть решен без объективного учета всех обстоятельств (РГИА ДВ. Ф. 1306. Оп. 2. Д. 543. Л. 6-6об.).

Не менее сложной была обстановка в учреждениях Владивостокского инспекторства. В июне 1917 г. комитет служащих Пограничной таможи фактически парализовал ее работу. Конфликт вышел на уровень департамента таможенных сборов, который разъяснил противоборствующим сторонам, что «вся ответственность за правильное течение дел в таможене лежит на управляющем», а потому ни комитеты, ни отдельные служащие или группы служащих не могут вмешиваться «в дела управления таможей», претендовать на контроль за деятельностью управляющего, «входить в обсуждение правильности или целесообразности его распоряжений», не касающихся непосредственно самих служащих или препятствовать их исполнению. Равным образом право назначения, перемещения и увольнения со службы действующими законами также не предоставлено ни самим служащим, ни их выборным органам» (РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 200).

Департамент всерьез беспокоило развитие событий в таможенных учреждениях, в которых отношения досмотрщиков (младших служащих) и чиновников (старших служащих) приобретали откровенно конфронтационные формы. Увольнение квалифицированных сотрудников, а то и руководителей таможенных учреждений по требованию общих собраний и повсеместно возникавших комитетов могло иметь необратимые последствия для таможенной деятельности. Выход из ситуации виделся в достижении компромиссов, а в дальнейшем – в создании организационных основ для решения кадровых вопросов в принципиально новых условиях.

Департамент предпринял в этом направлении некоторые шаги. Еще 22 апреля 1917 г. циркулярным порядком до таможенных инспекторов и управляющих первоклассными таможами было доведено решение Министерства финансов об образовании в таможах особых

смешанных комиссий из заинтересованных сторон «для разрешения вопросов, возникающих на служебной почве между служащими». Вопрос о составе комиссий, ввиду сложности и многообразия возникающих вопросов, был передан на усмотрение местных учреждений. Форма, в которую «выльется решение комиссии», должна была устанавливаться ею самой. В случае, если дело требовало вмешательства высшего начальства, составлялся особый журнал (протокол) с изложением конкретных обстоятельств дела и приложением письменных объяснений заинтересованных сторон, «если те пожелали дать такие объяснения» (РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 48). Такой порядок был рекомендован для всех таможен и управлений таможенных инспекторов.

Циркуляр департамента таможенных сборов был получен во Владивостоке и Хабаровске только в середине мая. К этому времени Н.Н. Котлов самостоятельно принял решение о создании в Хабаровском участке таможенного комитета из 6 человек выборных (поровну) от чиновников и досмотрщиков. Для того, чтобы обеспечить равное представительство от всех досмотрщиков, была разработана сложная система двухступенчатых выборов при тайном голосовании (баллотировке), в результате от 415 досмотрщиков, несших службу в таможенных учреждениях (за исключением Камчатки и Сахалина), должны быть избраны 3 действительных члена и 3 кандидата. Все они прикомандировывались к Хабаровской таможене, где и несли обычную службу досмотрщиков в свободное от занятий в таможенном комитете время [13, с. 87-88]. Выборы чиновников, которых было существенно меньше, осуществлялись путем направления конвертов с именами кандидатов. Члены и кандидаты определялись большинством голосов. Таможенный инспектор, его помощники, управляющий Хабаровской таможеней не могли быть в числе избранных (РГИА ДВ. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 134. Л. 200).

Выборы в комитет таможенных служащих прошли 20 июня 1917 г. Сам инспектор возлагал на коллегиальный орган большие надежды в части разъяснения сути произошедших событий. Главную причину конфликтов в таможенной среде он видел как раз в непонимании сути происходящего менее образованной частью служащих и важнейшую задачу чиновников – именно в такой разъяснительной работе.

Однако уже к лету 1917 г. невозможность урегулирования конфликтов на уровне отдель-

ных таможенных учреждений стала очевидной. В таможенной среде все более распространялась идея создания общероссийской профессиональной организации. Ее активно поддерживали и рядовые служащие, и управленческие структуры. Первые видели в создании профсоюза единственный способ защиты социальных прав и экономических интересов, преодоления оставшейся от «старого строя» жесткой иерархии. Вторые восприняли идею профсоюзного единения как способ выстроить новые отношения доверия и одновременно привлечь наиболее активных «общественников» к решению целого ряда важных социальных проблем таможенного ведомства, отвлекая их от вмешательства в профессиональную сферу. Таким образом, предполагалось четко отделить общественную жизнь, где возможность инициативы регламентировалась бы уставом союза, от профессиональной деятельности, осуществлявшейся на основе продолжавшего действовать таможенного устава и правительственных постановлений.

Идея создания профессионального союза таможенных служащих была поддержана в департаменте таможенных сборов и Министерстве финансов Временного правительства. Информировав об этом руководителей таможенных учреждений 22 июля 1917 г., директор департамента С.А. Гринвальд признавал созыв Всероссийского съезда таможенных служащих «весьма желательным», поскольку его программа касалась не только профессионального объединения, но и других важных для службы «текущих вопросов». Инспекторам и управляющим таможнями 1-го класса предлагалось оказать всяческое содействие в выборах делегатов на Всероссийский съезд, не нарушая при этом «нормального хода текущей служебной работы» (РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 408. Л. 137).

В таможенных учреждениях Приамурья нашла полную поддержку инициатива служащих Московской таможни по созданию Всероссийского союза таможенных служащих. Однако развитие профессионального движения в таможенных учреждениях на дальневосточной окраине проходило независимо от скорости и интенсивности этого процесса в центре. Первая профессиональная таможенная организация возникла в Благовещенске – еще 17 марта 1917 г. здесь был избран исполнительный комитет союза служащих Благовещенской таможни [12, с. 98]. Цели и задачи организации были отражены в ее Уставе. Главная цель союза определялась как сплочение «на основах взаимопомощи, справед-

ливости и уважения человеческой личности для удовлетворения и защиты профессиональных и экономических нужд служащих, а также для отстаивания гражданских их прав» [12, с. 91]. Через профессиональную организацию предполагалось решить целый ряд задач: добиваться улучшения материального положения прежде всего малообеспеченных (занимающих «низшие должности») членов союза; предоставления сотрудникам и семьям врачебной помощи «при минимальных затратах», а лучше бесплатной; решать жилищную проблему за счет предоставления казенных квартир не только чиновникам, но и досмотрщикам; обеспечить доступ к бесплатному образованию всех ступеней и создать возможности для самообразования через открытие при таможне библиотеки, организацию чтений и т.д.; разработать «пенсионный устав» с учетом местных особенностей; регулировать продолжительность рабочего дня; создать «примирительные камеры» (товарищеские суды) для разрешения возникающих между членами союза недоразумений. Однако среди задач профсоюза были сформулированы и выходящие за пределы социальных вопросов. К ним относилась, например, «разработка вопросов, касающихся упорядочения таможенных обрядностей и служебных отправок как внешней, так и внутренней службы», т.е. упрощение таможенных процедур; «разработка вопросов, касающихся чисто таможенного дела во всем его целом применительно к краевым условиям жизни» [12, с. 92]. Такое расширительное понимание компетенции таможенного союза можно рассматривать как предпосылку к тому хаосу, в котором окажется Благовещенская таможня в недалеком будущем. В июле 1918 г. исполнявший в отсутствие Н.Н. Котлова обязанности таможенного инспектора Н.А. Матушевский с тревогой отмечал: «В Благовещенской таможне хаос во всех частях. Управляется коллективом из трех чиновников, трех досмотрщиков. Занимаются больше политикой, интригами» (РГИА ДВ. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 137. Л. 58). Ситуация грозила стать неуправляемой на фоне давления извне – принятия съездом крестьян и казаков Амурской области решения о немедленном упразднении Благовещенской таможни и всех таможенных учреждений области с передачей охраны границы советам. Однако летом 1917 г. трудно было предположить, что события развернутся таким драматическим образом.

Профессиональные союзы приамурских таможен изначально позиционировали себя как

часть общероссийской таможенной организации, активно сотрудничали с организационным бюро по созыву 1-го Всероссийского съезда таможенных служащих, участвовали в выборах делегатов на Первый съезд и непосредственно в его работе.

Состоявшийся в Петрограде в сентябре 1917 г. первый съезд Всероссийского союза таможенных служащих можно рассматривать как попытку сохранения «единства» таможенной семьи и ее профессиональной идентичности. Однако происшедшие вскоре октябрьские события, отношение к которым в таможенной среде было далеко не так однозначно, усилили наметившийся раскол, придав ему политическую окраску. На Дальнем Востоке эти процессы вылились в увольнение целого ряда знаковых фигур под предлогом их несоответствия новым условиям. Как это ни парадоксально, но дезорганизация таможенной службы была остановлена начавшейся гражданской войной и интервенцией. В условиях политической нестабильности таможенные учреждения оказались едва ли не единственным государственным институтом, продолжавшим защищать «интересы казенного управления» даже после крушения самого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архирейский Д.В. Таможенные структуры Украины в период гражданской войны 1917-1921 гг. // Государство – экономика – политика: актуальные проблемы истории: сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции. 11-13 мая 2010. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2010. С. 6-10.

2. Балковская В.Н. Нормативное регулирование таможенного дела в первой четверти XIX в. // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2(79). С. 112-120.

3. Волков Д.В. Таможенное дело в России XIX века: опыт таможенно-тарифного регулирования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №53. С. 67-71.

4. Волков Р.С. Институционализация таможенной службы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 33. С. 180-184.

5. Дейнеко С. Всеросійська спілка митних службовців у 1917 році // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: Історія. 2014. Вип. 49. С. 57-68.

6. Котихина А.С. Нормативно-правовое регулирование организации и деятельности таможни

в Советской России 1917-1928 гг. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 38-41.

7. Ляпустин С.Н., Беляева Н.А. Организация борьбы с контрабандой в условиях гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2014.

8. Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1987.

9. Попенко А.В. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 – конец 20-х гг. XX в.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2009.

10. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 г. – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006.

11. Сборник узаконений и циркуляров по таможенной части за 1917 год. Петроград: Тип. Главного управления Пограничной охраны, 1918.

12. Таможня на Тихом океане: Документы и материалы. Вып. 1. Благовещенская таможня / сост. Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая, Е.Д. Яворская. Владивосток: РИО ВФ РТА, 2002.

13. Таможня на Тихом океане: Документы и материалы. Вып. 2. Хабаровская таможня / сост. Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток: ВФ РТА, 2004.

REFERENCE

1. Arkhireyskiy, D.V., 2010. Tamozhennye struktury Ukrainy v period grazhdanskoy voyny 1917-1921 gg. [The customs authorities of Ukraine during the Civil war, 1917-1921]. In: Gosudarstvo – ekonomika – politika: aktual'nye problemy istorii: sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii. 11-13 maya 2010. Sankt-Peterburg, pp. 6-10. (in Russ.)

2. Balkovaya, V.N., 2017. Normativnoye regulirovaniye tamozhennogo dela v pervoy chetverti XIX v. [Legal regulation of customs affairs in the first quarter of the XIXth century], Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke, no. 2(79), pp. 112-120. (in Russ.)

3. Volkov, D.V., 2007. Tamozhennoye delo v Rossii XIX veka: opyt tamozhenno-tarifnogo regulirovaniya [Customs in nineteenth-century Russia: the experience of customs and tariff regulation], Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena, no. 53, pp. 67-71. (in Russ.)

4. Volkov, R.S., 2009. Institutsionalizatsiya tamozhennoy sluzhby [The institutionalization

of the customs service], Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 33, pp. 180-184. (in Russ.)

5. Deineko, S., 2014. Vserosiis'ka spilka mitnikh sluzhbovtziv u 1917 rotsi [All-Russian union of customs officials in 1917], Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universytetu imeni V.N. Karazina. Seriya: Istorija, no. 49, pp. 57-68. (in Ukrainian)

6. Kotikhina, A.S., 2011. Normativno-pravovoye regulirovaniye organizatsii i deyatel'nosti tamozhni v Sovetskoy Rossii 1917-1928 gg. [Legal regulation of organization and activities of customs in Soviet Russia, 1917-1928], Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii, no. 1, pp. 38-41. (in Russ.)

7. Lyapustin, S.N. and Belyaeva, N.A., 2014. Organizatsiya bor'by s kontrabandoy v usloviyakh grazhdanskoy voyny i interentsii na Dal'nem Vostoke [Organization of fight against smuggling in the context of Civil war and intervention in the Russian Far East]. Vladivostok. (in Russ.)

8. Markov, L.N., 1987. Ocherki po istorii tamozhennoy sluzhby [Essays on the history of the customs service]. Irkutsk. (in Russ.)

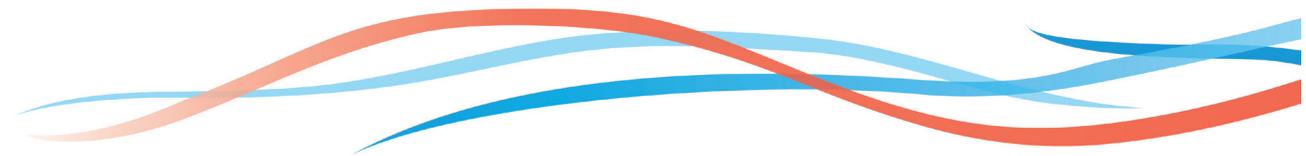
9. Popenko, A.V., 2009. Opyt bor'by s kontrabandoy na Dal'nem Vostoke Rossii (1884 – konets 20-kh gg. XX v.) [The fight against smuggling in the Russian Far East (1884 – the end of the 1920s)]. Khabarovsk. (in Russ.)

10. Rynkov, V.M., 2006. Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nachalo 1920 g.) [Financial policy of anti-Bolshevik governments of the Russian East (the second half of 1918 – the beginning of 1920)]. Novosibirsk. (in Russ.)

11. Sbornik uzakoneniy i tsirkulyarov po tamozhennoy chasti za 1917 god [A collection of laws and circulars on customs for 1917]. Petrograd, 1918. (in Russ.)

12. Tamozhnya na Tikhom okeane: Dokumenty i materialy. Vyp. 1. Blagoveshchenskaya tamozhnya [Customs service in the Pacific Russia. Documents and materials. Vol. 1. Blagoveshchensk customs]. Vladivostok, 2002. (in Russ.)

13. Tamozhnya na Tikhom okeane: Dokumenty i materialy. Vyp. 2. Khabarovskaya tamozhnya [Customs service in the Pacific Russia. Documents and materials. Vol. 2. Khabarovsk customs]. Vladivostok, 2004. (in Russ.)

УДК 94(571.53)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/94-101

А.А. Иванов*

ИРКУТСКАЯ КОЛОНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ И ЕЕ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье рассмотрены вопросы численности, структуры и социального состава колонии политических ссыльных Иркутска на рубеже XIX-XX вв., выявлены основные виды деятельности и формы участия революционеров в оппозиционном движении. Автор приходит к выводу о том, что ссыльные народники обогатили духовную жизнь иркутян, оказали заметное позитивное влияние на местное общество, способствовали росту его самосознания, гражданственности и политической культуры.

Ключевые слова: политические ссыльные, Иркутск, общественная жизнь, оппозиционное движение

The colony of political exiles in Irkutsk and its role in the city's public life in the late XIXth – early XXth century. ALEKSANDR A. IVANOV (Irkutsk State University)

The article deals with the number, structure and social composition of the colony of political exiles in Irkutsk at the turn of the XIXth and XXth centuries, revealing the main activities and forms of participation of revolutionaries in the opposition movement. The author comes to the conclusion that the exiled narodniks had a significant positive effect on local society, enriching the cultural life of the city and contributing to the growth of its self-awareness, citizenship and political culture.

Keywords: political exile, Irkutsk, public life, opposition movement

Формирование иркутской колонии ссыльных заметно усилилось в 1880-е – 1900-е гг. Как известно, этот период политической истории не принес общественного успокоения, наоборот, противостояние государства и общества значительно усилилось, стало принимать крайние формы. Нелегальные группы «Народной воли», действовавшие во всех крупных городах центральной России, беспримечное по своим

масштабам «хождение в народ», массовое увлечение молодежи радикальной революционной теорией, и как итог – убийство Александра II первого марта 1881 г. – все это значительно увеличило «население» тюрем, каторги и ссылки. Если в 1860-е – 1870-е гг. в Иркутской губернии насчитывалось едва ли 30-60 политических ссыльных (без ссыльных поляков – участников Январского 1863 г. восстания), то

---

* ИВАНОВ Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и регионоведения исторического факультета Иркутского государственного университета.

E-mail: ottisk@irmail.ru

© Иванов А.А., 2017

в начале 1880-х гг. таковых было уже более 80, на рубеже 1890-х – не менее 100, а на пороге нового XX в. их число выросло до 110-120 человек [3, с. 25].

Как видим, общие цифры ссыльных не выглядят внушительно. Заметное увеличение иркутской колонии стало происходить чуть позже, накануне Русско-японской войны. За пять же последних лет XIX в. в Сибирь в целом было отправлено чуть больше 400 ссыльных [7, с. 136]. С учетом их географической «разбросанности», а также различных сроков прибытия и окончания наказания, следует сделать вывод о том, что политические ссыльные этого периода были еще сравнительно редким явлением.

Наш вывод противоречит сложившимся стереотипам. Однако следует иметь в виду, что вопрос о численности политических ссыльных в Сибири (и в первую очередь это относится к пореформенному периоду) всегда был в советской историографии излишне политизирован. Идеологические соображения здесь заслоняли научную истину и реальную картину. В отечественной исторической науке безгранично господствовала ленинская периодизация революционного движения, согласно которой 1859-1861 гг. были временем первой революционной ситуации в России. А какая революция без репрессий и жертв?! В этом положении и историкам, и публицистам просто необходимо было показывать Сибирь «краем изгнания» и «гигантской тюрьмой без решеток». Отсюда – нереальные, нередко фантастические цифры и количества политических ссыльных. Например, у В.Н. Дворянова читаем: «Царское правительство пулями и штыками подавляло выступления трудящихся. Многих из них сослали в Сибирь на каторгу и в ссылку. Так, за 20 лет, с 1862 по 1881 г., количество ссыльных перевалило за 296 тыс.» [1, с. 93].

Понятно, что в самом Иркутске число ссыльных не могло превышать общегубернских показателей. Однако при этом следует учитывать, что формирование колонии «политиков» в столице региона имело свою заметную специфику. Действительно, собственно ссыльных, отбывающих здесь наказание поселением, было не много. Большая часть колонии составлялась из революционеров, чьи сроки заканчивались и им было разрешено жительство по всей Сибири, или уже закончились, однако они по каким-то причинам решили прочно «осесть» в столице региона. Формально эти ссыльные были уже приписаны к какому-либо сельскому или ме-

щанскому обществу и именовались «крестьяне из ссыльных», однако в действительности находились под постоянным негласным или гласным надзором полиции, оставаясь у жандармов всегда «в сильном подозрении». Именно такие революционеры и составляли подавляющее число иркутских ссыльных, постепенно оседая здесь с 1860-х гг. и значительно увеличивая реальные размеры колонии. С учетом сказанного, определим общее количество иркутских ссыльных в 1880-е гг. в 30-40 человек, и в 100 и чуть более – к 1900 г.

В иркутской ссылке преобладали высланные административно. Однако в 1860-е гг. абсолютное большинство было за сосланными по суду или вышедшими на поселение после отбытия каторги. Затем, после принятия «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г., доля административно-ссыльных резко увеличивается и к 1900 г. достигает здесь 86% от всех ссыльных. Административные не «поражались в правах» и получали, при отсутствии постоянного источника дохода, пособие от казны.

Длительность иркутской ссылки была сравнительно невелика и составляла в среднем 54 месяца или 4,5 года на одного человека. Однако следует иметь в виду, что все революционеры до ссылки подвергались тюремному заключению, которое начиналось на месте «преступления», далее следовали централы, потом этапные тюрьмы и лишь после – «пребывание в предназначенной на то местности под гласным надзором полиции». При этом срок тюремного заключения мог быть различным, но, как правило, всегда продолжительным. Так, например, следствие по делу «пропаганды в империи» (процесс 193-х) заняло три года; Н.Г. Чернышевский в ожидании приговора провел в тюрьме два года; Л.Д. Троцкий – более двух лет, В.И. Ленин – 14 месяцев. Как видим, тюремная изоляция революционера в ожидании суда или административного решения в течение одного-двух лет и более – обычная практика.

Почти половина иркутских ссыльных отбывали основное наказание в отдаленных местах Якутской области и только потом попадали в северные районы губернии. Соседство с крупнейшей каторгой империи – Нерчинской – также диктовало свои особенности: процент бывших каторжан среди «иркутян» никогда не опускался ниже 20. При этом по крайней мере пятеро

революционеров отбывали иркутскую ссылку дважды. Это Е.К. Брешко-Брешковская (1892-1895, 1910-1915), П.Г. Зайчневский (1862-1869, 1890-1895), М.А. Натансон (1879, 1894-1902), С.И. Новаковская (1877, 1885) и Н.С. Тютчев (1878-1890, 1894-1903).

В целом собирательный портрет иркутского ссыльного таков: мужчина, дворянин или разночинец, представитель одной из интеллигентных профессий, имевший высшее или среднее образование, а еще больше – не успевший окончить университет или гимназию, арестованный «за пропаганду» или деятельность, подрывавшую «устой» государственного строя и общественного порядка, закаленный длительным тюремным заключением, каторгой и Якутской ссылкой, живший в Иркутске на казенное пособие или своим трудом, сохранивший активную гражданскую позицию и верность народнической идеологии. Именно эти качества и делали «политика» заметной фигурой в общественной жизни города, а немалый опыт нелегальной работы, полученный в организациях землевольцев или народовольцев центра страны, обеспечивал ведущую роль в оппозиционном движении Иркутска.

С конца XIX в. ссыльные имели в городе несколько общественных центров. Наибольшее количество «политиков» группировалось вокруг «Восточного обозрения». Объединенные потребностью в творчестве, возможностью выразить свое политическое сredo, стремлением быть в курсе местных событий, здесь мирно уживались народники всевозможных оттенков, а позднее – эсеры и социал-демократы. При подготовке к изданию «Забытых иркутских страниц» Е.Д. Петряев выявил имена около 700 авторов, писавших в газету и «Сибирские сборники». По крайней мере каждый четвертый-пятый из этого числа, по нашим подсчетам, был из бывших или настоящих ссыльных, проживавших в это время в Иркутске. Назовем лишь некоторых: М.С. Александров, Е.К. Брешко-Брешковская, М.Р. Гоц, Ф.К. Кон, Л.Б. Красин, М.А. Кроль, В.Е. Мандельберг, Г.А. Мачтет, С.И. Мицкевич, П.Ю. Перкон, Б.О. Пилсудский, Ф.Ю. Рехневский, И.М. Ромм, С.С. Синегуб, И.А. Теодорович, Л.Д. Троцкий, Н.А. Чарушин, С.Л. Чудновский. [11, с. 341-372].

Политические ссыльные не только сотрудничали с «Восточным обозрением» и писали сюда свои статьи, вели рубрики и отправляли из глубинки корреспонденции. И.И. Попов привлекал осужденных революционеров и к

непосредственному редактированию и изготовлению своей газеты. Так, например, ее секретарем с 1898 г. был В.С. Ефремов, отбывавший ранее ссылку в Якутске и Верхотуренске, а затем живший в Иркутске. В 1893-1894 гг. нелегально в типографии «Восточного обозрения» наборщиками работали В.Г. Георгиевский, сосланный в Сибирь по процессу 50-ти, и член польского «Пролетариата» В.А. Гловацкий [2, стб. 774, 825].

Политические ссыльные занимали ключевые посты в редакции «Восточного обозрения», в значительной степени определяя направленность газеты. Так, редактором одно время был Д.А. Клеменц; репортерскую часть и переписку с корреспондентами организовывал В.В. Демьяновский; отдел сибирской хроники продолжительное время возглавлял С.Ф. Ковалик, отдел «Хроника русской жизни» на протяжении двух лет вел Е.И. Яковенко. В качестве ведущего обозревателя русской жизни в газете состоял и Ф. Кон. Он же вел раздел «Литературное обозрение», сумев привлечь к работе П.Ф. Якубовича. Отдел иностранной жизни всецело обязан своим существованием Е.И. Яковенко и П.Г. Зайчневскому. Именно благодаря политическим ссыльным «Восточное обозрение» смогло стать подлинным явлением в общественной и культурной жизни Сибири. [6, с. 8-12].

Помимо «Восточного обозрения», часть иркутских «политиков» группировалась вокруг квартиры В.А. Ошуркова, прежнего редактора этой газеты, «убежденного областника». Здесь собирались люди, занимавшиеся «культурной работой», – преподаватели иркутских училищ и гимназий, в основном женщины, а также публика, активно писавшая в газету. «Все эти учительницы, – вспоминал Попов, – были идейный народ, прекрасно вели дело, хорошо поставили воскресные школы, народные чтения, принимали активное участие в общественной жизни Иркутска». Политический ссыльный, активный народник и «якобинец» П.Г. Зайчневский с большой долей сарказма называл квартиру Ошуркова «институт небесных ласточек», а самого хозяина – Флоридором [10, с. 140].

Другими центрами сосредоточения политической ссылки в Иркутске были музей Восточно-Сибирского Русского императорского Географического общества, правление Забайкальской железной дороги, а также иркутская контора купеческой династии Громовых. Так как И.И. Попов, помимо исполнения обязанностей редактора «Восточного обозрения», был

еще и консерватором музея, то у генерал-губернатора А.Д. Горемыкина однажды родилась весьма остроумная шутка, свидетельствующая и о весьма либеральных взаимоотношениях политических ссыльных и властей Иркутска до событий 1905 г.: «Не хватает еще, чтобы А.И. Громова перевела в музей свою контору! Тогда все штаб-квартиры политических соберутся в одном месте!» [9, с. 214].

Бывшие чайковцы, землепользители, чернопередельцы, народовольцы и народоправцы определяли деятельность практически всех общественных организаций Иркутска. Ссыльные, порой бескомпромиссно споря друг с другом по программным вопросам своего движения, жили в городе, как вспоминал И.И. Попов, «дружно» и много сделали для «развития Иркутского общества». Вот некоторые имена наиболее активных «политиков»: Г.З. Андронников, С.И. Борейша, Н.И. Витковский, П.И. Войнаральский, А.В. Гедеоновский, Н.Л. Геккер, В.С. Голубев, Н.Л. Горинович, П.Г. Зайчневский, С.И. Иваницкий, В.И. Иохельсон, П.И. Кларк, Д.А. Клеменц, С.Ф. Ковалик, И.О. Концевич, И.И. Майнов, С.И. Мартыновский, М.А. и В.И. Натансоны, А.Г. Лури, Д.Г. Любовец, С.А. и Ф.Н. Лянды, М.П. Овчинников, Э.К. Пекарский, А.В. Пихтин, И.И. Попов, В.С. Свитыч-Иллич, П.А. Сикорский, И.М. Соколов, И.Ю. Старынкевич, С.Г. Стахевич, Р.А. Стеблин-Каменский, Я.Ф. Стефанович, Г.М. Фриденсон, М.И. Фундаминский, Б.П. Шостакович, П.Ф. Якубов, С.В. Ястрембский. [9, с. 208-228].

Иркутская колония ссыльных всегда стремилась принципиально реагировать в отношении власти и ее представителей. Большой резонанс, к примеру, имел приезд в город в 1888 г. генерала Русинова с личным поручением, как говорили, царя Александра III. Целью приезда по официальной версии было исследование быта и материального положения ссыльных, размещенных в Иркутске. На самом деле, встречаясь с «политиками», генерал неизменно предлагал им подать прошение на Высочайшее имя, в котором следовало раскаяться в содеянном и попросить о сокращении срока наказания. Иркутская колония закипела от возмущения: ссыльных, писавших письма с просьбой об облегчении своей участи, уничижительно именовали «подаванцами». К таким людям всегда относились с демонстративным презрением, а после 1917 г. землячества Общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев стали выявлять подобных «рево-

люционером» и подвергать показательному товарищескому суду.

Предложение генерала было решительно отвергнуто и по-другому просто не могло быть: сознательно вступив в борьбу с самодержавием, большинство революционеров и в ссылке не изменило своих убеждений. Да и с формальной стороны дела было совершенно непонятно, за что просить прощения у царя, ведь административно-ссылным (а таких в городе было уже большинство), отправленным в Сибирь без суда и следствия, обвинения не предъявлялись, их высылали в основном «в порядке чрезвычайной и усиленной охраны» по Положению 1881 г. Как пишет Попов, миссия генерала потерпела неудачу, и автор не припоминал, «чтобы кто-нибудь подал желательное для генерала прошение». Более того, многие «наговорили Русинову неприятностей, кое-кто обругал его и этим ухудшил свое положение», получив перевод в «гиблые места» [9, с. 122].

Обсуждение политических проблем не только выявляло противоположные мнения на развитие революционного движения в стране, но в большей мере помогало колонии ссыльных вырабатывать общую позицию по принципиальным вопросам местной, иркутской жизни. Одним из таких вопросов стала дискуссия в отношении русского и сибирского крестьянина. Кто из них был более «социалистом»? Поводом к дискуссии стал приезд в Иркутск в 1888 г. двух статистиков – Н.М. Астырева и Л.С. Личкова. Они были приглашены в качестве исследователей населения региона. Статистикам требовались «свежие силы», в качестве которых стали приглашать на службу и ссыльных. Вот тут-то и возник, по всей видимости, никогда не прекращавшийся, всегда «тлеющий» спор о крестьянине.

Колония быстро разделилась на два лагеря. Один объединился вокруг Н.М. Ядринцева, полагавшего, что сибирский крестьянин по природе своей свободолюбив и независим, а значит, практически готовый социалист. Другие примкнули к Н.М. Астыреву, считавшему сибиряка большим эгоистом, живущим исключительно для собственного блага, нещадно эксплуатирующим у себя уголовного поселщика и более бедного односельчанина. По всей видимости, Н.М. Астырев остался при своих взглядах и в книге «На таёжных прогалинах» все-таки отдал предпочтение «русскому мужику перед сибирским». И Н.М. Ядринцев также не изменил своего отношения к крестьяни-

ну-сибиряку, стараясь замечать в нем только хорошие качества. И.И. Попов не принимал участия в дискуссии, категорично посчитав «такие споры бесцельной тратой времени». Может быть, Попов уже тогда, в конце 1880-х гг., осознал, что зажиточный и материально независимый, никогда не знавший крепостного гнета сибирский крестьянин был похож скорее на североамериканского фермера – потому и не воспринимал никакой социалистической пропаганды [10, с. 123].

В мае 1895 г. в Иркутск прибыл для прохождения административной ссылки Л.Б. Красин. Его приезд значительно расширил дискуссии ссыльных. На первое место в них выдвинулся вопрос о судьбе капитализма в России и Сибири. В принципе, он был уже решен как самой практикой – страна стремительно и необратимо двигалась по капиталистическому пути, так и теорией – революционерам в европейской части страны были хорошо известны работы Г.В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» (1883) и «Наши разногласия» (1884), в которых автор убедительно доказал, что господство капиталистических отношений в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства России – дело недалекого будущего.

Как вспоминал Красин, в Иркутске он был первым социал-демократом «среди почти сотни ссыльных народовольцев и народников, включая таких родоначальников русского революционного движения, как Марк Натансон, Любовец и Сергей Ковалик...». При этом он отмечает: «Теоретические споры ... доходили до величайшей страстности, но это не мешало всей ссылке относиться ко мне, как к Вениамину [Вениамин – старший брат Л.Б. Красина. – прим. авт.], и личные дружеские отношения из этой эпохи у меня сохранились на всю жизнь. Ни раньше, ни после я никогда не видел собрания в одном месте таких благороднейших, чистейших революционных борцов...» [5, с. 12].

В конечном итоге вопрос о развитии капитализма в Сибири был вынесен на страницы «Восточного обозрения». Иркутские народники не хотели замечать очевидного. Многим из них, в том числе и И.И. Попову, казалось, что Сибирь обойдет стороной «капиталистические бури», что «дружная работа правительства и общества будет направлять эволюцию народного хозяйства в сторону второго пути и спасет Сибирь от стремительного потопа развития капиталистических форм». «Перепутья, на котором будто бы стоит теперь Сибирь, – парировал Красин, –

в действительности не существует. ... Товарное производство и капитализм торжествуют в Сибири по всей линии, и в ближайшем будущем нет никаких реальных сил, которые могли бы задержать это торжество».

Иркутская ссылка жила не только спорами и дискуссиями. Отношения с властями нередко обострялись и принимали характер открытого противостояния. Так случилось, например, в 1889 г. В марте этого года в Якутске скопилось большое количество политических ссыльных, ждавших окончания распутицы и отправки по местам причисления в отдаленные районы области. Внезапно якутский вице-губернатор П.П. Осташкин издал предписание о немедленном отъезде ссыльных из города. При этом «политикам» практически не дали возможности подготовиться к трудной дороге и закупить провизию. Возмущенные произволом властей, ссыльные подали коллективное прошение. Местный полицмейстер 22 марта собрал более тридцати ссыльных в доме якута Монастырёва и попытался арестовать наиболее инициативных организаторов прошения. Ссыльные оказали вооруженное сопротивление, в ответ на которое солдаты военной команды применили оружие, при этом шесть человек были убиты, семь ранены, а против «зачинщиков» возбуждено судебное разбирательство.

О «Якутской бойне», так эти события вошли в историю, Осташкин вынужден был телеграфно доложить генерал-губернатору графу А.П. Игнатьеву. Из его канцелярии, по всей видимости, текст доклада стал известен «политикам» Иркутска. Иркутяне хорошо знали якутскую колонию: прежде чем оказаться на юге Восточной Сибири, многие из них отбывали многолетнее наказание в «Якутке», а затем не переставали поддерживать тесные письменные связи с оставшимися там товарищами. Вот почему известие о трагедии буквально всколыхнуло весь город. После обсуждения возможных мер помощи оставшимся в живых ссыльным было принято решение как можно быстрее, подробнее и шире рассказать всему миру правду о трагедии и ее подлинных виновниках.

С этой целью иркутские ссыльные решили использовать поездку И.И. Попова в Париж на Всемирную выставку – он должен был встретиться с русскими политическими эмигрантами и передать материалы для французской и английской прессы. А чтобы на границе с Поповым не случилось каких-либо неприятностей, ссыльные решили, что Иван Иванович

заучит документы наизусть и привезет их «в своей голове».

И.И. Попов благополучно добрался до Парижа, где ему удалось увидеться с самим П.Л. Лавровым. Как вспоминал Попов, он «подробно рассказал П.Л. об Якутской истории, передал на память документы, с которыми познакомился в Иркутске, а также просьбу Натансона и других поднять агитацию для того, чтобы предупредить казнь, если суд приговорит мартовцев к казни». Петр Лаврович «все записывал», обещал, что обязательно «напишет во французские газеты, а может быть и в английские, и передаст депутатам» [10, с. 153].

Статьи о расстреле ссыльных в Якутске действительно вызвали широкий общественный резонанс в России и за рубежом. В числе протестовавших были, к примеру, и политические Балаганска В.П. Кранихфельд, Э.Л. Улановская, Н.А. Ожигов, П.А. Грабовский, С.Е. Новаковская и Вл. Иванов, составившие «Заявление русскому правительству» и отправившие его в Министерство внутренних дел. «Цель нашего заявления, – говорилось в документе, – выразить открыто всю ту степень презрения и негодования, которую порождает в нас эта бесчеловечная расправа, эта система обращения ссылки в акт грубой мести, и представить ее на суд русского общества...» [4, с. 185-187].

Выступление балаганских ссыльных имело также большой общественный резонанс. «Заявление...» перепечатали зарубежные издания, а в России текст письма расходился гектографированным путем. Однако ни это заявление, ни протесты и поддержка мировой общественности не помогли: в августе 1889 г. состоялся суд, по результатам которого трое активных участников выступления якутских ссыльных А.Л. Гаусман, Н.Л. Зотов и Л.М. Коган-Бернштейн были повешены.

Репрессии обрушились и на балаганцев: В.П. Кранихфельд, заканчивавший свой четырехлетний срок, получил вторую ссылку и был отправлен вместе с Э.Л. Улановской на 11 лет в Якутскую область, затем в течение еще 5 лет отбывал наказание в Бодайбо; С.И. Новаковская была присуждена к каторжным работам и ссылке в Якутск, где и оставалась безвыездно вплоть до 1927 г.; там же отбывал ссылку Н.А. Ожигов; П.А. Грабовский вернулся из якутской ссылки в Балаганск лишь в 1897 г., и занимался здесь изучением быта местных жителей; Вл. Иванов умер от чахотки в ноябре 1891 г. в иркутской тюремной больнице. [4, с. 189-190].

В конце XIX – начале XX вв. рост революционного и рабочего движения в стране не мог не привести и к значительному увеличению числа каторжан, поселенцев и административно-ссыльных, в том числе и в Иркутской губернии. Если на 1 мая 1899 г. здесь фиксировалось чуть больше ста политических ссыльных, то уже в 1903 г. – более 270, а на 1 января 1904 г. – не менее 320. Соответственно, столь же быстро увеличивалась и иркутская городская колония (Государственный архив Иркутской области, далее – ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 34. Л. 29-195; Д. 56. Л. 13).

Рост численности иркутской ссылки сопровождался и глубочайшими качественными изменениями. На рубеже веков народническая колония становится иной, все больше и больше размываясь представителями других партий и течений. Дворянская молодежь уступает здесь первенство разночинцам и выходцам из пролетарских рядов, на смену интеллигенту приходит рабочий. Этот процесс для старого народничества проходил весьма болезненно, что хорошо передано Л.Д. Бронштейном (Троцким). Приехав в город в 1902 г., он при первом знакомстве с четой Натансонов, был «очень обласкан». Однако их товарищеские отношения быстро закончились. «Принципиальные споры приняли сразу чрезвычайную остроту и каким-то острым клином врезались в мои отношения с Натансоном», – вспоминал позднее об этом Троцкий [13, с. 93].

«Принципиальные споры» шли вокруг новой, пролетарской ссылки. В ее появлении «старые» народники, жившие в Иркутске, видели «крах всего революционного движения». «Рабочие стали составлять все больший и больший процент политиков, и, наконец, оставили далеко за флангом революционного интеллигента, который со старого времени привык считать Петропавловскую крепость, Кресты и Колымск своей монопольной наследственной собственностью, чем-то вроде майората. Мне еще приходилось встречать в 1900-1902 годах народовольцев и народоуправцев, которые почти обиженно пожимали плечами, глядя на арестантские паузки, нагруженные виленскими трубочистами или минскими заготовщиками», – так писал Л.Д. Троцкий об этом времени позднее [12, с. 33].

Политические ссыльные «новой волны», среди которых все заметнее становились лидеры рабочих организаций и социал-демократы, в меньшей степени владели творческими профес-

сиями и не внесли столь существенный вклад в развитие «общественности», науки и культуры Иркутска, как их предшественники-народники. Однако эти ссыльные заметно ускорили вовлечение иркутского общества в радикальное оппозиционное движение против самодержавного государства. Они принесли учащейся молодежи и рабочим Иркутска идеи марксизма, возглавив здесь абсолютное большинство конспиративных кружков, а местное социал-демократическое и эсеровское движения приобрели в лице «политиков» профессиональных руководителей и пропагандистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дворянов В.Н. В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1971.
2. Деятели революционного движения в России: библиографический словарь. Т. III. Вып. 2. М.: ВОРКис, 1934.
3. Иванов А.А. Словарь «Деятели революционного движения в России» как источник по истории политической ссылки (на примере Иркутской губернии) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2013. № 2 (5). С. 24-38.
4. Кантор Р. Памяти Вик. Павл. Кранихфельда (к истории Якутской драмы 1889 года) // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 185-187.
5. Красин Л.Б. (Никитич). Дела давно минувших дней. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930.
6. Круссер Р.Г. Политическая ссылка и «Восточное обозрение», 80-е – начало 90-х гг. XIX в. // Из истории общественно-политической жизни Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. С. 3-17.
7. Мещерский А.П. Особенности, партийный состав политической ссылки в Сибири в конце XIX – начале XX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Вып. I. Иркутск: РИО ИГУ, 1973. С. 125-144.
8. Мещерский А.П., Щербakov Н.Н. В.И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX – 1917 г.). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1975.
9. Попов И.И. Минувшее и пережитое (воспоминания за 50 лет). Ч. 2: Сибирь и эмиграция. Л.: Колос, 1924.
10. Попов И.И. Минувшее и пережитое. Из воспоминаний. М.-Л.: Academia, 1933.
11. Попов И.И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.
12. Троцкий Н. Туда и обратно. СПб.: Шиповник, 1907.
13. Троцкий Л.Д. Воспоминания о моей первой сибирской ссылке // Каторга и ссылка. 1923. № 5. С. 91-95.

REFERENCES

1. Dvorianov, V.N., 1971. V Sibirskoi dal'nei storone... (Ocherki istorii tsarskoi katorgi i ssylki (60-e gody XVIII v. – 1917 g.)). [In the Siberian distant land... (Historical sketches of imperial penal servitude and exile (1760s – 1917))]. Minsk: Nauka i tekhnika. (in Russ.)
2. Teodorovich, I.A. ed., 1934. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: bibliograficheskii slovar' [The figures of the Russian revolutionary movement: bibliographic dictionary]. T. III. Vyp. 2. Moskva: VOPKiS. (in Russ.)
3. Ivanov, A.A., 2013. Slovar' «Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii» kak istochnik po istorii politicheskoi ssylki (na primere Irkutskoi gubernii) [«The figures of the Russian revolutionary movement» dictionary as a source on the history of political exile (the case of Irkutsk province)], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya», no. 2 (5), pp. 24-38. (in Russ.)
4. Kantor, R., 1924. Pamyati Vik. Pavl. Kranikhfel'da (K istorii Yakutskoi dramy 1889 goda) [In memory of Vick. Pavl. Kranikhsfeld (towards the history of the Yakut drama of 1889)], Katorga i ssylka, no. 4, pp. 185-187. (in Russ.)
5. Krasin, L.B., 1930. (Nikitich). Dela davno minuvshikh dnei [A matter of days long past]. Moskva-Leningrad: Molodaya gvardiya. (in Russ.)
6. Krusser, R.G., 1981. Politicheskaya ssylka i «Vostochnoe obozrenie», 80-e – nachalo 90-kh godov XIX v. [Political exile and "East review", 1880s – the beginning of 1890s]. In: Iz istorii obshchestvenno-politicheskoi zhizni Sibiri. Tomsk: Izd-vo TGU, pp. 3-17. (in Russ.)
7. Meshcherskiy, A.P., 1973. Osobennosti, partiiniy sostav politicheskoi ssylki v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka [Features, party structure of political exile in Siberia in the late XIXth – early XXth century]. In: Ssyl'nye revolyutsionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.). Vyp. I. Irkutsk: RIO IGY, pp. 125-144. (in Russ.)
8. Meshcherskiy, A.P. and Shcherbakov, N.N., 1975. V.I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri (konets XIX – 1917 g.) [V.I. Lenin and political exile in Siberia (the end of XIXth century – 1917)]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (in Russ.)

9. Popov, I.I., 1924. Minuvshee i perezhitoe (vospominaniya za 50 let). Ch. 2: Sibir' i emigratsiya [The past and experience (memoirs of 50 years). Part 2. Siber and emigration]. Leningrad: Kolos. (in Russ.).

10. Popov, I.I., 1933. Minuvshee i perezhitoe. Iz vospominanii [The past and experience. From memoirs]. Moskva-Leningrad: Akademia. (in Russ.)

11. Popov, I.I., 1989. Zabytye irkutskie stranitsy: Zapiski redaktora [The forgotten Irkutsk pages: editor's notes]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo. (in Russ.)

12. Trotskii, N., 1907. Tuda i obratno [There and back]. Sankt-Peterburg: Shipovnik. (in Russ.)

13. Trotskii, L.D., 1923. Vospominaniya o moei pervoi sibirskoi ssylke [The memories of my first Siberian exile], Katorga i ssylka, no. 5, pp. 91-95. (in Russ.)

А.А. Исаев*

РАДИО КАК ПРОВОДНИК ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОЙ РАБОТЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

В статье на основе архивных документов исследуется развитие радиовещания на Дальнем Востоке СССР на примере Приморского края. Автор рассматривает изменения информационной наполняемости трансляций центрального и местного радиокomiteтов в 1930-е гг., анализирует политико-информационную составляющую вещания, а также технические и кадровые проблемы в работе радиовещания.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморская область, радиокomiteт, радиовещание, пропаганда, политическое вещание

Radio as an agent of political information for the population of the Soviet Far East in the 1930s (the case of Primorye). ALEKSANDR A. ISAEV (Far Eastern Federal University)

Based on archival documents, the article traces the development of radio broadcasting in the Soviet Far East focusing on Primorye. The author examines the changes in the information content of the broadcasts of the central and local radio committees in the 1930s, analyzes the political information component of broadcasting, as well as technical and personnel problems that faced the regional broadcasting.

Keywords: Soviet Far East, Primorye, broadcasting committee, radio broadcasting, propaganda, political broadcasting

Больше 90 лет назад на Дальнем Востоке страны появилось новое средство массовой информации – радио – проводник политико-идеологических, культурных, оборонных и различных массовых мероприятий. Оно надолго стало информационным рупором советского правительства, являясь мощным средством агитации. Центральная газета «Правда» в передовой статье от 22 июля 1937 г. дала образцовую характеристику значения радио. «Одно из самых могучих орудий культурной революции, орудием политической агитации и пропаганды в современных условиях является радиовещание. По силе воздействия с ним можно сравнить

только печать. У радио порой возможностей даже больше, чем у печати – радиослово проникает быстрее, особенно в места далекие от столичных и областных центров, доходит даже до неграмотных и малограмотных, призвано обслуживать многомиллионную аудиторию радиослушателей» (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 183).

В 1930-е гг. была поставлена масштабная задача радиофикации – развития проводного радио (установки трансляционных точек по месту жительства и работы граждан). Это позволяло государству осуществлять контроль, полностью

---

* ИСАЕВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

© Исаев А.А., 2017

исключавший возможность приема населением нежелательной информации извне, поскольку радиоточка являлась, по сути, приемником с фиксированной частотой только одной официальной радиостанции.

Изменило структуру трансляции появление техники звукозаписи. Если раньше почти все передачи шли в прямом эфире, то к середине 1930-х гг. до 20% его занимала звукозапись. Ее применение привело к постепенному переходу от словесных, вербальных, элементов к невербальным формам, прежде всего музыкальным. Возникли корреспондентские сети, позволявшие оперативно передавать информацию из разных точек страны. Именно тогда сформировался жанр информационных радиопередач как набора кратких информационно насыщенных оперативных сообщений, выстроенных по определенной логике [6].

Для централизованного управления 31 января 1933 г. Совнарком СССР принял постановление «О Всесоюзном комитете по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР»: «Ввиду того, что радио приобретает исключительно важное значение для всей хозяйственной и политической жизни страны, признать необходимым создание при СНК СССР Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию» [4, с. 519]. Затем радиокомитеты появились в областях и союзных республиках.

Новый комитет внес изменения в работу всех редакций и служб радио. Главной формой передачи информации вместо радиогазет стали регулярные выпуски «Последних известий». Популярность приобрели оперативная информация и репортаж. В 1930-е гг. развивались большие праздничные передачи-репортажи в дни Первомайских и Октябрьских торжеств, радиоочерки о подвигах, замечательных трудовых свершениях граждан СССР [1].

После изменений начала 1930-х гг. возросло число радиопередач, посвященных литературе и искусству. Их слушание стало популярным массовым досугом. Об этом в 1933 г. говорил видный культурный функционер и теоретик П.М. Керженцев, председатель советского радиокомитета, в значительной степени определявший политические и идеологические настроения этой организации. В программной статье «Очередные задачи радиокомитетов» Керженцев, касаясь организационных структур радио СССР, подчеркивал важную роль этого вида СМИ в общественном воспитании. По его мнению, качественная и быстрая коммуника-

ция способствует увеличению производственных показателей, а основная политическая цель руководства – превращение радиослушания в основную форму досуга: «Радио и радиовещание приобрели сейчас исключительное политическое значение. Через радиовещательные станции путем докладов, сообщений, переключек ведется оперативная политическая работа по руководству крупнейшими политическими и хозяйственными кампаниями. Умелое и правильное использование радиовещания помогает проведению весеннего сева и осенней пахоты, выполнению промфинплана, соцсоревнованию, борьбе за лучшие качественные показатели и т.д. Через радиовещание ведется политическая учеба и коммунистическая пропаганда, организуется помощь самообразованию, сообщаются новинки литературы. Радиовещание специальными передачами обслуживает красноармейцев и колхозников, детей и молодежь, слушателей разной культурной и политической подготовки. Радио наряду с печатью и кино является сейчас одним из мощнейших орудий коммунистического воспитания масс ...» [3].

Тогда же были сформулированы главные задачи политического вещания: замена студийной политической «трескотни, делаемой профессиональными халтурщиками», живыми выступлениями, докладами, популяризаторскими беседами известных партии и рабочим лиц на фабриках, заводах, совхозах и колхозах с трансляцией оттуда по радио; овладение всеми специфическими возможностями радиотехники для повышения действенности политического вещания. По радио стали воспроизводиться записанные на пленку речи вождей, передаваться «звуковые картины» с мест новостроек. Так, сильное впечатление не только в СССР, но и за границей произвела передача с Днепростроя, для осуществления которой на месте работы было установлено 16 микрофонов, и т.д. (Российский государственный архив новейшей истории, далее – РГАНИ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 90. Л. 125-126).

Для изучения развития радиовещания на Дальнем Востоке особый интерес представляют 1930-е гг. Тогда шли масштабные преобразования во всех сферах жизни страны – социально-экономической, политической, культурной. Это было время интенсивной радиофикации Дальневосточного края, строительства новых радиоузлов и радиоточек. В 1930-е гг. формировалась структура радиокомитетов, выдвигались их организаторы и энтузиасты своего дела, по-

являлись разные жанры радиожурналистики: радиогазеты, радиорейды, радиопереклички, радиомитинги, радиорепортажи и т.д. [5, с. 5].

На Дальнем Востоке СССР первой вещательной станцией (и седьмой в стране) стала Владивостокская, официально зарегистрированная 23 декабря 1925 г. Ее позывные – РВ17. Первая передача состоялась 01 января 1926 г.: в 20.00 в эфире прозвучало: «Товарищи, внимание! Говорит Владивостокская радиостанция». Помимо нескольких сотен людей, имевших самодельные приемники, первое радио Приморья слушали на улицах Владивостока (через 12 репродукторов) и в рабочих клубах Владивостока, Уссурийска, Сучана (ныне Партизанск), Артема и Гродеково (ныне Пограничный), для которых закупили 20 радиоприемников. Первые передачи шли три раза в неделю по вечерам. В основном это были политические новости и музыка. В феврале 1926 г. по радио Владивостока прошла первая трансляция голоса из Москвы. К началу 1930-х гг. радиовещание осуществлялось уже профессионально. Владивостокский, или Приморский, радиокomitee формально занимал более низкую ступеньку в иерархии радиокomiteeтов Союза ССР, но в реальности не отставал от Хабаровского [2].

Владивостокский комитет по радиовещанию был организован в декабре 1931 г. Его позывные станции – РВ28. Основным разделом работы комитета являлся сектор партийно-профессионально-массового вещания, включавший в себя рабочую радиогазету, а при ней – радиогазету «Большевицкая путина», утренний выпуск комсомольской и пионерской радиогазеты, журнал «Октябренок», китайскую и корейскую рабочие газеты. Все передачи проходили через политический контроль. Высокую оценку Владивостокскому комитету дала бригада Всесоюзного комитета по радиовещанию, чьи выводы утвердил секретариат Горкома от 23 марта 1933 г., признавший «политическую линию Комитета правильной» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 37-38).

Радиогазеты в Приморской области активно освещали вопросы политики (партийно-комсомольское строительство, пропаганда Ленинской национальной политики, международная ситуация и т.д.) и важнейшие хозяйственные и политические мероприятия: укрепление колхозов, сельскохозяйственные компании, развитие промышленности и транспорта, и т.д. Но, отмечалось в докладе Владивостокского городского комитета по радиовещанию, «крупным недо-

статком радиогазет являлось отсутствие массовой работы на основных участках, как путина, уголь и транспорт. Массового сектора ударных бригад в радио редакции нет. Кроме рейда в лес вместе с Краевой радиоредакцией, двух выездов на путину рабочей радиогазеты и массового рейда, проведенного на Тавричанку совместно с комсомольской газетой, где было вскрыто оппортунистское руководство, похвастаться нечем» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38).

Упоминалась и слабая связь радио с партийными ячейками, нерегулярное освещение перестройки партийно-массовой работы. Информация ТАСС о международном положении передавалась без переработки и популяризации. Были случаи, когда транслировались политически невыдержанные статьи (например, партийки на судах сводились к культурно-просветительским организациям и т.д.), в передачи проникали сведения о побережье СССР, представляющие военно-стратегический интерес, и т.п. Вместе с тем у радиогазет фиксировались и положительные результаты. «За отчетный период (1932-1933 гг.) рабочей радиогазетой было организовано до 40 живых выступлений у микрофона, из них 35 выступлений рабочих-ударников. Организован производственный конкурс на лучшую молодежную бригаду на Хлебозаводе, организована бригада тов. Носкова, давшая наилучшие показатели, систематически перевыполнявшая производственный план» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38).

Детские радиогазеты боролись за осуществление решений партии о начально-средней школе и о пионерской организации. Из-за закрытия школ во время тифозной эпидемии по радио шли уроки для учащихся первой ступени. Было собрано 300 книг и учебников для деревни, организовано 10 бесед по истории пионерской организации. Призыв журнала «Октябренок» по радио к сбору лекарственной посуды принял массовый характер. Дети заключали социалистические договоры между собой и родителями, оказывали большую помощь аптекам города: только через одну редакцию прошло до 6000 собранных пузырьков (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38-39).

Хорошо обстояло дело с радиомитингами. Были организованы интернациональные митинги: День ударника – 1-го января, 1-е мая, день 1-го августа и др., где участвовали китайцы, корейцы, русские рабочие, иностранные моряки: шведы, англичане, немцы, японцы и др. «Все хозяйственные и политические меро-

приятия освещались радиогазетами под углом шести указаний тов. Сталина¹ и в соответствии с генеральной линией нашей партии и конкретных решений Крайкома и Горкома» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 38).

Одними из главных проблем в работе всего радиовещания и радиогазет являлись кадровый состав, а также массово-организационная и техническая работа. Это серьезно сказывалось на качестве радиопередач. У радиогазет был план, он, как правило, не выполнялся. Работа с рабселькорами не велась. За 1932 г. поступило 260 писем: рабочих – 90, комсомольских – 80, пионерских – 14, остальные – в музыкальный сектор. Основное содержание посланий – критика техники радиопередачи. Радиогазеты освещали немало важнейших вопросов социалистического строительства, но они часто не совпадали с конкретной политикой партии (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 39-40, 41).

Выездов на предприятия и пароходы было проведено 17, но это не усилило притока писем: там, куда выезжали газеты (Дальзавод, Тавричанка, Порт Эгершельд, школа ФЭС № 9, Клуб Ильича, Клуб Водников, общежития Дальзавода, Эгершельда и порта и др.), отсутствовала радиофикация. Недостаток квалифицированных радиоработников ухудшал качество подачи материалов и их радиооформления. Информация давалась сухим языком, часто с речевыми ошибками. Отсутствие технических возможностей мешало проведению радиоперекличек. Так, радиоперекличка между Хабаровском и Владивостокском по займу шла по телефонным проводам и из-за технической неисправности сорвалась. Комсомол не помогал радиоредакции. Материально-бытовые условия почти у всех работников были плохими. Острой проблемой являлся дикторский состав. Люди не шли работать на маленькую ставку (150–175 руб.) даже по совместительству (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 40-41).

Изменения информативности радиовещания, происходившие в центре страны в начале 1930-х гг., отразились и на региональных радиокomiteтах. Дальневосточный краевой комитет ВКП(б), на который возложили функцию контролировать радиовещание региона, признавал состояние радиовещания в крае неудовлетворительным. Среди упущений отмечались: «преоб-

ладание (на 80%) текстовых и особенно передач по материалам газет, недостаточная оперативность политического вещания, наличие политических ошибок, слабость кадров, отсутствие должного руководства» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 19).

По решению Краевого комитета ВКП(б), из-за реорганизации радиовещания в Приморской области в основу последнего должна быть положена «организация культурного отдыха трудящихся и постановка информации и пропаганды на международные, хозяйственно-политические и бытовые цели» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 27).

Вслед за центром в Приморской области ликвидировали все радиогазеты. Оставили только информационную передачу на русском, китайском и корейском языках. Музыкально-художественная часть всех передач по радио на начало 1932 г. составляла 62%. Сократилось количество текстовых передач по сектору пропаганды. Уменьшилась продолжительность лекций и бесед до 20 мин., к их проведению привлекались наиболее квалифицированные силы: академики, профессора, инженеры и проч. Пропаганда и политическая информация в плане вещания составляли 648 часов в год, или 14,7%, и велись на русском, китайском и корейском (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 4).

Постоянное место в сетке радиовещания заняли актуальные передачи, к участию в них привлекались руководители организаций, рабочие-ударники, представители общественных объединений. За 1938 г. у микрофона Приморского радиокomiteта выступил 331 чел.: стахановцев, ударников и хетагуровок – 81; краснофлотцев, красноармейцев и командиров – 34; пропагандистов и агитаторов – 43; представителей партийной, комсомольской и др. организаций – 52; колхозников – 6; научных работников, педагогов, директоров школ – 22; депутатов Верховного Совета СССР и РСФСР – 4; школьников, пионеров, вожатых и др. – 8 (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 171-172).

После реорганизации радиовещания Приморский радиокomiteт транслировал следующие виды программ: 1) Передачи сектора агитации и пропаганды (беседы, доклады, лекции – не менее 2 раз в день, перед передовой из газет «Правда» и др., ежедневный обзор газеты «Красное Знамя», актуальные передачи с заводов, судов и т.д.), а также выступления у микрофона стахановцев, бойцов и командиров РККА; 2) Политическая информация – союзная,

¹ Отсылка к лозунгу, возникшему из речи И.В. Сталина 23.06.1931 г. на совещании хозяйственных работников, где излагались шесть «новых условий развития промышленности».

международная, местная; 3) Литературные передачи (по 2 раза в день); 4) Детские передачи: а. литературно-художественные и музыкальные; б. «Пионерская зорька»; в. физзарядка для школьников; 5) Специальная передача для домохозяек (15 передач в месяц по 30 мин.); 6) Музыкальная передача (до 10 концертов ежедневно); 7) Ведомственная информация и реклама; 8) Урок гимнастики – физзарядка (ежедневно); 9) Трансляции московских, хабаровских передач; трансляции из районов – периодически (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 757. Л. 170-171).

К концу 1930-х гг. качество политического радиовещания улучшилось, увеличился его объем. Если в 1938 г. по сектору пропаганды и агитации передавалось в день в среднем 2, то в 1939 г. – уже 3-4 передачи (лекции, беседы, статьи). За 1939 г. было передано 120 лекций, бесед и статей. Часть лекций (очень незначительную) написали местные авторы. Доклады, выступления, решения и дневники съезда (18-го), присланные по телеграфу, транслировались периодически по 2 раза в день (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 34. Л. 52-53).

Увеличилось количество бесед, статей, лекций и докладов (работников Крайкома, Крайисполкома, военных и т.д.). Практика радиовещания доказала: одна из понятных радиослушателю форм передач не запись речи (интервью), а живое выступление участников событий. Поэтому сектор пропаганды и агитации сделал своей основной задачей проведение организованных выступлений у микрофона руководителей партии, советских и др. организаций; стахановцев, ударников, активистов и военных. Всего за 1939 г. в таких радиопередачах приняло участие свыше 300 чел. (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 34. Л. 54-55)

В Приморской области в 1930-е гг. проживало много китайцев и корейцев, занятых на производстве и в сельском хозяйстве. Для их охвата осуществлялись передачи информационно-пропагандистского характера. По отзывам работников Академии наук и радиослушателей, передачи на китайском, особенно информационные и пропагандистские, страдали путаными политическими формулировками, искаженным переводом важных решений партии и правительства. Это происходило из-за отсутствия постоянного редактора китайского вещания (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 10). Национальное вещание в общей сетке занимало 1 час 30 мин., что не удовлетворяло радиослушателей (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 61). К недочетам относилось и то, что в китайских и корейских радио-

газетах, организованных в мае 1933 г., работало 2 политически слабых товарища, недоставало 2 массовых работников. О слабости национальных радиогазет говорила и национальная группа ЦК партии, приезжавшая во Владивосток (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 41).

Острой проблемой оставались техническое состояние и протяженность радиосети, обусловленные недостаточным финансированием отдаленных районов страны и нехваткой необходимого оборудования. Из 35 радиоузлов Приморской области в районах работали лишь 8. Низовое радиовещание отсутствовало. Райкомы партии не уделяли должного внимания радио и не использовали его в целях пропаганды (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 11. Л. 27).

Если в городах ситуация с радиовещанием являлась удовлетворительной, то в селе – плачевной. Во многих колхозах радиовещания не было, что приводило к информационной изоляции крестьянства. Осознавая необходимость развития радиосети в деревне, бюро Далькрайкома ВКП(б) приняло решение «обязать управление связи Дальневосточного края довести сеть радио точек по обслуживанию колхозников до 54 000, оборудовать 14 новых узлов, оборудовать для колхозного слушания радиопередач 102 радио-аудитории и при радиоузлах открыть 15 радиостудий. Предложить краевому комитету радиовещания совместно с КрайЗу (Краевое земельное управление) организовать радиокурсы по вопросам агротехники и животноводства с охватом ими 10 000 колхозников» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 440. Л. 96).

Но, как показывают статистические данные из сводки мероприятий по колхозам Приморской области за 1936 г., ситуация с техническим оснащением колхозов радио оставалась неудовлетворительной. Радиообслуживание деревни по 8 районам Приморской области выразилось в следующих цифрах: радиоузлов – 6, радиоточек – 750, в т.ч. новых – 735, радиоаудиторий – 27, радиостудий – 3 (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 518. Л. 30).

Радиообслуживание села долго оставалось неудовлетворительным. К середине 1940 г. ни один из колхозов Приморской области не радиофицировали. Развитие радиоточек задерживалось из-за отсутствия линейного провода, репродукторов и материалов для оборудования абонентов. Все материалы для развития радиофикации, поступающие из центра, не превышали 0,1% потребления, да и приходили с большим опозданием (ГАПК. Ф. П-68. Оп. 2. Д. 29. Л. 24). К началу 1940-х гг. качество центрально-

го и местного радиовещания в крае оставалось низким, руководство радиокомитета знало это, однако ничего не предпринимало (Российский архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 2).

Таким образом, за 1930-е гг. развитие радиовещания в Приморской области (с 1938 г. – Приморском крае) прошло сложный путь. За это время удалось значительно усовершенствовать информационную составляющую радиотрансляций, но технические и кадровые проблемы решались с большим трудом. Дальневосточный регион в целом и Приморская область в частности являлись самой отдаленной территорией страны, куда с опозданием приходило и финансирование, и передовые технологии, в том числе используемые на радио.

Радио не только играло большую культурно-просветительскую роль, но и имело огромное информационно-политическое значение в связи с отдаленностью региона. С его помощью во всех уголках области те, у кого были технические возможности, и просто желающие могли слушать радиопередачи не только из Владивостока, но и из Москвы. Радио не столько информировало, развлекало, сколько призывало к действию, трудовым и боевым подвигам, показывало реальные примеры для подражания. Центральные и местные власти с помощью радио обращались к слушателю как к активному субъекту – строителю «светлого будущего». Радио наряду с прессой и кинематографом стало мощным оружием в руках коммунистической партии. Оно пропагандировало успехи в социалистическом строительстве, призывало к бдительности, к борьбе с внутренним и внешним врагом, способствовало укреплению советского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.П., Ахтырский А.И. и др. Очерк по истории советского радиовещания и телевидения // Музей телевидения и радио в интернете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4726
2. Волинец А. Голос Дальнего Востока. Как начиналось Дальневосточное радиовещание // Информационный портал DV.LAND [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <http://dv.land/history/radiogolos-dalnego-vostoka>

3. Мурашов Ю. Советский этос и радиофикация письма // Новое литературное обозрение. 2007. № 86 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/mu2.html>
4. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении: сб. документов и материалов. М.: Мысль, 1972.
5. Погарцев В.В. Становление и развитие системы радиовещания на Дальнем Востоке СССР (1901-1956 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006.
6. Телевидение и радиовещание // Россия. Электронный энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novrosen.ru/Russia/broadcasting.htm>

REFERENCES

1. Alekseev, S.P., Akhtyrskiy, A.I. et al. Ocherk po istorii sovetskogo radioveshchaniya i televideniya [An essay on the history of Soviet radio broadcasting and television]. URL: http://www.tvmuseum.ru/catalog.asp?ob_no=4726 (in Russ.)
2. Volynets, A. Golos Dal'nego Vostoka. Kak nachinalos' Dal'nevostochnoe radioveshchanie [The voice of the Far East. How the Far Eastern broadcasting started]. URL: <http://dv.land/history/radiogolos-dalnego-vostoka> (in Russ.)
3. Murashov, Yu., 2007. Sovetskiy etos i radiofikatsiya pis'ma [Soviet ethos and the radiofication of the letters]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/mu2.html> (in Russ.)
4. O partiynoy i sovetskoy pechati, radioveshchani i televidenii: sb. dokumentov i materialov [On the Party and Soviet press, broadcasting and television]. Moskva: Mysl', 1972. (in Russ.)
5. Pogartsev, V.V., 2006. Stanovlenie i razvitie sistemy radioveshchaniya na Dal'nem Vostoke SSSR (1901-1956 gg.) [The formation and development of the radio broadcasting system in the Soviet Far East, 1901-1956], avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Khabarovsk. (in Russ.)
6. Televidenie i radioveshchanie [Television and broadcasting]. URL: <http://www.novrosen.ru/Russia/broadcasting.htm> (in Russ.)

УДК 1(091)

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/108-114](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/108-114)

Ф.Е. Ажимов, В.В. Леонидова*

ИМПЛИЦИТНАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ Ю. КРИСТЕВОЙ: ОПЫТ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ**

Постмодернистская философия, заявляющая о своей «неклассичности», согласно расхожему мнению, не имеет не только историко-философских оснований, но и свойственной всем основным философским концепциям историко-философской картины. По мнению авторов, во-первых, история философии является неотъемлемым элементом любой философской концепции, что доказывается на примере «имплицитной» истории философии Ю. Кристевой. Во-вторых, любая философская концепция, в свою очередь, является результатом эволюции предшествующей истории философии. В данной статье авторы раскрывают историко-философскую модель Ю. Кристевой через понятия диалогизма, катарсиса и освобождения от отвратительного.

Ключевые слова: Ю. Кристева, история философии, Ж. Деррида, М. Бахтин, философия диалога, катарсис, психоанализ

Julia Kristeva's implicit history of philosophy: an attempt of postmodernist concepts interpretation. FELIX E. AZHIMOV, VITALINA V. LEONIDOVA (Far Eastern Federal University)

According to popular opinion, postmodern philosophy, claiming its “non-classic nature”, does not have grounds in the history of philosophy. According to the authors, the history of philosophy is an integral element of any philosophical concept, which is proved by the example of Julia Kristeva's «implicit» history of philosophy. The authors reveal Kristeva's model of the history of philosophy through the concepts of dialogism, catharsis and the abjective.

Keywords: J. Kristeva, history of philosophy, J. Derrida, M. Bakhtin, philosophy of dialogue, catharsis, psychoanalysis

Понимание историко-философского процесса в постмодернизме можно определить принципами деконструкции, которая, как известно, является ключевым методом анализа и критики метафизических систем прошлого. В рамках деконструкции знание не имеет какого-либо

---

*АЖИМОВ Феликс Евгеньевич, доктор философских наук, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: azhimov.fe@dvfu.ru

ЛЕОНИДОВА Виталина Владимировна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: leonidova.vv@dvfu.ru

© Ажимов Ф.Е., Леонидова В.В., 2017

** Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук. Проект № МД-7135.2016.

устойчивого исторического смысла, представляет собой культурный текст, дискурс, существующий, во-первых, только в пространстве интерпретации, то есть субъективно, и значит, во-вторых, только как нечто, связанное с другими текстами и не принадлежащее конкретной эпохе или контексту. Субъект знания, в свою очередь, встроен в сам процесс интерпретации, неотделим от интерпретируемого текста (см. напр.: [5, с. 124-133]).

В этом отношении философия едва ли может рассматриваться в постмодернистском контексте как объективное исторически развивающееся целое. Однако методологическое состояние современной истории философии [1; 2; 9; 10; 11; 12; 13] свидетельствует о невольном созвучии историко-философского и постмодернистского дискурсов. Плюралистический характер исторических подходов к философии, который сегодня определяет панораму историко-философской науки, как будто бы отвечает постмодернистскому развенчанию познавательного стремления к достижению окончательного объективного знания.

Различие состоит в том, что если в историко-философской науке концептуальный плюрализм воспринимается как проблема [10, с. 21; 12, с. 242], решение которой следует искать, то в постмодернистской философии плюрализм является принципом познания. Современные подходы к истории философии свидетельствуют о попытках в той или иной степени совместить историческое многообразие философии с возможностью ее целостного концептуального представления. В постмодернистской философии, напротив, важно выявление как можно большего набора интерпретаций знания.

Учитывая данные обстоятельства, мы не найдем в постмодернистской мысли научных «историко-философских концепций», однако трудно отрицать у постмодернистских философов наличие историко-философских взглядов. Сам характер постмодернистской философии дает нам санкцию на интерпретацию ее работ в качестве историко-философских. Данная интерпретация, конечно, не будет ключевой для постмодернистского дискурса, и выявленные историко-философские смыслы следует признать скорее имплицитными. Тем не менее, имплицитная история философии – это тоже неотъемлемая часть философии как всегда продолжающегося процесса [1, с. 31], а, следовательно, и часть историко-философской науки.

Для раскрытия имплицитной истории философии постмодернизма мы обратимся к рабо-

там французского автора Юлии Кристевой. В ее творчестве есть труды, посвященные конкретным мыслителям (например, М.М. Бахтину), а также присутствует концептуальный подход к видению развития философии в контексте проблемы отчуждения другого.

Возможность прочтения сочинений Ю. Кристевой как историко-философских мы видим в следующих содержательных моментах ее трудов. Одной из задач философской мысли она признает преодоление отвратительного, конституирующего бытие субъекта: «катарсис оказывается неотъемлемой задачей философии» [8, с. 65]. Этот процесс носит исторический характер: «Поэтический катарсис, который окажется в роли младшей сестры философии и в непримиримой оппозиции к ней в течение двух тысяч лет, отдаляет нас от чистоты, а значит, и от той кантовской морали, которая долго управляла современными заповедями и осталась верной своеобразному стоическому платонизму». Историческую линию философской мысли Ю. Кристева выстраивает именно через анализ развития катарсической функции философии, которая, по мнению французской мыслительницы, зарождается у Платона и находит завершение в психоаналитической теории. Второй момент связан с изучением Ю. Кристевой идей М.М. Бахтина, в контексте анализа которых она репрезентирует идею русскости как варианта феномена «друговости», концептуализируя в ней представление о типах интеллектуальной мысли, иных по отношению к западному интеллектуальному типу дискурса.

Теперь попытаемся интерпретировать «историко-философские» взгляды Ю. Кристевой, опираясь на две ее известные работы. Первая, посвященная творчеству М.М. Бахтина, «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967) [7], относится к ранним работам, вторая – «Силы ужаса: эссе об отвращении» (1982) [8], в которой она вводит в дискурс постмодернизма такие понятия как «отвращение», «матереубийство», «выблевывание», считающиеся комментаторами ключевыми для ее философии [6].

«Историко-философская» стратегия, которой следует Ю. Кристева, состоит в критике универсализма, выраженного в традиционной метафизике, языке и других культурных практиках, направленных на вытеснение другого. Как отмечает в этой связи комментатор Ю. Кристевой И. Жеребкина, «самым парадоксальным итогом творчества Ю. Кристевой с ее радикальной, впервые введенной в западную метафизику

философией материнского (с ее «выблеванными» «силами ужаса»), строящей свои радикальные и «вульгарные» философские дискурсивные стратегии как стратегии отвратительного («выблевывание матери» как «выблевывание» всех возможных типов универсализма — от традиционной культуры и языка до традиционной политики)» [6, с. 34].

В ранний период творчества французского мыслителя мы находим отражение ее историко-философских взглядов в анализе трудов М.М. Бахтина [7]. Разбирая лингвистическую концепцию русского мыслителя, Ю. Кристева показывает, как в современном философском дискурсе развиваются понятия интертекстуальности, диалогизма, письма, противостоящие традиционному пониманию слова как монологического повествования, за которым стоят такие традиционные формы дискурса, как теологический и метафизический. К творчеству М.М. Бахтина французский философ обратилась неслучайно. В идеях, подобных бахтинским, Ю. Кристева находит основания для критики западной интеллектуальной традиции. «С первых, семиотических работ интенсивно использованное понятие «русскости» (в виде философии телесного низа Бахтина или экзистенциально-революционного языка русских формалистов), с самого начала направленные — тем самым — против западных дискурсивных норм и для которых Кристева позже, кроме «выблевывания» (материнского тела) вводит специальное понятие «матереубийства»» [6, с. 27].

Интерпретация письма (слова) М.М. Бахтиным выводит его идеи, по мнению Ю. Кристевой, из пространства обычного опредмеченного объективированного письма в пространство дискурса [7, с. 429, 432], в котором текст является диалогом различных текстов, происходит взаимодействие автора и другого, выход текста в культурное и историческое окружение. Основное открытие, сделанное М.М. Бахтиным, — это признание текста результатом цитаций и трансформаций других текстов. Ю. Кристева пишет, что у Бахтина «...на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности...» [7, с. 429]. Текст — это другой, под которым может пониматься иной текст, культурный контекст, история, с которыми (а также между собой) вступают в диалог автор и читатель, превращая тем самым текст в *дискурс*. Следуя за М.М. Бахтиным в понимании текста [3, с. 66; 14, с. 88] и обозначая его термином интерсубъективность, Ю. Кристева встраивает бах-

тинскую концепцию в постструктуралистскую традицию, что соответствует, как подмечено ею самой и её комментаторами, желанию французской исследовательницы вводить в западный философский дискурс «мигрантское», чужеродное начало, к которому она же сама и принадлежит в силу своего восточноевропейского происхождения [6, с. 31-32].

М.М. Бахтин выделяет два типа дискурса: монологический и диалогический. В разделении этих дискурсов Ю. Кристева усматривает противопоставление логики культуры традиционной, метафизической, ставшей, абсолютистской логике культуры карнавальной, становящейся, рождающейся в пространстве диалога с другим [7, с. 443]. К традиционному монологическому дискурсу относятся эпическое повествование, научный и исторические дискурсы, к диалогическому — карнавал, мениппея, полифонический роман [7, с. 441-442]. В традиционном монологическом дискурсе скрыты субстанциальность, нормативность, запрет, вытеснение всего ненормативного, логика единичного, апеллирующая к «божественному», «социальному», это дискурс официальной культуры. В диалогическом дискурсе нарушается логика причинности, субстанциальности [7, с. 436], открывается «другой» — неофициальное, ненормативное, взаимодействуют между собой различные уровни и тексты культуры. В философии монологический дискурс воплощен в формальной аристотелевской логике, выражающейся в казуальности, иерархичности, субстанциальности, диалогизм преодолевает оппозиционность традиционной логики представлением о языке как о взаимосоотнесенных текстах [7, с. 450]. М.М. Бахтин, концептуализируя проблему диалогизма в идеях карнавала, полифонического романа, открывает возможность для другого. Феномены карнавала, в котором выражает себя неофициальная ненормативная культура, полифонический роман, являющийся пространством встречи автора, героев и читателя, мениппея, представляющая собой некую практическую философию жизни, решающую последние вопросы бытия [7, с. 447-448] — все эти формы суть разрушающие онтологическую целостность субъекта, погружающие его в различные контексты, оппозиции, разрывы культурного пространства. «Диалогизм мениппейных слов непосредственно является такой практической философией, которая вступает в схватку с идеализмом и с религиозной метафизикой (с эпосом): он есть не

что иное, как социально-политическая мысль эпохи, полемицизирующая с теологией (с законом)» [7, с. 448]. Диалогизм тем самым снимает идею вытеснения другого, наблюдаемую в традиционных дискурсах. Интерпретацию Ю. Кристевой творчества М.М. Бахтина, русского мыслителя, можно трактовать как часть ее имплицитной истории философии, в которой бахтинские идеи диалогизма выступают альтернативой традиционному западному философскому дискурсу. Сам М.М. Бахтин, «отпрыск революционной России» [7, с. 432], для Ю. Кристевой есть символ философской коммуникации, рожденной в условиях острых социальных коллизий, побуждающих обращаться к проблеме другого и превращающих язык из метафизического в социальное начало. Социальность, историчность, широкое бесконечное пространство диалогизма делает его «основой интеллектуальной структуры нашего времени», тяготеющего к интертекстуальным формам мысли [7, с. 454].

Еще один вариант проблемы вытеснения другого представлен в более позднем сочинении французского автора «Силы ужаса: эссе об отвращении» [8]. В этой работе Ю. Кристева совершает небольшой экскурс в историю философии с позиций психоанализа. Французский философ использует психоаналитический метод в качестве инструмента для анализа *отвращения* – «фундаментальной» проблемы общества [8, с. 63], которую, как считает Ю. Кристева, оно научилось вытеснять. Через отвратительное происходит становление, в том числе телесное, субъекта, но в дальнейшем оно должно быть исключено из процесса его развития [4]. В философии психоаналитика интересует логос как вариация преодоления отвратительного посредством интеллектуального очищения сознания субъекта. Проблему очищения сознания впервые осознал Платон, заинтригованный, по словам Ю. Кристевой, вопросом противопоставления аполлонийского и дионисийского культов [8, с. 64].

Итак, философия есть логос, в котором посредством катарсиса возможно очищение от отвратительного, от нечистоты. У Платона оно совершается либо посредством постижения интеллектуальной истины и освобождения от материального, либо посредством моральных действий. Ю. Кристева, комментируя платоновский идеализм, приходит к выводу, что все же последней инстанцией очищения является разум – «в трансцендентальном идеализме ка-

тарсис превращается в философию» [8, с. 64]. Философия тождественна интеллектуальному катарсису, в платоновском варианте она есть чистый интеллектуальный акт. Задача философии – очистить от отвратительного, *отделив* субъект от него телесно и духовно.

Противоположную платоновской концепцию предлагает Аристотель. По мнению Ю. Кристевой, Аристотель противопоставляет платоновской смерти, как условию чистоты, акт поэтического очищения, в котором защита от отвратительного происходит через погружение в него. Чистому философскому размышлению противопоставляется сексуальный дискурс: душа и тело, погружаясь в оргию посредством эстетических практик, приводят субъекта в конечном итоге к гармонии [8, с. 64]. Отвратительное здесь не уничтожается, но снимается гармонизацией телесного и духовного. «Речь идет об очищении души и тела в едином и комплексном кругообращении «желчи» и «огня», «мужского жара» и «воодушевления» «интеллигенции». Размер и пение будят таким образом нечистоту, оборотную сторону интеллигенции – страстно-телесно-сексуально-потенциальную – но приводят его к гармонии, обращаются с ним иначе, чем знание мудреца» [8, с. 64].

Аристотелевский поэтический катарсис и стоический платонизм образуют две оппозиционные линии в истории мысли, которые были, по словам Ю. Кристевой, непримиримы в течение двух тысяч лет [8, с. 65]. Далее они воплощаются в кантовской морали, в которой очищение от отвратительного осуществляется в этическом воспитании сознания, и в гегелевском идеализме, близком аристотелевскому пафосу в своем признании фундаментальной неустранимости отвратительного, видящем момент его снятия в историческом акте заключения в упорядоченные социальные формы.

И. Кант считает отвратительное скверной, сексуальной по происхождению, от которой следует освободиться, философско-этическим актом сознания подчинив отвратительное [8, с. 65]. Г. Гегель, по мнению Ю. Кристевой, видит, как и И. Кант, в отвратительном сексуальную нечистоту, однако не признает дихотомию духовного и телесного, но считает, что отвратительное диалектически конституирует сознание и оно снимает себя само в акте брака («в истории») [8, с. 66].

Однако в гегелевской мысли, не воспринявшей оргиастический катарсис Аристотеля, философское очищение остается незавершенным,

так как отвратительное, которое снимается развитием идеи, уходит в подсознание [8, с. 66], в молчание и печаль в терминах Ю. Кристевой. Из подсознания отвратительное извлекается уже психоанализом.

Психоанализ Ю. Кристева считает близким по своему характеру аристотелевскому поэтическому пути очищения. Интерпретация психоаналитика схожа с миметическим характером катарсиса в аристотелевском смысле: через обращение к аффектам происходит их экспликация, переживание и гармонизация, подобные тому, что мы видим в эстетическом катарсисе [8, с. 67]. Таким образом, психоанализ в понимании Ю. Кристевой преодолевает разрыв, образовавшийся в истории философии в связи с пониманием взаимоотношения отвратительного и идеального.

Итак, философская проблема, к которой обращается Ю. Кристева, осуществляя историко-философский анализ – это взаимоотношение отвратительного и чистого, дионисийского и аполлонического. Указанную дихотомию можно рассматривать как вариант фундаментального философского вопроса о материальном и идеальном, однако взятом в психоаналитическом контексте и приобретшем в связи с этим сексуальные коннотации. Решение этой дихотомии в платоновском духе в истории философии инициировало мораль и социальные практики, построенные на вытеснении сексуального как главной формы отвратительного, поскольку процесс освобождения от отвратительного был увязан с очищением от телесной и, в первую очередь, сексуальной нечистоты.

Выводы, которые можно сформулировать, исходя из рассуждений Ю. Кристевой, следующие. История философии является частью культурного процесса по продуцированию способов преодоления отвратительного. В этом смысле она есть проявление западной модели культуры, построенной на подавлении и вытеснении. Философия как историческая форма породила три вида катарсической практики преодоления отвратительного: интеллектуальный катарсис (платоновский вариант), интеллектуально-телесный катарсис (аристотелевский вариант), интеллектуально-социальный катарсис (гегелевский вариант).

Итак, имплицитную историю философию Ю. Кристевой раскрывают понятие диалогизма и отвратительного. Диалог и идея вытеснения отвратительного характеризуют ключевые содержательные моменты истории мысли. Про-

блему вытеснения отвратительного можно трактовать как одну из форм отчуждения другого, идея которого воплощена в истории философии, являющейся частью западных дискурсивных норм. Диалогизм здесь является философской практикой возвращения и принятия другого.

В истории мысли проблема преодоления отвратительного получила два пути решения. Первый, связанный с интеллектуальным катарсисом и победой с последующим тысячелетним довлечением над философской мыслью трансцендентального идеализма, соединил процесс освобождения от отвратительного с телесной чистотой и постижением интеллектуальной истины. Второй путь, изначально воплотившийся в катарсической концепции Аристотеля, предполагал гармоничное соединение аффективного и интеллектуального начал в эстетическом переживании аффектов. Как следует из трактовки Ю. Кристевой, философия пошла по первому, платоновскому пути развития, найдя законченное выражение в трансцендентальном идеализме И. Канта. В рамках него отвратительное осуждается как сексуальная нечистота, которую следует подчинить развитием сознания. Линия осуждения находит продолжение у Гегеля, который предлагает снимать сексуальную нечистоту в социальной практике брака, что проблему не снимает, а только переносит на невербальный уровень бытия, в дискурс молчания.

Отчуждение другого, конституированное в западной мысли, снимается в диалоговых интеллектуальных формах. Их Ю. Кристева разбирает на примере концепции М.М. Бахтина, творчество которого символизирует альтернативную западному философскому дискурсу коммуникативную философскую линию.

Таким образом, историю философии в изложении Ю. Кристевой можно понимать как эволюцию в первую очередь западной мысли, генеральной тенденцией которой является дискурс отчуждения, закрепленный в традиционной метафизике и предстающий в качестве нормативного. Указанные тенденции преодолеваются в современных концепциях, в том числе принадлежащих незападной мысли, к которым Ю. Кристева относит философию диалога, в русском бахтинском варианте, и отчасти свое собственное творчество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажимов Ф.Е. Философия: история или теория? Заметки о специфике истории философии // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 27-32.

2. Визгин В.П. К обновлению истории философии: размышление ad hoc // *Философский журнал*. 2013. № 2. С. 70-82.

3. Высочина Ю.Л. Концепция «диалогизма» М.М. Бахтина как основание постструктуралистской концепции интертекстуальности Ю. Кристевой // *Филология и человек*. 2016. № 4. С. 63-69.

4. Глушнёва Ю.Д. Теория материнского Юлии Кристевой как стратегия анализа женственности в кинематографе // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_21285904_61776864.pdf

5. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.

6. Жеребкина И. «Будто матерью блюешь...»: философия материнского Юлии Кристевой // *Силы ужаса: эссе об отвращении*. СПб.: Алетейя, 2003. С. 25-35.

7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

8. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб.: Алетейя, 2003.

9. Куренной В.А. Полемика профессионалов: конкуренция и опровержение исследовательских программ в современной философии // *Логос*. 2014. №4. С. 106-146.

10. Ойзерман Т.И. Философия как история философии. СПб.: Алетейя, 1999.

11. Просветов С.Ю. Методологические аспекты метатеоретической интерпретации истории философии // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. №14. С. 19-23.

12. Просветов С.Ю. Социокультурная интерпретация логики развития историко-философского процесса // *Общество и право*. 2013. №1. С. 242-245.

13. Просветов С.Ю. Структура историко-философской парадигмы // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. Т. 1. № 2. С. 234-238.

14. Фомин К.А. Трансформация концепции традиции в эстетике постструктурализма (Ю. Кристева, Р. Барт) // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки*. 2015. № 3 (15). С. 84-96.

REFERENCES

1. Azhimov, F.E., 2014. *Filosofiya: istoriya ili teoriya? Zametki o spetsifike istorii filosofii*

[Philosophy: history or theory? Notes on the specifics of the history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 27-32. (in Russ.)

2. Vizgin, V.P., 2013. *K obnovleniyu istorii filosofii: razmyshlenie ad hoc* [To the renewal of the history of philosophy: thoughts ad hoc], *Filosofskiy zhurnal*, no. 2, pp. 70-82. (in Russ.)

3. Vysochina, Yu.L., 2016. *Kontseptsiya «dialogizma» M.M. Bakhtina kak osnovanie poststrukturalistskoy kontseptsii intertekstual'nosti Yu. Kristevoy* [Michail Baktin's concept of "dialogism" as the basis of Julia Kristeva's poststructuralist concept of intertextuality], *Filologiya i chelovek*, no. 4, pp. 63-69. (in Russ.)

4. Glushneva, Yu.D., 2013. *Teoriya materinskogo Yulii Kristevoy kak strategiya analiza zhenstvennosti v kinematografe* [Julia Kristeva's theory of maternity as a strategy for the analysis of femininity in the cinema]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21285904_61776864.pdf (in Russ.)

5. Derrida, J., 2000. *O grammatologii* [Of grammatology]. Moskva: Ad Marginem. (in Russ.)

6. Zherebkina, I., 2003. «Budto mater'yu blyuesh'...»: *filosofiya materinskogo Yulii Kristevoy* [Julia Kristeva's philosophy of maternity]. In: *Kristeva, J., 2003. Sily uzhasa: esse ob otrashchenii*. Sankt-Peterburg: Aleteiya, pp. 25-35. (in Russ.)

7. Kristeva, J., 2000. *Bakhtin, slovo, dialog, roman* [Bakhtin, word, dialogue, novel]. In: *Kristeva, J., 2000. Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu*. Moskva: IG Progress, pp. 427-457. (in Russ.)

8. Kristeva, J., 2003. *Sily uzhasa: esse ob otrashchenii* [Powers of horror: an essay on abjection]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

9. Kurennoy, V.A., 2014. *Polemika professionalov: konkurentsia i oproverzhenie issledovatel'skikh programm v sovremennoy filosofii* [Polemic of professionals: competition and refutation of research programs in modern philosophy], *Logos*, no. 4, pp. 106-146. (in Russ.)

10. Oizerman, T.I., 1999. *Filosofiya kak istoriya filosofii* [Philosophy as a history of philosophy]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

11. Prosvetov, S.Yu., 2012. *Metodologicheskie aspekty metateoreticheskoi interpretatsii istorii filosofii* [Methodological aspects of metatheoretical interpretation of the history of philosophy], *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 19-23. (in Russ.)

12. Prosvetov, S.Yu., 2013. *Sotsiokul'turnaya interpretatsiya logiki razvitiya istoriko-filosofskogo protsessa* [Sociocultural interpretation

of the logic of development of the history of philosophy], *Obshchestvo i pravo*, no. 1, pp. 242-245. (in Russ.)

13. Prosvetov, S.Yu., 2013. *Struktura istoriko-filosofskoy paradigmy* [The structure of the history of philosophy paradigm], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, Vol. 1, no. 2, pp. 234-238. (in Russ.)

14. Fomin, K.A., 2015. *Transformatsiya kontseptsii traditsii v estetike poststrukturalizma* (Yu. Kristeva, R. Bart) [Transformation of the concept of tradition in the aesthetics of poststructuralism (J. Kristeva, R. Bart)], *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*, no. 3, pp. 84-96. (in Russ.)

Е.В. Сердюкова*

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ Н.О. ЛОССКОГО: НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

В статье исследуются взгляды известного русского религиозного философа Н.О. Лосского, относящиеся преимущественно ко второму этапу его творчества – периоду разработки практической философии. На основе анализа материалов, написанных преимущественно в период эмиграции, в статье представлены общие контуры социально-философских и философско-правовых взглядов Лосского. В работе используются новые источники из парижского архива Н.О. Лосского.

Ключевые слова: Н.О. Лосский, русская философия, судьба России, революция, социализм, демократия, государство благоденствия

Nikolay Lossky's social philosophy and philosophy of law: the new pages.
ELENA V. SERDYUKOVA (Southern Federal University)

The article explores the views of the famous Russian religious philosopher Nikolay Lossky, focusing mainly on the second period of his work, when he developed practical philosophy. Based on the analysis of his works written primarily in emigration, the author presents the general outlines of Lossky's social philosophy and philosophy of law. The article introduces new sources from the Paris archives of Lossky.

Keywords: Nikolay Lossky, Russian philosophy, destiny of Russia, revolution, socialism, democracy, welfare state

Николай Онуфриевич Лосский (1870-1965) – один из ярчайших русских религиозных философов XX в., «патриарх русской философии», по выражению его ученика и последователя С.А. Левицкого [4]. Н.О. Лосский известен как крупнейший гносеолог и создатель последовательной философской системы. По мнению В.В. Зеньковского, Лосский «едва ли не единственный русский философ, построивший систему философии в самом точном смысле сло-

ва» [2, с. 205]. В своей работе «История русской философии» Лосский помещает себя в главу «Интуитивисты».

Идея всепроникающего мирового единства, оформившаяся в тезис «все имманентно всему», была для Н.О. Лосского руководящей мыслью и привела к разработке интуитивизма и идеал-реализма. Однако можно выделить два периода в творческой биографии Н.О. Лосского: создание теоретической философии (логики, теории зна-

---

* СЕРДЮКОВА Елена Владимировна, кандидат философских наук, директор Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

E-mail: evserdyukova@sfnu.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 17-03-50234.

Автор выражает благодарность руководству Института славянских исследований (Париж) за предоставленную возможность работы с материалами архива Н.О. Лосского.

© Сердюкова Е.В., 2017

ния и метафизики) и затем – разработка практической философии (философии ценностей, этики, эстетики и т.п.). Не оставляет Лосский без внимания и вопросы религиозно-философского характера, что находит свое отражение в трудах «Бог и мировое зло», «Достоевский и его христианское миропонимание», статьях «О единстве церкви», «Преподобный Сергей Радонежский и Серафим Саровский (по поводу книги Б.Зайцева и Вл. Ильина)», «О борьбе с грехом» и других публикациях.

Творчество философа в различных его аспектах (особенно интуитивизм, идеал-реализм, персонализм) не раз становилось предметом исследования российских ученых (например, в работах Гайденко П.П., Мотрошиловой Н.В., Маслина М.А., Филатова В.П., Гусейнова А.А., Ермичева А.А., Половинкина С.М., Ермишина О.Т.). Его заслуги относят «к области метафизики» (В. Зеньковский), «гносеологии, логике, метафизике и философии ценностей» (С.А. Левицкий). Внимание многих исследователей в большей степени обращается, как правило, к той части учения Н.О. Лосского, которую он сам называл теоретической философией, а практическая философия, к разработке которой Лосский приступил примерно с 1930 г., исследована в меньшей степени.

Некоторые зарубежные специалисты в области истории русской мысли отмечают отсутствие у Лосского социальной и политической философии (J. Scanlan) и нежелание заниматься политической деятельностью (L. Chamberlain). В своей книге «The Philosophy Steamer», посвященной высылке из России значительной части русской интеллигенции в 1922 г. и дальнейшей судьбе ее представителей, основанной на дневниках, письмах и воспоминаниях, Л. Чемберлен особо отмечает, что Лосский написал манифест партии кадетов для предвыборной компании в 1917 г. в Петрограде, «преодолев свою неприязнь к политической деятельности» [3, с. 39]. В то же время на страницах своих «Воспоминаний» Лосский признается, что еще в пятом классе Витебской гимназии пережил душевный кризис «из-за осознания несправедливости нашего политического строя» [5, с. 40], а в 15 лет познакомился с идеями социализма [5, с. 42], которые привели в дальнейшем к кризису веры и отчислению из гимназии с формулировкой «за пропаганду атеизма и социализма». В автобиографическом очерке, хранящемся в парижском архиве, он так высказывается по поводу своего отчисления: «В действительности Лосский ни-

когда не принадлежал к революционным партиям; преступление его состояло лишь в том, что он высказывался в пользу социализма и атеизма, а также читал с товарищами «изъятые из библиотек» сочинения Писарева, Добролюбова, Михайловского, перевод на русский язык первого издания «Души человека и животных» Вундта» (Лосский Н.О. Автобиографические материалы, 1935 г. // Архив Н.О. Лосского. Institut d'études slaves, Paris). Вопросы социальной справедливости и блага, будущее России, судьба русского народа всегда волновали русского философа.

Анализ работ, изданных в период с 1930-х по 1960-е гг., и новые архивные материалы позволяют совершенно по-новому оценить вклад Лосского в развитие отечественной философии и существенно меняют представление о нем, как о философе, по преимуществу занятому разработкой проблем интуитивизма и идеал-реализма. Тематика статей периода эмиграции («В защиту демократии», «Какой идеал противопоставить коммунизму?», «Органическое строение общества и демократия», ««Индустриализм, коммунизм и утрата личности» и др.) свидетельствует о высоком интересе Лосского к событиям, происходящим в общественной жизни советской России, и окончательному оформлению в эмиграции социально-философских и политико-правовых взглядов русского философа.

Жизненный путь Н.О. Лосского был разделен на два больших периода: до эмиграции и после высылки из страны в 1922 г., и неразрывно связан с преподавательской и научной деятельностью в университетах России, Европы и США. Прежде всего, речь идет о Санкт-Петербургском университете, в котором Лосский прошел путь от студента (обучение на физико-математическом, а затем историко-филологическом факультетах) до приват-доцента, а затем и профессора кафедры философии (с 1916 г.).

Как и многие другие русские философы, Лосский пережил период увлечения социализмом, но впоследствии перестал питать к нему повышенный интерес, так как понял, что «задача подчинения экономики общественному служению есть проблема социальной техники, разрешимая, как и все технические вопросы, самыми разнообразными способами, даже и без отмены частной собственности на средства производства» [5, с. 124]. В более поздних работах (прежде всего в книге «Условия абсолютного добра») Лосский определил два основных

вектора исторического развития – прогресс и регресс. Прогресс – путь к абсолютному добру, к Царству Божьему, регресс – сатанинский путь, путь отпадения от Бога. Лосский отрицал путь революционного развития общества, так как уже после революции 1905 г. осознал, что «революционный переворот, сполна опрокидывающий историческую государственную власть, есть величайшее бедствие в жизни народа» [5, с. 179].

Февральская революция 1917 г. вызвала у Лосского чувство ужаса: «У меня было мистическое восприятие исчезновения государственной организующей силы, социальной пустоты на ее месте» [5, с. 179]. Октябрьскую революцию Лосский воспринимает как трагедию в жизни русского народа и полагает, что с этого момента Россия вступила на путь регресса. В 1918 г. от дифтерита умирает дочь Лосского Маруся, ее смерть окончательно возвращает Лосского в лоно церкви.

В 1922 г. Н.О. Лосского, как и многих других выдающихся деятелей науки и культуры, высылают из России. В статье «Коммунизм и философское мировоззрение» философ пишет следующее: «В ноябре 1922 г. правительство Р.С.Ф.С.Р. изгнало меня из России несмотря на то, что с момента октябрьской революции я не совершил ни одного политического акта и даже номинально не состоял членом ни одной политической партии. Поводом к изгнанию поэтому могло служить только мое мировоззрение, именно религиозный характер моих философских взглядов». И далее в одном из примечаний добавляет: «Когда в августе 1921 г. меня удалили из числа профессоров Петроградского Университета, в Государственном Ученом Совете было сказано: «Догмат Троичности защищает! Такой профессор не допустим в университете» [8, с. 82]. На протяжении всей своей жизни Н.О. Лосский не смог забыть ужасы революций и не раз в своих статьях выступал с критикой процессов, происходящих в СССР, в том числе весьма негативно оценивая доминирование диалектического материализма в советской философии и его политическую ангажированность (например, в работе «Диалектический материализм в СССР» 1934 г.). Весьма показательным в этой связи является отрывок из письма Н.О. Лосского своей жене от 1 сентября 1930 года из Оксфорда. В письме Николай Онуфриевич рассказывает Людмиле Владимировне о визите к нему профессора Симпсона (Simpson) из Эдинбурга, очень любящего Рос-

сию и потому изучающего ее историю. С Лосским он познакомился еще в 1915 или 1916 гг. в гимназии Марии Николаевны Стоюниной. Профессор Симпсон собирался ехать в Россию, изучать современное состояние ее. «В ½ часа я ему наговорил много, лицо его глубоко изменялось, когда он слышал об ужасах русской жизни», – пишет Лосский (Письмо Н.О. Лосского Л.В. Лосской (Стоюниной) от 1 сентября 1930 г., Оксфорд // Архив Н.О. Лосского. Письма из Оксфорда. Institut d'études slaves, – Paris).

В статье «Индустриализм, коммунизм и утрата личности», написанной в 1930-е гг., русский мыслитель пишет о том, что мы стоим на пороге «знаменательной исторической эпохи», предполагающей «переход к новому экономическому порядку» и «новому духовному строю жизни». Лосский отмечает взаимозависимость экономической жизни всех народов, которая «обязывает к организации хозяйственной деятельности, как единого целого» [6, с. 99]. Для него очевидна связь между экономическим уровнем жизни и духовным. Расцвет экономической жизни, подъем может стать фундаментом для расцвета индивидуальной духовной жизни и высокого подъема духовного творчества, но, с другой стороны, может привести и к падению духовного творчества, принижению личности. Лосский отмечает страны, в которых уже видны признаки упадка индивидуального бытия человека, – Советская Россия, США, Германия. «Современная культура содержит в себе много различных условий, таящих в себе тенденцию деперсонализации человека» [6, с. 99]. В качестве таких условий он рассматривает односторонний коммунизм и индустриализм, под которым он понимает «чрезвычайное развитие промышленной деятельности, связанное с преувеличенной оценкой ее значения» [6, с. 99-100].

Созвучны идеям Н.О. Лосского взгляды другого русского философа Н.А. Бердяева, который много писал о «дегуманизации» человека под влиянием крайнего индустриализма и, по мнению которого, машина и техника наносят страшные поражения душевной жизни человека и прежде всего – жизни эмоциональной, человеческим чувствам. «Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. Так можно сказать, что старая культура была опасна для человеческого тела, она оставляла его в небрежении, часто его изнеживала и расслабляла. Машинная техническая цивилизация опасна прежде всего для души. Сердце с трудом выносит прикосновение холодного металла,

оно не может жить в металлической среде. Для нашей эпохи характерны процессы разрушения сердца, как ядра души» [1, с. 22-23]. Удивительно, насколько актуально звучат сегодня в эпоху высоких технологий слова русских философов.

Одну из главных проблем общественного бытия Лосский видел также в том, что современная цивилизация выдвинула на первый план социальное общение, оставляя мало места общению индивидуальному, предполагающему глубокое проникновение в индивидуальную внутреннюю жизнь, которая возникает на основе дружбы, приятельства или любви одного лица к другому. В социуме (общении в политических партиях, научном сообществе и т.д.) человек выступает, прежде всего, не как индивидуум, а как социальная единица, орган социального целого, что может привести к доминированию социального общения над индивидуальным. Стандартизация и социализация поведения очень упростили жизнь, а так называемая «научная философия», к которой Лосский относит материализм, бихевиоризм, позитивизм, оказалась неспособна выработать понятие индивидуума, как ценной и неповторимой личности. «Общество, в котором личность рассматривается не как абсолютно ценный индивидуум, имеющий цель в самом себе, а как только средство для процветания коллектива, утрачивает идею неотъемлемых прав личности: отношения государства к индивидууму определяются в нем не правом, а социальной целесообразностью; любое вмешательство в жизни личности считается допустимым, если оно признано полезным для коллектива» [6, с. 104].

Лосский выделяет два важных фактора, вступающих на защиту прав личности: христианская религия и семья. Христианство признает абсолютную ценность личности, которая сотворена по образу Божьему и утверждает, что «кроме жизни в биологическом смысле, есть еще более высокие сверхбиологические цели деятельности человека; выше общества, нации, государства оно ставит отношение человека к Богу и к абсолютным ценностям истины, нравственного добра, красоты, вечной и совершенной жизни в Боге» [6, с. 105]. В то же время семья защищает права всех своих членов на основе любви и переживания абсолютной ценности каждой личности, «на этой почве естественно возникает признание за каждой личностью таких прав, нарушение которых недопустимо ни в каком случае. Отсюда понятно, что эволюция общества, отвергающая самооценку лично-

сти, сопутствуется борьбой против христианства и против семьи» [6, с. 105], что собственно и произошло в СССР. В качестве выхода из сложившейся ситуации Лосский предлагает выработать некий синтез социального и индивидуального развития и разработать идеал, который бы сочетал социальные и индивидуальные ценности на основе христианского мировоззрения, т.к. «оно утверждает абсолютную ценность индивидуальной личности, но открывает, что совершенного осуществления своей индивидуальности личность может достигнуть не иначе, как на основе любви к Богу и ко всем другим личностям, на основе единого стремления всех существ к достижению полноты жизни путем соборного творчества» [6, с. 109]. Создание такого синтеза вполне возможно на основе иерархического персонализма, разрабатываемого Н.О. Лосским в своих работах, согласно которому человеческое общество есть личность более высокого порядка, чем личность отдельного человека. В то же время каждая личность признается абсолютной ценностью, из чего вытекает, как пишет Лосский, парадоксальное следствие: «Личность, составляющая часть социального целого, поскольку она есть абсолютная ценность, равна социальному целому по своему достоинству и не должна быть низводима на степень только средства, только органа целого» [6, с. 110].

В статьях «В защиту демократии», «Индустриализм, коммунизм и утрата личности», «Какой идеал противопоставить коммунизму?», «Органическое строение общества и демократия» и ряде других Лосский подверг резкой критике социализм и коммунизм, называя режим в СССР не столько коммунизмом, сколько «рабовладельческим государственным капитализмом» и «тоталитарным полицейским государством». Личной трагедией стала для Н.О. Лосского Вторая мировая война. Как писал С.А. Левицкий, Н.О. Лосский «тяжело переживал первые громоздкие немецкие победы в России и страдания своего народа, но не стал на позиции «советского патриотизма». Все его симпатии были на стороне западных демократий» [5, с. 177]. Русский философ на протяжении долгого периода своей жизни, начиная с момента вступления в партию кадетов и написания брошюры с программой партии «Чего хочет Партия народной свободы?» в 1917 г., отстаивал правовую демократию как тот политический строй, который лучше всего сможет защитить народы от политических бед.

В своих работах послевоенного периода Лосский выступил в качестве не только критика существующего государственного строя в СССР, но и автора определенного проекта для будущей России с учетом происходящих политических, экономических и социальных изменений в странах Европы и США. По его мнению, социальная справедливость может быть достигнута без той ломки общественной жизни, которая требуется социализмом. Отправным документом в деле построения общественного строя для философа стала «Всеобщая декларация прав человека», которая гарантирует человеку ряд прав: свободу мысли, совести и религии, свободу мнения, выражения его и информации, свободу мирных собраний и ассоциаций и т.д. Реализовать эти права в действительной жизни – крайне сложная задача. Возникает вопрос: какой тип государственного строя и какая социально-экономическая система наиболее благоприятна для решения этой задачи? Русский философ возлагает надежду на демократию, «разумея под этим словом выраженное в §21 Декларации право участия каждого гражданина в управлении своей страны посредством представителей, свободно избранных путем всеобщего, равного и тайного голосования» [7, с. 259]. Для того чтобы формальная демократия стала истинной демократией, необходимо политическое воспитание народа. К высококультурным демократиям Лосский относит Великобританию, США, Францию, Швецию и некоторые другие страны, которые развиваются в направлении строя, который он обозначает как «государство благоденствия» (Welfare State), где каждый член общества будет защищен от нищеты и получит все средства для удовлетворения своих духовных потребностей и духовного развития. Экономическая сторона такого строя будет опираться на систему всеобщего страхования, разработанную лордом Бевериджем – английским социальным реформатором¹. К идее «государства благоденствия» Лосский обращается в статье «Какой идеал противопоставить коммунизму» и в послании к молодежи России, помещенном в сборнике «Старые

– молодым» (1960 г.) [9]. Он высоко оценивает политические и социальные преобразования, происходящие в послевоенное время в Великобритании и США, особенно его вдохновляют перемены, происходящие в Америке в период его жизни в этой стране. В письме к сыну Борису от 3 января 1948 г. Лосский пишет следующие строки: «Америка – единственный континент, где духовная жизнь может продолжаться спокойно, и я надеюсь, США организует все человечество на принципах христианской цивилизации, т.е. идее абсолютной ценности каждой личности, и, следовательно, на принципе духовной свободы» [5, с. 307-308]. Положительную динамику в общественной жизни Великобритании и США Н.О. Лосский напрямую связывает с поэтапной реализацией плана Бевериджа, который может быть осуществлен в стране без революционных потрясений и с сохранением всех свобод. По мнению русского философа, именно таким может быть путь будущей России.

В заключении хотелось бы еще раз подчеркнуть значимость и актуальность практической философии Н.О. Лосского, а именно его социально-философских и философско-правовых идей, которые требуют глубоко осмысления и свидетельствуют о живом интересе русского мыслителя на протяжении всей его жизни к процессам, происходящим в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь (Париж). 1933. №38. С. 22-23.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 1. Л., 1991.
3. Левицкий С.А. Воспоминания о Лосском // Новый журнал (Нью-Йорк). 1977. Кн. 126. С. 171-187.
4. Левицкий С.А. Патриарх русской философии (к 90-летию Н.О. Лосского) // Грани. 1960. № 48. С. 186-193.
5. Лосский Н.О. Воспоминания: жизнь и философский путь. М.: Викмо-М, Русский путь, 2008.
6. Лосский Н.О. Индустриализм, коммунизм и утрата личности // Новый град (Париж). 1936. № 11. С. 99-110.
7. Лосский Н.О. Какой идеал противопоставить коммунизму? // Новый журнал. 1954. № 37. С. 257-265.
8. Лосский Н.О. Коммунизм и философское мировоззрение // София. Проблемы духовной

¹ Сама модель «Welfare State» восходит к Бисмарку, создавшему систему всеобщего страхования, лорд Беверидж стал известен всему миру после доклада, сделанного в 1942 г., в котором были определены основные направления развития социальной политики в послевоенной Европе. В своих исследованиях Беверидж представил теоретические основы современного социального государства.

культуры и религиозной философии. Берлин: Обелиск, 1923.

9. Старые – молодым. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1960.

10. Chamberlain, L., 2007. The Philosophy Steamer. Lenin and the exile of the intelligentsia. London: Atlantic Books.

REFERENCES

1. Berdyaev, N.A., 1933. Chelovek i mashina (problema sotsiologii i metafiziki tekhniki) [Man and machine (the problem of sociology and metaphysics of technology)], Put' (Paris), no. 38, pp. 22-23. (in Russ.)

2. Zen'kovskiy, V.V., 1991. Istoriya russkoy filosofii [History of Russian philosophy]. T. II. Ch. 1. Leningrad. (in Russ.)

3. Levitskiy, S.A., 1977. Vospominaniya o Losskom [Memories of Lossky], Noviy zhurnal (New York), Kn. 126, pp. 171-187. (in Russ.)

4. Levitskiy, S.A., 1960. Patriarkh russkoy filosofii (k 90-letiyu N.O. Losskogo) [The patriarch of Russian

philosophy (on the 90th anniversary of Nikolay Lossky)], Grani, no. 48, pp. 186-193. (in Russ.)

5. Lossky, N.O., 2008. Vospominaniya: zhizn' i filosofskiy put' [Memories: life and philosophical path]. Moskva: Vikmo-M, Russkiy put'. (in Russ.)

6. Lossky, N.O., 1936. Industrializm, kommunizm i utrata lichnosti [Industrialism, communism and the loss of personality], Noviy grad (Paris), no. 11, pp. 99-110. (in Russ.)

7. Lossky, N.O., 1954. Kakoy ideal protivopostavit' kommunizmu? [What ideal can we contrast with communism?], Noviy zhurnal, no. 37, pp. 257-265. (in Russ.)

8. Lossky, N.O., 1923. Kommunizm i filosofskoe mirovozzrenie [Communism and the philosophical outlook]. In: Sofiya. Problemy dukhovnoy kul'tury i religioznoy filosofii. Berlin: Obelisk. (in Russ.)

9. Starye – molodym [The old to the young]. Munich: Izd-vo TsOPE, 1960. (in Russ.)

10. Chamberlain, L., 2007. The Philosophy Steamer. Lenin and the exile of the intelligentsia. London: Atlantic Books. (in Russ.)

Памяти учителя: к 80-летию А.А. Биневского

In memory of our Teacher:
80th anniversary of the birth of Alexander A. Binevskiy

2 мая 2017 г. исполнилось 80 лет со дня рождения известного дальневосточного философа – Александра Александровича Биневского. Его ученики делятся воспоминаниями о его роли в становлении дальневосточного философского сообщества.

***

Феликс Евгеньевич Ажимов, доктор философских наук, директор Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, председатель Приморского отделения Российского философского общества:

На протяжении двадцати лет Александр Александрович возглавлял кафедру философии и одиннадцати лет – философское отделение Дальневосточного государственного университета, которое он основал. За время существования отделения было выпущено свыше ста

специалистов-философов, нашедших применение своим знаниям, прежде всего, в вузах Приморского края, средствах массовой информации, структурах власти, управления, экономики. Все мы с гордостью называем себя учениками Александра Александровича Биневского.

Александр Александрович был одним из тех редких людей, в которых гармонично сочетаются академическая основательность ученого, житейская мудрость опытного человека, образность мышления и тонкость восприятия эстета. Он умел слышать и слушать других, и это качество не раз выручало его в сложных ситуациях на посту руководителя. Он всегда интересовался новыми темами, очень тонко чувствовал дискуссии, идущие в современной философии, и передавал этот интерес студентам и аспирантам.

При кафедре философии ДВГУ А.А. Биневским была открыта аспирантура. Под его науч-

ным руководством защитили свои кандидатские диссертации девять аспирантов, в том числе и я.

Помимо Дальневосточного государственного университета А.А. Биневский читал лекции по философии и в других учебных заведениях города Владивостока. Александра Александровича приглашали для руководства подготовкой аспирантов во Владивостокский медицинский университет, Тихоокеанский экономический университет. Он читал лекции по истории философии музыкантам-теоретикам в Академии искусств и общий курс философии для остальных студентов, вел уроки обществоведения по курсу философии для школьников десятого и одиннадцатого класса средней школы-гимназии № 1 города Владивостока в 1996-1998 годах, чтобы опробовать методику преподавания философии в школе.

Умение свободно владеть аудиторией, высокая профессиональная культура создали авторитет А.А. Биневскому среди студентов, аспирантов и преподавателей. Каждая лекция Александра Александровича была оригинальна и незабываема. Даже спустя десятилетия мы – его студенты и аспиранты – вспоминаем яркий и неподражаемый стиль Биневского-лектора.

Не было ни одного случая, когда бы Александр Александрович пришел на лекцию неподготовленным: всегда с книгами, которые зачитывал, давая тем самым слово своим заслуженным собеседникам – Аристотелю, Платону, Августину Блаженному, Данте и многим другим философам. Для него слово философское обладало непреходящей ценностью, и это благоговение перед словесной тканью мысли он передавал нам.

Областью научных исследований Александра Александровича была история русской философии. Его кандидатская диссертация «Теория познания русских академических неокантианцев конца XIX – начала XX веков. Критический анализ» (1982 г.) во многом была пионерской, так как рассматривала постановку преподавания философского знания в высших учебных заведениях России до революции 1917 г. в Петербурге, Москве, Киеве, Казани и других городах. Под его руководством и при непосредственном участии было проведено несколько научных конференций международного и регионального уровня, в том числе по русской философии: о «Русской идее», о философии В. Соловьева, о философии Н. Бердяева. А.А. Биневский принимал активное участие в ряде международных конференций. Это орга-

низованный во Владивостоке Институтом «Открытое общество» и Шведским посольством в Москве при участии Министерства образования РФ и ДВГУ семинар-презентация «Уроки Холокоста как путь к толерантности», где он выступил с докладом «Холокост и изменение современной философии» (июнь 2001 г.). Это международная конференция «Толерантность, солидарность и безопасность в АТР» во Владивостоке (апрель 2002 г.), где сделал основной доклад «Толерантность: философия, процессы и образы» и вел конференцию, возглавил секцию. Им была подготовлена региональная конференция, при поддержке Фонда Д. Сороса, «Философское образование на Дальнем Востоке: история, теория, практика» (Владивосток, июнь 2000 г.), где им был сделан основной доклад «Из истории философского образования на Дальнем Востоке». Во Владивостоке прошло два международных симпозиума: «Проблема сознания в трудах индийских философов и современные аспекты человеческой деятельности» (октябрь 1997 г.) и Российско-индийский семинар: «Индия-Россия: перспективы в новом веке» (апрель, 2000 г.). Во втором симпозиуме принял участие Посол Республики Индии в РФ С.К. Ламба. На первом симпозиуме А.А. Биневский выступил с докладом «Проблема Восток-Запад в философии индийских мыслителей: Вивекананда» и на втором – по теме: «О преподавании индийской философии в современном гуманитарном вузе». Материалы опубликованы в одном случае издательством ДВГУ и в другом – Институтом востоковедения РАН под названием: «Россия-Индия: перспективы развития регионов (Приморский край)» (Москва, 2000 г.). Биневский А.А. принял участие в международной конференции, приуроченной к 70-летию ИФ РАН (Москва, 1999 г.), где выступил на круглом столе «Общественно-политическая книга в 21 веке», а также в международной конференции «Человек – культура – общество» к 60-летию воссоздания философского факультета МГУ (Москва, 2002 г.) на секции по русской философии по теме: «Плюрализм русской философии».

Александр Александрович объездил весь Приморский край, во многих районах побывал с лекциями и выступлениями на семинарах и конференциях. В местной печати (газеты «Владивосток», «Утро России», «Конкурент», журнал «Океанские вести») неоднократно выступал со статьями и заметками о философии и о работе философского отделения ДВГУ.

* * *

Ольга Леонидовна Грановская, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета:

Я помню, как Александр Александрович вел у нашей группы политологов курс «История философии», и это было незабываемо! Все девочки были влюблены в этого щедрого, благородного, чрезвычайно умного и красивого человека. Хотя мы не были философами, каждое занятие Александр Александрович придумывал для нас что-нибудь интересное: приносил на занятия кучи книг, рассказывал о них и их авторах и часто давал почитать, приводил со-лекторов (т.е. всяких интересных личностей). Мне запомнилось занятие по древнеиндийской философии, на котором выступал глава владивостокских кришнаитов и видный представитель богемы Василий Тушкин.

На мой взгляд, Александр Александрович был философом сократовского типа, и не потому что не оставил работ (он написал множество книг, учебников и статей), а потому что слушать его было намного интереснее, чем читать – каждая его лекция была красочным и увлекательным рассказом. Я стала философом не столько потому, что увлеклась этой дисциплиной, сколько потому, что меня пригласил в аспирантуру сам Биневский, который открыл новую для нашего университета специальность «Философия» и как раз набирал людей. У Биневского никогда не было проблем с набором на эту специальность. И дело не только в том, что время было такое – всех интересовала тогда философия, религия, эзотерика, а деньги как-то не очень – но, прежде всего, в том, что Александр Александрович своим авторитетом, харизмой, невероятным педагогическим и методическим талантом привлекал к себе многих людей.

Александр Александрович был абсолютно открытым человеком – его дом был вторым домом для студентов и аспирантов. Он никогда не жалел для нас времени, очень вдумчиво читал и редактировал наши тексты, давал жизненные и профессиональные советы. Главным его сокровищем была огромная библиотека: когда он уезжал в Москву, то передал ее университету. Сейчас, возможно, книги уже не являются тем единственным источником информации, каким они были для нас в 1990-х – 2000-х гг. А их у него было великое множество и на разные темы. Помню, он мне дал почитать уникальную кни-

гу о проблеме происхождения древних индусов (ариев) и там была такая глава: «Конопля, белладонна, мухомор», меня это очень позабавило и запомнилось надолго.

* * *

Татьяна Геннадьевна Щедрина, доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета, редактор журнала “Вопросы философии”.

Впервые я услышала об Александре Александровиче Биневском от своей мамы (она – историк, закончила ДВГУ и слушала лекции молодого Биневского). Потом – от нашего декана исторического факультета Олега Владимировича Сидоренко. Я собиралась уходить с экономического факультета (куда меня занесло случайно), но декан сказал: может, на философию пойдешь? Я согласилась, так как моя мама очень полюбила философию и передала эту любовь мне.

Я помню первую встречу с Александром Александровичем и первый его вопрос: почему вы хотите на философию? И мой ответ: я хочу быть преподавателем, люблю студентов и хочу читать лекции. И в этом ответе он услышал что-то близкое, ведь он и сам любил читать лекции, общаться со студентами и аспирантами. Больше вопросов он не задавал. Стали выбирать тему для аспирантуры. Он предложил заняться либо Густавом Шпетом, либо Иваном Ильиным. Я через неделю выбрала Шпета (почему – это отдельная история) и с тех пор он каждую неделю приносил мне новые книги, брошюры, посвященные этому философу.

Я вспоминаю, как мы с ним ездили на книжный рынок и заказывали там философские книги из серий «Книга света», «Российские пропилеи». В то время они казались мне страшно дорогими (их специально привозили по 1-2 штуки на город). Я тогда даже и думать не могла, что через несколько лет буду работать с автором этих проектов Светланой Яковлевной Левит и комментировать собрание сочинений Г. Шпета в серии «Российские пропилеи».

Буквально через полгода моего пребывания на философском отделении он передал мне свои историко-философские курсы «Философия средних веков», «Философия эпохи Возрождения», «Философия Нового времени» и «Философия эпохи Просвещения». Он оказал мне доверие, и я благодарна ему за этот ще-

дрый подарок (когда нет философского образования, – а его первыми аспирантами были историки или политологи, – нужно углубляться в историю философии самому, вот мы и росли вместе со студентами философского отделения). Каждый курс, каждую лекцию мы с ним обсуждали, он подбирал все учебные пособия, а также постоянно приносил философские произведения, которые мы со студентами читали и комментировали. Ведь тогда не было интернета, и его личная библиотека стала фундаментом философского образования для многих философов, окончивших ДВГУ.

Он не просто передавал знания, он тревожился о судьбе каждого своего студента и аспиранта, защищал их. Благодаря его авторитету (он требовал в отделе аспирантуры, чтобы каждому его аспиранту была предоставлена командировка от университета) мы побывали в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, каждый из нас работал в «Ленинке», сидел в архивах, выступал на интересных конференциях.

Он думал о том, где мы будем защищаться, ведь диссертационного совета по философским наукам во Владивостоке тогда не было. И каж-

дого из нас он довел до защиты, мы написали работы, которые достойно представили в диссертационных советах Москвы – в Институте философии РАН и на кафедре философии МПГУ.

* * *

Сегодня мы – ученики Александра Александровича – продолжаем заложенные им традиции философского образования на Дальнем Востоке. Ежегодно в Дальневосточном федеральном университете ведется набор на программы бакалавриата и магистратуры по философии (итого – более 40 человек в год), работает диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям в области философских наук, продолжают публиковаться книги в основанной Александром Александровичем серии «Философская библиотека ДВГУ», в рамках которой уже выпущено более 40 наименований. Можно сказать, что Александр Александрович Биневский стал создателем самостоятельной философской школы на Дальнем Востоке, так как только благодаря его стараниям появились философы – выпускники Дальневосточного университета.

